

ГРАММАТИКА

Ввиду отрывочности имеющихся сведений о мерянском языке представление о его грамматической системе может быть пока только фрагментарным. Перед исследователем предстают как бы отдельные обломки, случайно сохранившиеся от когда-то существовавшего единого целого – мерянской грамматики. Эти фрагменты, восстанавливаемые наиболее эффективно при их системной реконструкции, извлекаются из русского языка в виде субстратных, материальных и семантических включений. В обоих случаях с помощью финно-угорских сравнительно-исторических данных на основе этих субстратных пережитков мерянского языка можно реконструировать – с большей или меньшей степенью вероятности – ту или иную часть его грамматической систе-

мы. Однако степень вероятности правильной формальной, а не только функциональной интерпретации реконструируемых мерянских грамматических фактов несравненно выше при использовании материальных включений мерянского языка, чем при истолковании его предполагаемых грамматических калек в русском, где можно отчетливо представить лишь внутреннюю форму соответствующих грамматических явлений. Тем не менее даже случаи, когда при отсутствии конкретных сравнительно-исторических данных восстанавливаемая клетка парадигматической таблицы остается пустой, важны для реконструкции языка, поскольку они дают возможность с большей полнотой представить его как систему, делают более целеустремленными дальнейшие поиски.

МОРФОЛОГИЯ

Имена

Существительное

В связи с полным отсутствием сведений о словоизменении других именных частей речи и тем, что особенности мерянского склонения реконструируются исключительно на основе сведений о существительном, целесообразно говорить не о субстантивном, а об именном склонении. Науке пока не известно, склонялось ли в мерянском языке прилагательное (подобно прибалтийско-финскому) или, как в других финно-угорских языках (при отсутствии его субстантивации), являлось несклоняемым.

фрагменты системы мерянского именного склонения

Как мертвый язык, лишенный письменных текстов (во всяком случае, известных современной науке), мерянский дает весьма ограниченную возможность воссоздать систему своего именного склонения. Не говоря уже о том, что это полностью исключено для притяжательной парадигмы (судя по данным родственных языков, имевшейся в нем), затруднена даже реконструкция основного склонения – установление количества, состава, форм и функций падежей. Причинами являются крайняя скуд-

ность доступных языковых фактов и сложность их точной интерпретации, поскольку они представляют собой обособленные примеры предполагаемых застывших мерянских форм, оторванных от мерянского контекста и выступающих ныне в русском языке, с грамматикой которого не связаны. Все это, делая вынужденно фрагментарной реконструкцию системы мерянского склонения, придает большую или меньшую степень условности полученным с ее помощью результатам. Источниками восстановления парадигмы мерянского основного склонения служат: 1) материальные факты русского языка, возводимые к мерянскому и сравнимые с соответствиями в других финно-угорских языках (случай наиболее достоверный); 2) семантические особенности русского субстантивного (2-го) склонения, позволяющие толковать их как кальки мерянских падежей, функцию и форму которых можно предположить, опираясь на сравнительно-исторические данные (случай менее надежный).

К числу падежей мерянского основного склонения, реконструируемых с помощью их материальных остатков в русском языке, относятся номинатив, генитив, иллатив, вокатив (звательная форма части существительных) в единственном числе и номинатив множественного числа.

Номинатив единственного числа отражен подавляющим большинством слов и названий предполагаемого мерянского происхождения: *урма* «белка» (Костр. губ. – Кол) ООБС 240 – ф. *orava*, саам. *oarre*, морд., мар., коми *ур* «то же»; *лейма* «корова» (Костр. губ. – Гал) ООБС 102 – ф. *lehmä* «то же», морд. Э *лишме* «лошадь»; *соръез* «хариус *Thymallus*» (Костр. – Кол, Меж, Чухл) Востр 46 – ф. *harjus* «то же»; **at'a* «отец; старик» (*Ате(бал)*) (Костр. губ. – Кол) (Vasmer 417) – мар. *ачá* «отец; свекор», мар. Г *áтя* «отец», морд. Э *атя* «старик; муж», венг. *atya* «отец»; **peža* «гнездо» (*Пезо(бал)*) (Костр. губ. – Кол) Vasmer 417) – ф. *pesä*, эст. *pesa*, фон. *peža*, морд. М *пиза*, мар. *пыжáш*, венг. *fészek* «то же»; **ralo* «деревня, село» (н.п. (*Ки*)*бало* (1578 г.) (Вл. губ. – Сузд, Vasmer 417), н.п. (*Нуш*)*поло* (Вл. губ. – Ал, Vasmer 418)) – венг. *falu* (< **ralu*), манс. *павыл*, хант. (вах., вас.) *пуүөл* «то же».

Генитив, как и другие косвенные падежи единственного и номинатив множественного числа, засвидетельствован в единичных примерах, застывшая форма которых, воспринимаясь и употребляясь в русском языке как им.п. ед.ч., может быть реконструирована в своей исходной мерянской функции только с помощью сравнительно-исторических данных: **Jähren* (*juk*) «озера (= озерная) (река)» (р. *Яхрен*, левый приток Клязьмы, – Вл, Смол 208), **jähren* – ген. ед.ч. от **jähre* «озеро» + **juk* (> р. *Юг*, левый приток Оки, – Вл, Смол 196) (ср. ф. *joki* «река», эст. *jõgi* «то же») – ф. *järven*, ген. ед.ч. от *järvi* «озеро», компонент ряда сложных слов – *järvenranta* «берег озера», *järvenpinta* «гладь озера», *järvenselkä* «плес (на озере)»¹, морд. Э *эрькенъ* < **ërken*, ген. ед.ч. от *эрьке* «озеро», мар. *ерын*, ген. ед.ч. от *ер* «озеро», мар. Г *йáрын* от *йáр* «озеро»; **Ñeron* (*jähre*) «болота (= болотное) (озеро)» (> рус. (арг.) *Нерон* «Галичское озеро (имеющее болотистые берега)» Вин 20), ген. ед.ч. от **n'ero* «болото» – манс. *nêr*, *nêr*, *nar*, хант. *норэм*, (сургут.) *нурэм*, коми, удм. *нур* «то же», мар. *нур* «поле», нен., сельк. *нар* «болото».

Иллатив: **tuljas* «в огонь», **Duljas* «то же» (вариант с позиционным озвончением начального глухого согласного после гласного или сонанта) > рус. (арг.) *дуляс* «огонь» (Костр. губ. – Гал) Вин 45 – форма илл. ед.ч. от мер. **tule*/**Dule*² «огонь» > рус. (арг.) *дулин* «огонь» (Костр. губ. – Гал) Вин 45. Устанавливается на основе сравнения с соответствиями древней прибалтийско-волжско-финской иллативной формы с окончанием *-s*, сохраненными лучше всего мордовскими языками и отраженными в части образований финского и марийского языков: морд. *толс* «в огонь» (*тол* «огонь»), морд. Э *кудос* «в дом» (*кудо* «дом»), ф. *ylös* «наверх», *alas* «вниз» (*ala* «пространство; место; площадь» < «низ»,

¹ Мерянский язык, как и финский, в качестве первого компонента сложного слова мог, видимо, кроме генитива, использовать номинатив единственного числа, ср.: *Яхробол* < **Jährê* + *Vol* (Яр. губ. – Дан, Vasmer 416) «Озерная деревня (букв. – озеро + деревня)» – ф. *järvikala* «озерная рыба (букв. – озеро + рыба)».

² Ср. близкий по характеру изменения основы тип склонения эст. *kiri* «письмо» – *kirja* «письма» (ген. ед.ч.).

морд. М *ала* «нижний; низко, внизу»); мар. *куш* < *kus «куда», *чодраш* < *čodras «в лес» (*чодра* «лес»)»³ [7, с. 294, 300; 20, с. 49].

Вокатив (или вокативная форма) в мерянском, видимо, как и в мордовских и марийских языках, употреблялся в единственном числе по отношению к существительным, обозначающим людей (как правило, родственников): мер. (поздн.) **тамај* «мама (в вокат.)» > рус. (диал.) *мамáй!* (зват. от *мама*, очевидно, свойственного также части (поздне)мерянских говоров, Яр – Первом, ЯОСК), возможно, также мер. **кокој!* «дядя! (вокат. от **коко*)» > рус. (диал.) *кóкой*» (им.п. ед.ч.) дядя; крестный отец», Яр – БС, Первом, ср. рус. (диал. ярсл., костр.) *кока* «старшая сестра; тетя; крестная мать» при мар. *кока́* (зват. – *кока́й*) «тетя». Предполагаемому мерянскому вокативу с формантом -j соответствуют по форме и по функции аналогичные факты мордовских и марийского языков: морд. Э *леляй* (форма обращения от *леля* «старший брат»), морд. М *тядяй* (форма обращения от *тядя* «мать»), мар. *авáй* (форма обращения от *авá* «мать; свекровь»).

Номинатив множественного числа: мер. **βānək* «вилы (с двумя зубьями)» (мн.ч.), **βeñ* «то же» (ед. ч.) < и-е. (субстр.) **dwāni* «(вилы)-двойни» > рус. (диал.) *бяньки* (Яр – Любим) ЯОСК, *бянки* (Яр – Любим) ЯОСК, *вянки* (Костр – Гал, Парф) ЯОСК – *бени* (Яр – Дан) ЯОСК. Возможно, показатель номинатива множественного числа отражают и мер. **kiсок*/**kišok* – слово невыясненного происхождения (> рус. (диал.) *кицók/кичók* «два столбика, на которых укрепляется голбец (подвал, подполье) в избах» (Яр – Дан, Мол) КЯОС 87, ЯОСК – слово, обозначающее множественное число, но в русском языке воспринимающееся как существительное единственного числа), а также **рапок* «курганы», **рапо* «курган» (> рус. (костр.) *пан-к-и*, *пан-ы* «курганы (судя по археологическим раскопкам, с захоронениями мери)» [22, с. 232–234], ср. ф. *раппа* «положить», *рапо* «вклад», вепс. *panda* «положить», *maħapanend*

³ Сближение мер. -s с эст. -s как показателем инессива (ср. эст. *kirjas* «в письме») маловероятно, поскольку этот формант является относительно поздним новообразованием эстонского языка, возникшим из первоначального **-ssa* < **-sna* [139, с. 97].

«похороны (букв. – в землю положение)», морд. Э *ландо* «гора») [147, с. 116–117]. Как показатель множественного числа -k (в отличие от рассмотренных выше падежных окончаний) сближает мерянский не с прибалтийско- и волжско-финскими языками, а с венгерским, ср.: венг. *villa* «вилы (ед.ч.); вилка» – *villák* «вилы (мн.ч.); вилки», *ember* «человек» – *emberek* «люди», *ablak* «окно» – *ablakok* «окна», *mező* «поле» – *mezők* «поля»; ф. *hanko* «вилы» (ед.ч.) – *hangot* «вилы» (мн.ч.), *talo* «дом» – *talot* «дома»; морд. Э *сянго* «вилы» (ед.ч.) – *сянгт* «вилы» (мн.ч.), морд. М *цянга* «вилы» (ед.ч.) – *цянкт* «вилы» (мн.ч.), морд. *лакся* «поле» – *лаксят* «поля».

Рассмотрение в сопоставительно-историческом плане черт 2-го склонения существительного в русском литературном языке, типологически близких финно-угорским, с семантикой, не свойственной другим славянским языкам, позволяет предположить, что, кроме упомянутых падежей, в мерянском были также партитив, инессив, элатив, адессив, аллатив и аблатив единственного числа, то есть в целом 11 падежей⁴.

Русскому языку свойственно во 2-м склонении существительных мужского рода с вещественным значением в родительном

⁴ Типологическая близость русской падежной системы с финно-угорской, несмотря на существование тех же падежей в прибалтийско-финских языках, не может быть связана с их влиянием, так как говоры, которые легли в основу русского литературного языка, не имели контактов с прибалтийско-финской группой. Еще менее вероятно видеть в этой близости результат воздействия мордовских или марийского языков, поскольку их падежная система ко времени контактов с восточными славянами отличалась от предполагаемой мерянской (и прибалтийско-финской). Ввиду того, что Центральная Россия, где сложился русский литературный язык, была местом былого распространения мери, наиболее логично видеть в данной близости последствие именно мерянского субстратного влияния, близость же состава мерянской и прибалтийско-финской именной парадигм объясняется близостью соответствующих языков. Подтверждением этого служит и тот факт, что единственным финно-угорским этносом, на который, кроме прибалтийских финнов, славяне распространяли названия чудь, чудский(-ой-), была меря (ср., напр., *Чудской*, то есть *мер(ян)ский*, *конец* – название одной из частей Ростова) [70, с. 99].

падеже единственного числа различать генитивный вариант на *-а* (*-я*) и партитивный на *-у* (*-ю*), что соответствует прибалтийско-финскому генитиву и партитиву, ср.: рус. *цена сахара, чая, вкус супа, сыра, творога – достать* (сколько-нибудь) *сахару, чаю, супу, сыру, творогу*; ф. *sokerin, teen hinta, keitton, juuston, uunipiimän maku – sokeria, teetä, keittoa, juustoa, uunipiimää (jonkin verran) saada* [159, S. 86]. Ввиду того, что возникновение партитивного варианта, чуждого другим славянским языкам, наиболее естественно объяснить субстратным воздействием мерянского, следует допустить наличие в нем наряду с генитивом партитива.

В том же склонении русского языка целый ряд существительных мужского рода в предложном падеже единственного числа обнаруживает два варианта – инессивный на *-ѹ* (*-ѹ*) и адессивный на *'-е*, что соответствует прибалтийско-финскому инессиву и адессиву, ср.: рус. *В этом лесу нет ничего интересного* (то есть животных, растений и т.д. внутри леса) – *В этом лесе* (≈ У этого леса) *нет ничего интересного* (взгляд на лес со стороны, в целом); *В саду есть беседка* – *В этом саде* (≈ У этого сада) *есть что-то очаровательное*; эст. *Selles metsas ei ole midagi huvitavat – Sellel metsal ei ole midagi huvitavat; Selles aias on lehtla – Sellel aial on*

miski hurmav [159, S. 87]. Исходя из отсутствия подобных – инессивного и адессивного – вариантов в предложном падеже единственного числа у других славянских языков, их появление в русском скорее всего можно объяснить мерянским влиянием, что косвенно свидетельствует о возможности существования в нем соответствующих падежей единственного числа.

В финно-угорских языках, в частности прибалтийско-финских, к которым, видимо, был близок мерянский, обычно имеются внутренне- и внешнеместные падежи, выражающие каждое из трех значений – «где?» «куда?», «откуда?». Поэтому вывод о существовании двух мерянских внутреннеместных падежей – иллатива и инессива – неизбежно вызывает мысль о наличии также элатива, а предполагаемый с помощью типологических данных адессив дает основание допускать также существование еще двух внешнеместных падежей – аллатива и аблатива.

Исходя из сравнения окончаний праприбалтийско-финской и прамордовской именных парадигм, к которым, очевидно, была наиболее близка мерянская, флексию последней в ее формальном выражении следует скорее всего реконструировать следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Парадигма реконструируемых падежей мерянского существительного в сравнении с их прибалтийско-финскими и прамордовскими соответствиями

Падеж	Язык		
	праприбалтийско-финский	прамордовский	мерянский
генитив	*-n	*-n	*-n
партитив	* ta		** -ta/** -Da
инессив	*-sna > -ssa	*-sna > *-ssa > -sa	** -sna (? > ** -ssa)/ (> ** -sa
иллатив	*-s > (*-s + eñ) *-sen > -een	*-s	*-s
элатив	*-sta	*-sta	** -sta
адессив	*-lna > -lla	*-na (морд. Э <i>kizna</i> «летом») (-*lna > *-lla) -la морд. М <i>ftala</i> «сзади») -la	** -lna (? > ** -lla)/ (> ** -la
аллатив	*-l > (*-l + eñ) *-len > -lle	-ŋ (? < *- ŋe < *-n-ke)	** -l
аблатив	*-lta	*-ta	(** -lta >) ** -lDa

Примечание. Фонетические варианты, связанные с сингармонизмом, для краткости изложения не учитываются.

Используя результаты реконструкции в виде фрагментов парадигмы мер. *palo «деревня, село» и отчасти *at'a «отец» в срав-

нении преимущественно с ф. kylä «деревня, село», морд. М *веле*, частично венг. falu «то же», можно получить таблицу (табл. 2).

Таблица 2. Склонение существительного мерянского языка в сопоставлении с финским, мордовским-мокша и венгерским

Число	Падеж	Язык			
		мерянский	финский	мордовский-мокша	венгерский
единственное	номинатив	palo	kylä	<i>веле</i>	falu
	генитив	palon	kylän	<i>велень (< -*н)</i>	
	партитив	[*paloDa]	kylää < -*ä	-	
	инессив	[*palosna]/(>)	kylässä	Местн. <i>велеса</i>	
		[*palosa]			
	иллатив	palos	kylään (*-zeñ)	Напр.-внос. <i>велес, вели</i> (Э <i>велев</i>)	
	элатив	[*palosta]	kylästä	<i>велеста</i>	
	адессив	[*palolna]/(>)	kylällä	-	
	[*palola]				
	аллатив	[*palol]	kylälle < < *-leñ	-	
	аблатив	[*palolDa]	kylältä	<i>веледа</i>	
	вокатив	at'aj «отец! (отче!)»		<i>атяй «дед!»</i>	
множественное	номинатив	palok	kylät	<i>велет</i>	faluk

Примечание. Форма окончаний дается без учета возможной, особенно в позднем мерянском, редукции *palê < *palo, *palên < *palon и т.п.

Из фактов, отраженных в таблицах, вытекает, что падежами единственного числа мерянская именная парадигма в реконструируемой области наиболее близка к прибалтийско-финской и мордовской, особенно в ее прамордовском состоянии, занимая как бы промежуточное положение между ними. Единственным исключением является номинатив множественного числа, наиболее близкий по форме к венгерскому. Ввиду того, что в исторический период мерянский язык располагался между прибалтийско- и волжско-финскими языками, был с ними связан также лингвистически,

а с венгерским языком непосредственно не соприкасался, наиболее оправданно считать, что эта черта сходства с венгерским может быть лишь следствием длительных и тесных контактов и приобретена еще до переселения протомерян с финно-угорской прародины. Здесь, входя в группу прафинских диалектов, протомерянский, очевидно, располагался в наиболее восточной части их территории, что позволяло ему непосредственно контактировать с протовенгерским как наиболее западным идиомом праугорского и привело к их частичному сближению.

Другие именные части речи

Поскольку о словоизменении других именных частей речи в мерянском пока ничего не известно, следует ограничиться только приведением тех слов, которые, по-видимому, могли к ним относиться. Среди субстратных пережитков мерянского языка в русском по сравнению с абсолютно преобладающими существительными и довольно sporadичными, но все же относительно частыми глаголами обнаруживаются лишь единичные примеры слов, которые можно с большей или меньшей степенью уверенности отнести к прилагательным, числительным или местоимениям. Все эти постмерянские остаточные лексемы, обнаруживаемые в русском областном словаре, не лежат на поверхности, а нередко славизированы путем вторичного этимологического сближения с формально близкими словами славянского происхождения. Поэтому здесь каждая из соответствующих лексем требует, как правило, предварительного доказательства, ее этимологизирования и идентификации в качестве исходно мерянской.

Прилагательное

К числу немногих прилагательных, по-видимому, мерянского происхождения следует отнести слово **βäDrä* «сильный, здоровый (в частности, о человеке)», реконструируемое формально и семантически на основе русского диалектного (очевидно, постмерянского) *неведря* «человек слабый, болезненный» (Костр. – Антр, Яр – Гавр.-Ям) КЯОС в сопоставлении с морд. Э *вадря* «хороший, красивый; добрый; качественный» (*вадря ломань* «добрый человек»; *вадрядо вадря* «очень хороший (букв. – от хорошего хороший)»; *вадрясто вадря* «лучший из лучших (букв. – из хорошего хороший)»; *вадря мель* «доброе пожелание»), морд. М *вадря* (*вадряв*) «гладкий, приглаженный (о ворсе, шерсти, волосах)». В значении «человек слабый, болезненный» слово могло представлять собой полукальку первоначального мер. **e βäDrä* «(букв.) несильный, нездоровый», откуда дальнейшее «слабый, болезненный». Позднее, оторвавшись от первоначальной мерянской языковой почвы,

слово стало восприниматься как существительное и субстантивировалось в связи с тем, что по форме, которая не изменилась, оно отличалось от русско-славянских прилагательных и на фоне языковой системы русского языка должно было восприниматься как существительное. Появление формы *-ведря* вместо *-вадря* может объясняться как фонетически (неточностью передачи в русском языке мер. *ä*, занимавшего промежуточное положение между рус. *-e-* и *-'ä-*, орф. *-я-*), так и семантически (вторичным сближением постмер. **вадря* < мер. **βäDrä* с русско-славянскими словами *вёдро* «летняя ясная, сухая погода», *ведренный* «сухой, ясный (о погоде)»), что дает возможность осмыслить неясное на фоне лексики славянского происхождения слово *неведря* как «слякотный (перен. – болезненный)». В пользу мерянского происхождения слова говорят ареал его распространения, явно постмерянский, и слабое вероятие проникновения сюда морд. *вадря*, которое по всем признакам (и формально, и семантически) скорее всего отличалось от исходных особенностей предполагаемого мерянского слова.

Исходное мер. **il'Doma/-Dēmē* «необитаемый (безжизненный)», образованное, очевидно, с помощью суффикса *-Doma/-Dēmē*, обозначающего отсутствие какого-либо предмета, свойства, признака, связанного с основой (корнем), в данном случае – *elä* «жизнь» (ср. д. *Элино*⁵, Костр. губ. – Кол. 1858 г.), реконструируется на основе названий – р. *Ильдомка* (уменьш. от исходного *Ильдома*) (Костр), с. *Ильдомское* (Яр. губ. – Люб.) и с. *Ильдом* (там же) – с помощью сопоставления с этимологически с ним связанным в корневой и суффиксальной частях мар. *илдыме* «необитаемый, нежилой» [82, с. 233]. Обе части, как корневая, так и суффиксальная, являясь финно-угорскими по происхождению, имеют целый ряд соответ-

⁵ Данные из ревизской сказки, хранящейся в архиве Кологривского краеведческого музея (филиала Костромского историко-архитектурного музея-заповедника), с которой автор мог ознакомиться летом 1979 г.: Ревизская сказка 1858 года Генваря 22 дня Костромской Губернии Кологривскаго Уѣзда Дерѣвни Элина...

ствий вне мерянского и марийского языков, ср.: 1) ф. *elää* «жить», эст. *elama* «то же», саам. *Н allet*, морд. *эрямс* (при исходном **eläms* «то же» – морд. Э *элякадомс* «порезвиться» < «стать живым, резвым» от **elä* «живой, резвый»), мар. *илаш* «жить», *йле* «сырой, влажный; живой (о деревьях)», коми *овны* «жить», венг. *élni* «то же» [156, т. I, с. 37; 101, с. 137-140]; 2) ф. *voima-ton* «бессильный» (от *voima* «сила»), саам. *čalmetäm* «слепой (букв. – безглазый)» от *čalbme* «глаз»; морд. Э (абессивный, или лишительный падеж) *узёр-теме* «без топора» от *узере* «топор», удм. *син-тэм* «слепой (букв. – безглазый)» от *син* «глаз», где выступают суффиксы, восходящие к ф.-перм. *-*ttom-*/*-ttem-* при угор. *-*ttal-*/*-ttel-*; манс. *nítel* «неженатый (букв. – безженный от *nī* «женщина»)», венг. *nő-tlen* «неженатый» < *nőtelen* от *nő* «женщина».

С помощью того же суффикса, должно быть, образовано также мерянское прилагательное **kolDoma*/**-Dətə* «безрыбный». Прилагательное реконструируется на основе названия р. *Колдомка* (Костр. губ.)⁶, очевидно, образованного с помощью суффикса -*к(а)* от исходного рус. (постмер.) **Колдома*, представляющего собой суффиксальный дериват от мер. **kol* < **kalə* < **kala* «рыба» с характерным для мерянского языка переходом гласного нового закрытого слога в гласный следующего более высокого подъема, ср.: (Ki-)Vol < (Ki-)Valo «(Каменная) деревня», а также **urma* < **oraβ*/(*м*)а, ф. *orava* «белка», **il'Doma* «безжизненный» – **elä* «живой». Принимая в целом подобное объяснение, даваемое Т.С.Семеновым [82, с. 236], нельзя, однако, согласиться с его этимологическим сближением предполагаемого мерянского слова с якобы мар. *колдомо* (*колдымы*) «безрыбный(-ая)⁷ (здесь: река)», поскольку

⁶ Образование славянским населением названий рек с помощью суффикса -*ка* от местных постмерянских гидронимов вообще, видимо, было характерно для бывшей мерянской территории; иногда оно могло служить для различения одинакового названия реки и поселения (ср. г. *Кострома* и р. *Кострома*: реку местное население в отличие от города часто называет *Костромка*).

⁷ Ввиду отсутствия в финно-угорских языках грамматического рода форма прилагательного при переводе дается, как правило, только в мужском роде.

близкое к слову мар. *кóлдымо* является производным от *колáш* «(у)слышать» и означает «неслышный; не имеющий слуха, глухой». Не имея прямого соответствия в марийском и находя его скорее в финском (ср. ф. *kalaton* «безрыбный», *kalattomuus* «безрыбье»), мерянское слово объясняется с помощью указанных выше соответствий его суффиксальной части, такой же, как и у предыдущего мерянского прилагательного, и сближения его производной основы мер. **kol* «рыба» с такими финно-угорскими (и уральскими) соответствиями, как ф., эст. *kala* «рыба», саам. *Н guolle*, морд. *кал*, мар. *кол*, манс. *хул*, хант. *хул*, венг. *hal*, нен. *халя* «то же» [156, т. I, с. 146; 73, с. 404].

Исходное мер. *maZəj* «красивый, приятный, милый» восстанавливается на основе рус. (диал.) *мазистый* «красивый (о человеке)» (Яр – Рыб) ЯОСК в сопоставлении с морд. Э *мазий*, морд. М *мазы* (*мази*) «красивый», которое в последнее время сближают с коми *муса* «милый, любимый», удм. *мусо* «милый, дорогой» [54, с. 179]. В случае принятия последнего сближения, возможно, производящее мерянское существительное **maz(ə)* «любовь» следует видеть отраженным в рус. (диал. – новг.) *маз* «любовник» [26, т. I, с. 289]. Подобное объяснение возникает в связи с тем, что морд. Э *мазий*, а с ним и реконструируемое мер. **mazəj* являются отыменными прилагательными, образуемыми от существительных с помощью урал. (> ф.-уг.) суффикса -*j* < -*η* < **ηə*: морд. Э *кеže-j*, (диал.) *кеže-η* «злой» от *кеž* «гнев, злоба» [87, с. 78-79], имеющего ряд соответствий в других родственных языках, напр., манс. *toβləη* «крылатый» от *toβl* «крыло»; хант. *цодə-η* «ветренный» от *цот* «ветер»; сельк. *кагу-η* «косой» (ср. нен. *хåра* «изгиб, зигзаг, поворот») [87, с. 79; 143, S. 141]. По-видимому, производящим могло быть ф.-уг. (диал.) **maza* > **mazə* «любовь», производное от которого, будучи образовано с помощью суффикса *η(ə)*, первоначально имело значение «любимый, милый», а затем через оттенок «милый, приятный (на вид)» приобрело значение «красивый». Рус. *мазистый* можно рассматривать как образованное с помощью суффикса -*ист-* непосредственно от мер. *maZəj* «красивый, милый», точнее – его постме-

рянского отражения *мазий «то же» или – менее достоверно – от производящего *ма-з(о)* < мер. *maZ(ə)* «любовь; красота». Однако допустимо и другое объяснение. Не исключено, что в мерянском употреблялся суффикс *-Zə- < *-sa со значением уменьшительности, соответствующий морд. *za* со значением неполноты качества, ср. морд. *Ma kša* «белый» – *akša-za* «беловатый», *ravža* «черный» – *ravža-za* «черноватый» и под. [87, с. 76–77]. Поскольку с ф.-уг. *-sa- > морд. -za- скорее всего первоначально связывался оттенок уменьшительности, с функциональной точки зрения подобное объяснение мер. -Za- представляется вполне правдоподобным. В таком случае рус. (диал.) *мазистый* могло образоваться непосредственно на основе постмер. *мази(й)зий < мер. *maZə(j)Zə «красивенький, хорошенький», конечная часть которого -и(й)за на основе формального сходства была сблизена с суффиксом -ист-, характерным для русских прилагательных, и заменена им.

Числительное

Мер. *ika/ikə «один», уменьш. *ik-a/ə-nä* (ср. морд. *М фкяня*, уменьш. от *фкя* «один») реконструируется на основе рус. (арг.) *иканя* «одна копейка (букв. – единичка)» (Углич) Свеш 82, КЯОС, *икане* «то же» (Твер. губ. – Каш) ТОЛРС ХХ 167 в сопоставлении с финно-угорскими числительными со значением «один», обнаруживающими несомненное формальное и семантическое сходство с предполагаемым мерянским словом, ср. ф. *yksi* «один», эст., вепс. *üks*, лив. *ikš*, саам. (сев.) *ok-ta*, морд. Э *вейке*, морд. *М фкя*, мар. *ик*, коми *ōti*, удм. *odig*, хант. *it'*, манс. *akwa*, венг. *egy* < ф.-уг. *ikte/*ükte «то же» [156, т. 16, s. 1856–1859; 87, с. 108–109; 73, с. 423]. В пользу мерянского происхождения слова говорит как его своеобразие на фоне финно-угорских соответствий, так и его ареальная характеристика, распространенность на бывшей мерянской территории.

Мер. *šeZ'um/*šiZ'um «семь» воспродуцируется на основе рус. (арг.) *сезум* «семь» Вин 49, *сизум* (Кострома) «семь копеек» Вин 49 в сопоставлении с соответствующими финно-угорскими фактами, ср. ф.

seitsemän «семь», кар. *seitšsemä(n)*, *seitšen*, вепс. *šeitšime*, эст. *seitse*, ген. *seitsme*, саам. *K čihčem*, морд. *сисем*, коми *сизим*, удм. *сизым* «то же» [156, т. 4, s. 991]. Во всех указанных языках, включая мерянский, рассматриваемые числительные восходят к общему индоевропейскому источнику [87, с. 112]. При несомненном материальном и семантическом сходстве с другими финно-угорскими соответствиями мерянский язык обнаруживает и явное своеобразие. С формальной точки зрения мерянское числительное наиболее близко (во всяком случае, в своем консонантизме) к пермским – коми и удмуртскому, – однако явно отличается от них вокализмом, в особенности конечного слога. Ввиду отдаленности территории, на которой зафиксированы русские арготизмы, предполагаемые в качестве постмерянских, более чем сомнительно усматривать в соответствующих русских словах заимствования из пермских языков, тем более, что, кроме ареального, против этого свидетельствует упомянутый фонетический аргумент – несоответствие вокализма последнего, а возможно, и первого слога слова (ср. рус. (арг.) *сезум* при коми *сизим*, удм. *сизым*). К фонетическим особенностям слова в целом, склоняющим к его определению как мерянского, относится характерное частичное озвончение согласного в интервокальной позиции, особенно в не первом слоге, ср. *šeZ'um/šiZ'um* – морд. *сисем*. Последнее обстоятельство в связи с тем, что подобное и даже более сильное озвончение происходило, видимо, и в мордовских языках (ср. морд. Э *kudo-zo* (букв.) «дом-его» < *kudo-so «то же»), следует объяснять более длительным сохранением мордовскими языками какого-то словосочетания согласных, в составе которого выступало срединное -s- (напр. ф. *seitsemän* «семь»), в период перехода интервокальных глухих в звонкие, и более ранним упрощением этого словосочетания с сохранением -s-, что вызвало его озвончение в мерянском языке. Другая фонетическая черта слова, носящая еще более ярко выраженный мерянский характер, проявляется в вокализме его конечного слога, где, как следует полагать, отражен результат типичного фоне-

тического явления мерянского языка – перехода гласных новых закрытых слогов в гласные более высокого подъема (в данном случае -'o- в -'u). По-видимому, в предшествующий период здесь в слоге, который тогда еще не был конечным, выступал звук -'o- (-o- с предшествующим смягчением согласного), ср. ф. *seitsemän*, где после соответствующего ему второго (конечного) мерянского слога идет еще третий, являющийся конечным в финском. Падение этого конечного (третьего) слога в мерянском, – возможно, через промежуточную стадию редуцированного – могло стать причиной перехода гласного второго слога -'o- в -'u-: *seZ'om(ə)* > **seZ'um* (ср. **oraβa* (фин. *orava*) > **orəβa* (-n), ген. ед.ч. -n, > **orəma* > **urma*). Своеобразие слова среди соответствий родственных языков, обусловленное спецификой языка, в сочетании с ареалом его распространения доказывают принадлежность и этого числительного именно к мерянскому языку.

Остальные надежные данные, касающиеся материальной стороны мерянских числительных, пока отсутствуют. Однако есть семантические факты (относящиеся к калькам и полукалькам), которые позволяют составить представление о внутренней форме еще двух мерянских числительных. Подобный материал также представляет интерес, пусть пока только косвенный, так как, опираясь на него, можно более конкретно выяснить, в каком направлении должна вестись дальнейшая реконструкция, вполне осуществимая при наличии соответствующих материальных фактов, а также внешней формы, помогающей конкретизировать уже известную форму внутреннюю.

К числу подобных примеров внутренней формы мерянских числительных, очевидно, относится русское диалектное наречие *без-дву* «без двух», употреблявшееся в особом счете, напр., *без-дву тридцать*, «двадцать восемь» и т.п. (Вл. губ. – Переясл.) СРНГ II 186. Данная система счета интересна тем, что она точно или приблизительно калькирует финно-угорскую, которая на территории бывшей Владимирской губ. (согласно современному административному делению в пределах нынешней Ярославской обл.) может относиться только к

мерянскому языку. Вот что по этому поводу пишет Б.А.Серебренников: «...характерная черта системы числительных финно-угорских языков состоит в том, что числительные «восемь» и «девять» не имеют собственных названий, а образуются опосредованно по схеме «два до десяти», «один до десяти», ср. ф. *kahdeksän*, *yh-deksän*, норв.-саамск. *gav-če*, *ov-če*, горно-мар. *kändakš(ə)*, *əp-dekš(ə)*, мар. *kan-daš(ə)*, *in-deš(ə)*, коми-зыр. *kökja-mys*, *ök-mys*, эрзя-м. *kavkso*, *vejk-së* и т.д.» [87, с. 107]. Эта система, причем с применением мерянского по происхождению *иканя* «одна копейка» (*без икани*) и примерами на «восемь» и «девять», отражена также в денежном счете условного языка торговцев г. Углича, расположенного на бывшей мерянской территории, поэтому, несмотря на языковую разнородность указанного аргю, включающего наряду с мерянскими тюркские (татарские) элементы, данную особенность следует признать определенным пережитком мерянского языка, ср.: *без дертахы* (*дертахы* = 2 копейки) *он алтын* (= 30 копеек) «28 копеек»; *без икани он алтын* «29 копеек»; *без дертахы ярым* (*ярым* = 50 копеек) «48 копеек»; *без икани ярым* «49 копеек» и т.п. (Свеш 82-83). Поскольку в тюркских языках данная модель построения числительных, включающих числа «восемь» и «девять», не действует, а для финно-угорских языков, в частности финских в широком смысле⁸, к которым, по-видимому, относился и мерянский, она характерна, в данных оборотах, возникших на постмерянской территории, можно видеть только использование смешанного арготического языкового (мерянского и тюркского) материала по мерянской семантической модели, возможно, переданной недостаточно точно. Таким образом, появляется возможность представить себе хотя бы приблизительно внутреннюю форму мерянских числительных «восемь» и «девять». Вместе с тем на основании указанных данных можно считать, что в мерянском, как и в других финно-угорских

⁸ Иначе дело обстоит в угорских языках: «Обско-угорские языки и венгерский также не имеют собственных названий для числительных «восемь» и «девять», но схема их образования отлична от вышеописанной (для финских языков. – О.Т.)» [87, с. 108].

языках финно-пермской ветви, числительные «восемь» и «девять» не имели специальных слов, образованных от особых корней, а передавались описательно путем указания на то, что первое меньше десяти на две единицы, а второе – на одну. Остается, однако, открытым вопрос о конкретной материальной форме данных мерянских числительных, в том числе о точности передачи их внутренней формы рассмотренными кальками.

Местоимение

От системы мерянских местоимений сохранились совсем незначительные остатки – личное местоимение *та «я» и указательное местоимение *sí «этот (-а, -о)».

Первое из них восстанавливается на основе рус. (арг.) *мас* «я» (Галич) Вин 48, *масовский* «сам» < ? «я сам» (Владимир) Вин 48, *по-масовски* «по-нашему» (Углич) Свеш 90 в сопоставлении с ф. *minä* «я», кар. *mie*, *miä*, вепс. *mina*, *miñä*, *mä*, вод. *miä*, эст. *mina*, *ma*, лив. *ma*, *minä*, саам. *mõn*, морд. *mon*, удм. *mon*, коми *me*, хант. *mã'n*, манс. (сосъв.) *am*, (тавд.) *em* < *emã-n-*, венг. *én* < **e-mën*; нен. *mañ* «то же» < урал. **mi-nä*/**me-nä* [156, т. 2, с. 346; 73, с. 399]. Учитывая сведения об именной парадигме мерянского языка, форму *mas* следует истолковывать конкретно как форму иллатива, возможно, наряду с чисто иллативной функцией (в данном случае дающей значение «в меня») имевшую оттенок значения дательного падежа («мне»). Подобное истолкование подтверждается тем, что в финно-угорских языках местные падежи с направительным значением используются в функции дательного падежа (ср. в эстонском, где аллатив *minule/mulle* (букв.) «на меня» используется в дативной функции, то есть со значением «мне», в саам. (кильд.) *monn* (*mɛnɛn*) «в меня; мне» [40, с. 173]. Не исключено, что выбору формы предполагаемого иллатива (дativa) местоимения *та «я» в качестве основной в постмерянских арго могло способствовать то, что формально она частично совпадала в старо(велико)русском языке с формой *язъ/ь*, фон. *яс* «я», восходящей к друс. *язъ* (стсл. *азъ*) «то же» и длительное время в нем употреблявшейся (даже в XV в.).

Если это предположение справедливо, то из него может вытекать вывод о довольно раннем возникновении данного элемента русского арго (возможно, еще до XVI в.) и в связи с этим – об отмирании в местах его возникновения мерянского языка (ввиду произвольности выбора форм, а следовательно, и утраты понимания их функций: форма иллатива/дativa в функции номинативной). Помимо ареала фиксации данного элемента, совпадающего с постмерянской территорией, в пользу мерянского происхождения указанного местоимения говорит его формальное своеобразие. Наиболее близко реконструируемое мер. *та «я» к эстонской краткой безударной форме того же местоимения: эст. *ma* «я» при полной форме того же местоимения *mina* (фин. *minä* «я»). Однако значительное различие между мерянской формой иллатива и эстонской краткой формой того же местоимения, не считая различий в окончаниях, вызванных новообразованием эстонского языка, заключается в том, что эстонская краткая форма сохраняет, видимо, древнее различие между основой в номинативе и иллативе, ср. краткие формы ном. *ma* – илл. *musse* при полных ном. *mina* – илл. *minusse*, а мерянский, вероятно, по аналогии к основе номинативной формы перестроил основу в иллативе. Обе предполагаемые формы мерянского языка – по происхождению краткие, судя по данным прибалтийско-финских и мордовских языков, сохраняющих в основе личного местоимения 1-го л. ед.ч. *-n* (ср. ф. *minä* «я», морд. *мон* «то же»).

Тот же конечный *-n* в основе личного местоимения 1 л. ед.ч. сохраняют или отражают в своих рефлексах говоры марийского языка [20, с. 85–86], поэтому можно прийти к заключению, что в данном случае мерянский из всех прибалтийско- и волжско-финских языков наиболее продвинулся в развитии.

Мерянский указательное местоимение *sí* «этот (-а, -о)» восстанавливается на основе рус. (диал.) *сиень* < **si jón* «есть» (Углич) ТОЛРС XX 117. Объяснение (под вопросом) у В.И.Даля: «*сиень* нар. ярс. (= ярославское. – О.Т.) есть, имеется (от *се-е*, *се-есть?*)» [26, т. 4, с. 189], представляющее собой попытку понять слово как славянское по происхождению, неубедительно. Сомнение в его справедливости вызывает, с одной сто-

роны, странная для славяно-русского указательного местоимения в ед.ч. ср.р. форма *si* (*си-*), а с другой – не свойственное форме 1-го л. ед.ч. глагола «быть» в русском (и вообще в славянских языках) окончание *-нь*. Слово *сиень*, по-видимому, являясь несовершенной орфографической переделкой фонетического *сиёнъ*, действительно образовалось из слияния двух слов – местоимения и глагола – со значением «этот (-а, -о) есть», однако не славяно-русского, а финно-угорского и, судя по своеобразию формы и ареалу распространения, именно мерянского происхождения. Причем если вторая его часть глагольна по происхождению и сопоставима с *ф.* *est. op* «есть» и венг. *van* «то же» (подробнее см. ниже), то первая связана этимологически также с со-

ответствующими финно-угорскими (и шире – уральскими) рефлексамии того же указательного местоимения, ср.: *ф.* *se* «этот (-а, -о); тот (-а, -о)», *si-*: *siten* «так, таким образом», *эст.* *see* «этот; тот», *si(i)-*: *siit* «отсюда», морд. *Э се* «тот», мн.ч. *сетъ*, морд. *М ся*, мар. *седе* «то же», хант. *śĩ* «тот; этот», *śĩw* «туда», *t'it* «этот», нган. *sete* «он», мн.ч. *seteŋ* < урал. **ci/*ce* «этот; тот», – имеющими, таким образом, общий (пра-)уральский источник [156, т. 4, s. 987-988; 73, с. 399].

Из приведенных родственных параллелей, как видим, наиболее близко формально и семантически к мер. *śi* «этот» (местоимению, имевшему, как и у ряда других финно-угорских языков, еще семантический оттенок «тот») хант. *śĩ* «тот; этот».

Фрагменты мерянской глагольной системы (спрягаемые формы)

Возможные реликты спрягаемых форм мерянской глагольной системы, обнаруживаемые в русском диалектном языке, делятся на две количественно неравные группы: в первую входят почти все глаголы предполагаемого мерянского происхождения, вторая практически сводится к нескольким спрягаемым формам одного мерянского глагола.

Первую группу составляют слова, полностью вошедшие в русскую глагольную систему, ассимилированные ею. В данном случае речь идет о мерянских корнях (основах), обросших русскими префиксами, суффиксами и флексией и функционирующих наравне с русскими глаголами славянского происхождения. О чужеродности этих глаголов можно догадаться по отсутствию у их основ связи со словами славянского происхождения, что делает их непонятными для носителей русских говоров, не имевших тесных контактов с мерянскими и другими финно-угорскими языками. Другим показателем иногда служит их фонетика с необычными для русского языка звуко сочетаниями (напр., *-хт-*). Только последующий этимологический анализ позволяет предположить мерянского происхождения данных глаголов. На это прежде всего указывает наличие убедительных финно-угор-

ских параллелей при отсутствии или сомнительности связей со славянскими словами, особенно когда предполагаемые лексемы мерянского происхождения обнаруживают черты, в частности фонетические, выделяющие их на фоне финно-угорских соответствий. Не исключено, что к словам, принадлежавшим в прошлом мерянскому, могут относиться и совпадающие со словами других финно-угорских языков, и обнаруживающие явные инофинно-угорские черты, объяснение чему надо искать, с одной стороны, в формальном совпадении между родственными языками, а с другой – в случаях заимствования из них. Возможность предположительного отнесения русских диалектных глаголов, по происхождению финно-угорских, именно к мерянскому языку вытекает из фиксации их на бывшей мерянской языковой территории и из того, что в ряде случаев они, видимо, отражают черты, характерные для мерянской фонетики: 1) первоначальную полувзвонкость согласных в интервокальной или межсонантной позиции: *при-о-тудобеть* «окрепнуть; прийти в сознание, в себя» < мер. **tuDo-* «знать, осознавать, чувствовать» – *ф.* *tuntea* «чувствовать, знать, узнавать»; канд-*ёх-ать* «(груб.) работать» < мер. *kanDa-* «нести, тащить» – *ф.* *kantaa* «нести, носить»;

2) наличие звука β , отраженного \underline{b} вместо прибалт.-фин. \underline{v} или проявляющегося в смешении \underline{b} с \underline{v} в постмерянских русских говорах: *при-о-тудоб-е-ть* «окрепнуть; прийти в сознание, в чувство» < мер. **tuDoBa* «знающий, осознающий, чувствующий», ср. р. *Андоба*, приток Костромы < мер. **anDoBa* (букв.) «дающий, кормящий»; морд. Э *андомс* «кормить» – ф. *tunteva* «чувствующий, знающий, узнающий»; *шab-и-ть* «курить» < мер. **šaβ-* «дым» > «дымить», ср. кар. *шавута* «дымить» < *шаву* «дым»⁹.

Исходя из изложенного, к числу русских диалектных слов, предположительно относящихся к первой группе, можно отнести, в частности, *войм-ова-ть* «понимать; воспринимать, вникать во что-либо» (Яр – Щерб); «делать что-либо, работать» (Яр – Пош; СРНГ V 33); «распоряжаться, заведовать, управлять чем-либо» (Яр – Мол; СРНГ V 33) (ср. ф. *voida* «мочь, быть в силах, в состоянии», *voima* «сила, энергия, мощь», коми (уст.) *ойёс* «сила») [54, с. 204]; *канд-ёх-ать* «(груб.) работать» (Ярославль; ЯОСК) (ср. ф. *kantaа* «нести, носить», эст. *kanda* «то же», морд. *кандомс* «нести, тащить», мар. Л *кондаш* «приносить», мар. Г *кánдаш* «то же»); *(не) кехт-а-ет* «(не) действует» (Костр – Гал; МКНО) (ср. вепс. *kehтта* «желать, хотеть, не лениться», ф. (диал.) *kehdata* «не (по)лениться (сделать что-либо)»); *с-мат-и-л* «с пути свел» (Вл. губ. – Суд; ТОЛРС XX, 211) (ср. ф. *matkata* «путешествовать, ездить», кар. *matata* «ходить, ездить; бегать», а также р. *Маткома* (Яр – Пош)); *рахт-и-ться* «петушиться, братья за дело не по своим силам» (Яр – Угл; ЯОСК) (ср. вепс. *roht't'ä, roht'ta* «сместь, осмеливаться», ф. *rohjeta* «осмеливаться, решаться», *rohkea* «смелый, храбрый»); *тох-ториться* «стараться, добиваться, хотеть, пробовать» (Яр – Ерм; КЯОС 201); «требовать» (Яр – Дан; там же) (ср. ф. *tahtoа*

«хотеть», *tahto* «воля»); *при-о-тудоб-е-ть* «окрепнуть» (Костр – Кол; МКНО); *о-тутов-а-ть* «отойти (прийти в обычное состояние)» (Костр – Антр; КОСК); *о-тутов-е-ть* «прийти в себя» (Костр – Поназ; КОСК) при первоначальном значении «прийти в сознание; стать знающим (осознающим)» и, вероятно, сближении с рус. *тут* (ср. венг. *tudni* «знать, уметь, мочь», коми. *тöдны* «знать, узнать», *тöд* «память», удм. *тодины* «знать, узнать; помнить», саам. Н *dow'dât* «чувствовать, знать, узнавать», ф. *tuntea*, эст. *tunda* «то же», нен. *тумда(сь)* «узнать (кого-, что-либо); отметить» [MSzFUE т. 3, 1. 646]; *шab-и-ть* «курить» (Костр – Остр; КОСК) (ср. кар. *шавута* «дымить», *шаву* «дым», ф. *savustaa* «коптить, окуривать, выкуривать», *savu* «дым»); *шоп-ать* «колоть лучину специальным ножом». (Костр – Крас; КОСК) (ср. морд. М *шaпомс* «рубить (только о срубе)», морд. Э *чапомс* «рубить (сруб); делать зарубку; отбивать (жернов)», коми (диал.) *тшaпны* «зарубить, засечь, сделать зарубку») [54, с. 289]. Конечно, при тщательном рассмотрении этих русских глаголов может оказаться, что часть из них не восходит непосредственно к соответствующим мерянским словам, а образовалась уже на русской почве от мерянских существительных и прилагательных, точнее – от связанных с ними русских слов. Однако не подлежит сомнению и то, что среди русских апеллятивов и в ономастике мерянского происхождения будут обнаружены и другие глаголы, образованные от мерянских. Все они при внимательном анализе и большей изученности грамматического строя мерянского языка должны стать источником реконструкции мерянского глагола в его исходных формах.

Этой относительно богатой по составу группе противостоит чрезвычайно узкая группа форм, восходящих к финно-угорскому глаголу **wolę(-)* «быть» [73, с. 417] и сохранивших свою мерянскую исконность благодаря тому, что они вошли в состав или местной русской фразеологии мерянского происхождения, или местных профессиональных «тайных языков», где сохранение исходного финно-угорского облика слова было желательным как лишний ресурс затемнения его смысла. Ценность этого

⁹ Интересно, что современные русские говоры на постмерянской территории в словах нефинно-угорского происхождения обнаруживают те же фонетические черты: 1) *педистенок* «спальня» (Яр – Дан; ЯОСК) – *пястенок* «крестьянская изба в пять стен» (Ив – Ильин.-Хов; ЯОСК); *ленда* (Костр – Нер; КОСК) – рус. (лит.) *лента*; 2) *побредить* (Костр – МКНО) – рус. (лит.) *повредить*; *вес* «черт» (Костр – Мант; МКНО) – рус. (лит.) *бес* и т.п.

скудного в количественном отношении материала заключается в том, что он относится к парадигме одного и того же глагола, причем глагола едва ли не наиболее важного и частотного – именно это обстоятельство, видимо, и предопределило сохранность его форм. Кроме того, в отличие от приведенных выше фактов, где на несомненную финно-угорскую лексическую основу наслоились славянские грамматические черты, здесь финно-угорская форма слов (во всей специфике как корня, так и флексии) сохраняется полностью либо с самыми минимальными деформациями. Качественное преимущество данных фактов состоит в том, что их яркая локальная и формальная специфичность позволяют с большей уверенностью считать их явлениями мерянского языка. С целью возможно более краткого изложения соответствующих фактов мерянского языка, заключенных в их русских постмерянских отражениях, представляется целесообразным приводить прежде всего в реконструированном виде мерянскую глагольную форму, а затем обосновывать ее с помощью русского диалектного материала и связанных с ним финно-угорских сравнительно-исторических данных.

1) *e jola < *ej ola < *ei olê «нет (букв. не есть)» – первоначально, видимо, отрицательная форма 3-го л. ед.ч. наст.вр. глагола «быть», затем ставшая общей (как эст. ei ole «не есть») для всех лиц и чисел данного глагола в настоящем времени, о чем свидетельствует, с одной стороны, произошедшее чисто фонетическое перераспределение звука (-)j < -i между двумя словами, невозможное, если бы он воспринимался как окончание особой формы, а с другой – влияние формы (e) jola, вызвавшее появление инициального j-, как увидим дальше, не только у отрицательных, но и у положительных форм того же глагола с начальным о-: рус. (диал.) *нейола* «нет» (Твер. губ. – Каш; ТОЛРС XX, 166); *неёла* «нет» (Яр. губ. – Угл; Свеш 93; ЯОСК), «не хватает весу или меры» (Яр. губ., Свеш 93; ЯОСК); *неёла* «неудача» (Костр. губ.; МКНО), где *неёла* (*нейола*) является, видимо, полукалькой предыдущего мер. *e jola «нет (букв. – не есть)» с первоначальным глагольным значением «нет» и позднейшим суб-

стантивированным «неудача»; с тем же словом, очевидно, связано явно вторичное ёла «(гл.) есть» (Яр. губ. – Угл; Свеш 89; ЯОСК); «(сущ.) удача, счастье» (Костр. губ. – Нер; ООВС 54; КОСК), образованное от *неёла*.

2) *joiñ < *on, ср. прибалт.-фин. on, а также венг. van «есть» (MSzFE) – форма 3-го л. ед.ч. наст.вр. от «быть» (ф.-уг. *wole(-)), изменения в которой (в отличие от ее ближайших прибалтийско-финских параллелей) произошли под влиянием отрицательных форм спряжения того же глагола, вызвавшим появление начального j- (*e jola «нет (букв. – не есть)»), а также под воздействием изменений в форме 3-го л. ед.ч. (простого) прошедшего времени того же глагола (*ul' < *oli, ср. ф. (диал.) ol' < oli «был»), приведших к исчезновению конечного -i и смягчению предыдущего согласного, которое затем по аналогии было перенесено на форму 3-го л. ед.ч. того же глагола в настоящем времени (*сиень* «есть» (Яр. губ. – Угл; ТОЛРС XX 117) (букв. – «это есть»), сравнимую с ф. se on, эст. see on «это есть», где, следовательно, в качестве глагола выделяется *ень*, точнее -*ень*, поскольку e- вместо более правильного (исходного) ë- следует объяснить или характерным для русского литературного языка и русских говоров (кроме северно-русских) переходом ë- в e- в безударной позиции, или тем, что в русской орфографии ё далеко не всегда обозначается специальным знаком и часто передается обычным e.

3) *ul' «был (-а, -о)» < *ol'i, ср. прибалт.-фин. oli – форма 3-го л. ед.ч. (простого) прошедшего времени, изменение в которой, как и вообще аналогичные изменения в той же форме других глаголов, косвенно отражено формой настоящего времени данного глагола и является единственным аргументом в пользу существования формы ul', поскольку прямо она нигде не засвидетельствована. О том, что падение конечного -i, как и вообще любого гласного в слогe, следующем за новым закрытым, должно было привести здесь к переходу исходного о- (через стадию его удлинения, а затем сужения) в u-, свидетельствуют другие формы, связанные с *wole(-) «быть», в частности рус. (диал.) *ульшага* «умерший, покойник» (Яр. губ. – Угл; Свеш

92; ЯОСК) по образцу *бедняга*; *ульшил* «умер» (Яр. губ. – Угл; Свеш 92; ЯОСК) от мер. *ul'ša «бывший», с которым как их калька, очевидно, связано рус. (диал. яросл., костр.) *по-бывшиться* «умереть (то есть стать бывшим)».

4) *joluš < *jolože «пусть будет (букв. – пусть есть)» – форма 3-го л. ед.ч. повел. или побуд. накл. (ср. морд. Э *улезэ* «пусть будет (букв. – пусть есть)», *кундазо* «пусть ловит», морд. М *кундаза* «то же», мар. *лийже* «пусть будет (есть)», саам. *bottu-s* «пусть приходит» [87, с. 167], где выступают этимологически связанные с мер. *-ś < *-ze форманты). Из приведенных мерянских форм более ранней является *jolože, а более поздней, возникшей в результате падения конечного -e и превращения бывшего предпоследнего слога в новый конечный закрытый слог с переходом в нем -o- (через -ō-) в -u- – *joluš (ср. рус. (диал.) *елушь поелушь* «хлеб да соль «(приветствие во время обеда)» (Костр. губ. – Солигал; СРНГ VIII 349) < мер. *joluš pa joluš < *jolože¹⁰ pa jolože [**tenän seye (--)-juče (--)] «пусть будет и будет (букв. – пусть есть и пусть есть) (у тебя еда-питье)»).

Продолжение мерянской языковой формулы, дошедшей до нас в сокращенном виде, дается в обобщенной (праязыковой) форме. Попытки других объяснений (путем сближения с *елозить*, *ложка* или как тюркизма без указания источника – Фасмер I, 15, 17) менее убедительны, чем толкование в качестве мерянской формы, в пользу чего говорят и доводы лингвогеографии (фиксация оборота на бывшей мерянской территории, ср. еще *наелузиться* «наестся досыта» (Костр. губ. – Гал; МКНО), *наюлызиться* «то же» (Костр. губ. – Кин; МКНО)), и чисто языковые аргументы.

¹⁰ форма jolože «пусть будет (есть)» реконструируется на основе рус. (диал. перм., также, видимо, постмер.) *елозь* «приветствие во время еды (здорово хлебать!)» [26, т. 1, с. 518], где сохранение -o- свидетельствует об отражении более ранней формы слова, когда слог с -o-, еще не перешедшим в -u-, был открытым, а мягкость указывает на то, что утраченный позже конечный гласный был гласным переднего ряда, скорее всего -e (или позднее -э); союз *pa, сближенный на русской почве с приставкой по-, восстанавливается путем сравнения с хант. ла «и, также» (ср. хант. *асем ла анкем* «мой отец и моя мать»).

В настоящее время из парадигмы мер. *wole(-) «быть» известны только положительные формы 3-го л. ед.ч. наст. и прош. вр. изъяв. накл. и та же форма повел. или побуд. накл. Что касается отрицательных форм, существование которых подтверждается сходством (пост)мерянских глаголов с прибалтийско-финскими, то из них известна только форма 3-го л. ед.ч. наст. вр. изъяв. накл. Как уже объяснялось, эта форма, видимо, могла употребляться и во всех других лицах и числах того же времени. Какими были другие отрицательные формы рассматриваемого мерянского глагола, на основании имеющихся пока данных определить нельзя. Несмотря на ограниченность, эти данные в силу своей локальной определенности, а также языковой специфики, не позволяющей их отнести ни к одному из известных до сих пор финно-угорских языков, дают возможность рассматривать их как относящиеся к мерянской языку. Большинство из них (такие формы, как *joń, *ul', *e jola) в наибольшей степени сравнимо с аналогичными явлениями прибалтийско-финских языков, однако при несомненно общей с ними отправной точке получило другое, своеобразное развитие. Форма *jolože > *joluš с большим основанием может быть сравнена с явлениями мордовских и марийского языков, хотя находит аналоги и в саамском.

Особенностью мерянской парадигмы глагола *wole(-) в отличие от других финно-угорских языков (ср. прибалт.-фин. ole- «быть», морд. *улемс*, мар. *улаш*, удм. *вылыны*, коми *вѳвны (-вывны)* «то же», хант. (казым.) *вэл'ты* «быть; жить», ср.-обск. *утта* «то же», манс. (сосьв.) *олушке* «быть; жить; находиться», (конд.) *ол'х* «то же», венг. *volt* «был» [125, т. 3, л. 669-671; 54, с. 67]), где начало глагола при возможном чередовании первого гласного основы неизменно, является наличие двух видов глагольных форм: 1) с начальным j- и следующим за ним -o-, то есть *jo-; 2) с начальным *u-, где отсутствует предшествующий ему j-¹¹. Первые формы характерны

¹¹ Только в части мерянских говоров, как свидетельствует кинеш. *наюлызиться* «наестся досыта», в результате выравнивания по аналогии установилась, видимо, единообразная форма глагола с начальным *ju-.

для того варианта глагольной основы, где следующий за начальным слог не утрачивал своего гласного (**(e) jola*, **joluś* < **jolože*, или где **jo-* достаточно давно выступало в составе односложной глагольной формы: **joŋ* < -*on*, ср. прибалт.-фин. *on*, венг. *van* «есть»). Вторые формы характерны для слов, где в следующем за начальным слог секундарно выпал гласный, что привело к удлинению и сужению начального *o-* с дальнейшим переходом его в *-u-* (ср. **ul'* < **oli*, **ul'sa* «бывший (эвфем. также — умерший, покойник)» < **olešē*).

Процессы, приведшие к образованию двух вариантов основы глагола **wole(-)*, проходили в мерянском языке, по-видимому, уже после его отделения от прибалтийско-финских и волжско-финских языков, в собственно мерянский период его истории, иначе эта его особенность разделялась бы каким-нибудь из них. Относительная хронология соответствующих процес-

сов: 1) падение в части форм гласных второго слога глагола (очевидно, через предшествующую стадию их перехода в редуцированные), которое привело к *o-* > *u-*; 2) замена первоначально разных личных форм отрицательного глагола *ei*, очевидно, близких ф. *en*, *et*, *ei...*, единой для всех лиц (и чисел) формой 3-го л. ед.ч. *ei*, как в современном эстонском языке; 3) перераспределение **ej ola* > **e jola*, приведшее к образованию отрицательной частицы *e* и появлению секундарного начального *j-* у форм глагола «быть» при их отрицательном спряжении; 4) распространение по аналогии начального *j-* с форм отрицательного спряжения глагола **wole(-)* на все его положительные формы, сохранившие начальный *o-*. Следовательно, процесс появления форм на *jo-* у мерянского глагола был, очевидно, отделен значительным промежутком времени от процесса образования форм с начальным *u-*¹².

Неспрягаемые (именные) глагольные формы

Причастие / отглагольное прилагательное

В мерянском языке обнаруживаются отглагольные формы, которые, употребляясь в атрибутивной функции и будучи близки к причастиям других финно-угорских языков, могли бы являться соответствующими причастиями. Но финно-угорские причастия связаны своим происхождением с отглагольными существительными и именами в целом [85, с. 167-168; 55, с. 350], приобретая в них функцию причастий в разное время, а в мерянском языке, где примеры соответствующих слов выступают изолированно, вне контекста, и тем самым не обнаруживают с определенностью своей функции, очень трудно совершенно точно сказать, являются они причастиями или только допричастными отглагольными прилагательными (иногда с факультативной причастной функцией), которым только предстояло при благоприятных условиях развиться в соответствующие причастия. Еще более сложно что-либо определенное утверждать по поводу их конкретного причастного значения (активности/пассивности,

связи с настоящим или прошедшим временем). Следовательно, о принадлежности рассматриваемых ниже форм к причастиям или отглагольным прилагательным, а также об их предполагаемом причастном значении (если его допустить) можно высказать лишь более или менее вероятные предположения. В связи с этим функциональная интерпретация анализируемых далее отглагольных образований носит более или менее условный характер.

Среди этих мерянских образований, восстанавливаемых из их предполагаемых остатков в русской постмерянской топонимии, а также в апеллятивной диалектной лексике постмерянских территорий, обращает на себя внимание группа явно отглагольных форм, по-видимому, судя по колебанию *-b-*/*-v-* в их суффиксальной части, включающих суффикс *-*βα*¹³. Конкретно здесь

¹² Ещё об одной из спрягаемых форм, а именно о форме 2-ого л. ед. ч. повелительного наклонения см. на с. 109 книги.

¹³ Ср.: (в названиях рек) *Андо-б-а*, *Кондо-б-а* и (в апеллятивах) *приоту-б-еть* «окрепнуть», *отуто-в-ать* «отойти», *отуто-в-еть* «ожить, прийти в себя», *варо-в-о* «быстро», *вара-в-о* «скоро». Поскольку ис-

реконструируются следующие предполагаемые мерянские слова: *anDoBa «кормящий(-ая) < *дающий(-ая) / кормительный(-ая)»¹⁴ – р. *Андоба*, приток Костромы, «кормящий реку своими водами» (ср. ф. *antava* «дающий(-ая)» от *anta* «давать», морд. *андомс* «кормить», морд. Э *андыця* «кормящий»); *konDoBa «(при)носящий(-ая), (при)носительный(-ая)» – р. *Кондоба*, левый приток Неи, притока Унжи, очевидно, также в связи с функцией притока приносить свою воду другой реке (ср. ф. *kantava* «несущий(-ая)» от *kantaa* «нести», морд. *кандомс* «то же», мар. *кондаш* «приносить»); *tuDoBa «знающий, осознающий, знающий (-обладающий знанием), чуткий» – рус. (диал.) *при-о-тудоб-еть* (Костр. губ. – Кол) МКНО, *о-ту-това-ть* «отойти (прийти в обычное состояние)» (Костр – Антр) КОСК, *о-тутов-еть* «прийти в себя» (Костр – Поназ) КОСК < *«прийти в сознание; стать чувствующим (сознающим)» (ср. ф. *tunteva* «чувствующий; знающий», *tuntea* «чувствовать, знать», удм. *тодыны* «знать», коми *то́дны* «то же», венг. *tudni* «знать, уметь, мочь», где обращает на себя внимание близость суффиксальной части к финской и эстонской (эст. *tundev* «чувствующий, узнающий») при особой близости в основе с венгерским соответствием); *βaraβa/*βarova «(быстро) делающий, работающий / деловой, работающий > быстрый» – рус. (диал.) *вараво* «скоро» (Костр. губ. – Ветл) МКНО, *варово* «быстро» (Костр – Мант) КОСК (ср. манс. *вāрункве* «делать; выработать»). Если бы в этих словах можно было усматривать причастия, то единственно допустимым объяснением их функции было

ходным здесь был суффикс -р-, через стадию -β- переходивший частично в -v- (ср. ф. *lyöra* «бьющий», *lyöra kello* «часы с боем», *lyödä* «ударять, бить», *-mene-vä* «идущий» от *mennä* «идти») [116, т. I, с. 177; 24, с. 187], для мерянского языка в связи с частичным озвончением глухих в интервокальной позиции в принципе допустимо было бы принять и реконструкцию типа *anDoBa, однако возможное здесь колебание -б-/-в- позволяет предположить звук β, который ввиду его промежуточного положения между рус. б и в и чуждости русской фонетической системе мог передаваться одним из этих двух русских звуков.

¹⁴ Эти, как и следующие, несколько искусственные, формы даются для передачи значения предполагаемого в данном случае (допричастного) прилагательного.

бы значение действительного причастия настоящего времени. В пользу этого говорят как данные финно-угорских языков, а именно прибалтийско-финских, так и свойственный рассматриваемым отглагольным формам оттенок постоянства глагольного признака, неограниченного во времени (например, свойства реки), что, как правило, бывает связано с настоящим временем. Однако предлагаемое объяснение безоговорочно принять нельзя, поскольку наряду с рассмотренными выше отглагольными образованиями на *-βa, по-видимому, тот же причастный оттенок в мерянском языке могло бы в принципе иметь и другое отглагольное образование атрибутивно-причастного типа. Им являются отглагольные формы с суффиксом -ša. В отличие от только что рассмотренной группы отглагольных образований здесь данных форм обнаружено значительно меньше. Тем не менее не вызывает сомнения их как отглагольный, так и атрибутивный (причастно/адъективный) характер. Однако если в рассмотренном выше случае отглагольные образования находили соответствия в части прибалтийско-финских языков (ср.: ф. *luke-va* «читающий», иж. *lukko-va*, вод. *luke-va*, эст. *luge-v*, лив. *jela-В* «живой < живущий»), то образования на *-ša наиболее близки к соответствующим явлениям марийского языка. Пока удалось обнаружить всего два подобных образования, на основании которых восстанавливаются предполагаемые мерянские формы, ср.: мер. *ul'ša (? < фонет. ul'šē «бывший» – рус. (арг.) *ульшага* «умерший, покойник» (Углич) Свеш 92 из *ульша* «бывший (перен. – покойник)» + га по типу *бедняга, работяга* и под., ср. также рус. (арг.) *ульшил* «умер» (Углич) Свеш 92 и кальку из мерянского рус. (диал.) *побывшиться* «умереть (стать бывшим)» (Яр. губ. – Рост, Рыб), что сопоставимо с мар. *ульшо* «присутствующий» от *улаш* «находиться, присутствовать; (связка) быть, являться», морд. *улезь* «являясь, будучи» от *улемс* «быть, являться», ф. *olla* «быть», венг. *volt* «был»; *n'el'ša(/-ē) «глотающий(-ая)» [54, с. 199]; проглотивший(-ая)» – р. *Нельша* (Костр), с. *Нельша* (Вл. губ.), р. *Нельшенка* (Вл. губ. – Смол 215), р. *Нельшица* (Вл. губ. – Смол 215), сопоставимые с мар. *нелше* «глотаю-

щий; проглотивший», Г *нелшы* «то же», *нелаш* «глотать; клевать (о рыбе)», морд. Э *нилезь* «(прич.) проглоченный; (дееприч.) глотая, проглатывающая», морд. М *нилезь* «(дееприч.) глотая, проглатывающая», морд. *нилемс* «проглотить», коми *ньылавьсы* «глотающий», *ньылавны* «глотать», *ньылыштись* «проглатывающий», *ньылыштны* «проглотить», ф. *niellä* «глотать», саам. *njiellât*, венг. *nyelni* «то же». Таким образом, в корневой части оба мерянских слова (*ul'ša, *n/el'ša) выступают как несомненно финно-угорские по происхождению [156, т. 2, с. 376, 427-428; 54, с. 67, 199; 125, т. 3, л. 479, 669-671]. То же относится к их суффиксальной части, так как суффикс *-ša* (/ *-šə*) помимо соответствий в марийском, мордовских и коми языках, на что уже указывалось, имеет соответствия в обско-угорских отглагольных образованиях, в частности в мансийском пассивном причастии прошедшего времени на *-s* (манс. *rosxe-s* «вылепленный» от *roski* – «лепить»), а также в именах действия типа *unlə-s* «сидение»; в отглагольных именах тот же суффикс выступает и в хантыйском языке (хант. *пәтә-s* «разум» от *пәт* – «вспоминать») [87, с. 211].

Все упомянутые соответствия вместе с мер. *-šə* (а/ *-ə*) восходят к ф.-уг. **-šə* [55, с. 353]. Более сложен в отличие от формального истолкования мерянских образований на **-ša* вопрос их функционального объяснения. При значительной формальной близости мер. *-ša* и мар. *-ше* (*-шо*, *-шө*), мар. Г *-шы* вывод об их семантико-функциональном сходстве далеко не очевиден. Марийские отглагольные образования являются активными причастиями, не имеющими форм времени: мар. *лудшо* означает как «читающий», так и «читавший» (Сав. – Уч, 846). Что касается мордовских эрзя причастий на *-зъ*, этимологически связанных с марийскими причастиями с суффиксом *-ш(-ə/о/ö - ы)*, то они обозначают только глагольный признак, связанный с законченным действием. В отличие от мар. *улшо* «присутствовавший; присутствующий» мер. *ul'ša «бывший (перен. – покойник)» имеет несравненно более определенную семантику, связанную именно с законченным действием. По-видимому, в том случае, если бы в мерянском, как и в ма-

рийском, с суффиксом *-šə* была связана та же временная неопределенность, отглагольное образование *ul'ša не могло бы в нем приобрести столь четко выраженную семантику «бывший», причем и применительно к покойникам. Слово, одновременно значащее «бывший» и «сущий, присутствующий (здесь, с нами, в мире живых)», не могло бы здесь найти применения. Несколько более двойственную интерпретацию, видимо, могло бы в принципе допускать *n/el'ša: «глотающая» применительно к реке (= «поглощающая тонущих в ней, другие, впадающие в нее речки и ручьи») и (при более конкретном восприятии глагольного признака) «проглотившая (поглотившая) много людей, рек, ручьев». При подобном истолковании есть все основания как *ul'ša, так и *n/el'ša рассматривать (в отличие от формально близких причастий марийского языка) в качестве активных причастий прошедшего времени. В пользу подобного объяснения говорит и факт употребления в мерянском языке группы отглагольных атрибутивных образований на **-βa* / **-βə*, с которыми наиболее естественно связывается значение активного причастия настоящего времени. Наличие аналогичных противопоставленных друг другу во временном отношении причастных форм, как известно, не свойственно марийскому языку. Поскольку в мерянском существует специальная отглагольная форма, этимологически связанная с финскими причастиями настоящего времени на *-va* < **-ra*, для которой можно предположить то же временное значение, мерянские образования на *-ša* наиболее оправданно рассматривать как активные причастия прошедшего времени, тем более, что имеющиеся факты этому не противоречат. В таком случае следует считать, что в мерянском существовали две формы активного причастия – одна со значением настоящего, другая – со значением прошедшего времени, первая из которых связывала мерянский с частью прибалтийско-финских языков, а другая – формально и отчасти функционально – с марийским и эрзя-мордовским. Отличие мерянского заключается в последнем случае в том, что, в то время как в марийском языке формам на *-ш(-šə)* свойственна только

активность без временной дифференцированности, в мерянском с ними помимо принадлежности к активному залогу связана, видимо, и принадлежность к прошедшему времени. Что касается функциональной связи с эрзя-мордовским, то и она у мерянского языка неполная: с мордовскими-эрзя причастиями на *-зь* связано значение прошедшего времени с семантикой пассивности (ср. морд. *Э соказь мода* «вспаханная земля», *сёрмадозь ёвтнема* «написанный рассказ», *нуезь ума* «сжатая полоса»), а в мерянских причастиях на *-š-*, этимологически с ними связанных, явно прослеживается значение действительного залога. Расходятся в своем значении они и с родственными явлениями других финно-угорских языков (коми и мансийского). Все это в целом, говоря о функциональном своеобразии названных отглагольных образований, в связи с тем, что они зафиксированы на постмерянской территории, позволяет рассматривать их в качестве причастий мерянского языка. Как показывают эти факты, в области причастий мерянский занимает как бы промежуточное положение между прибалтийско- и волжско-финскими языками.

Отглагольное существительное на *-та*.
 Вопрос о мерянском инфинитиве

Среди других отглагольных именных образований в мерянском языке заметное место должны были занимать отглагольные существительные с суффиксом *-та*, прафинно-угорским по происхождению и потому характерным для отдельных финно-угорских языков, ср.: ф. *elä-tä* «жизнь» < *elää* «жить», *asema* «место; станция» < *asea* «располагаться, размещаться»; саам. *borram* «еда», *borrat* «есть»; морд. *вачкодема* «удар», *вачкодемс* «ударить»; мар. (в составе суф. *-та-š/-mä-š*) *лудмаш* «чтение», *лудаш* «читать»; удм. *пуксем* «осадок», *пуксьыны* «садиться»; коми *гижом* «письмо», *гижны* «писать»; хант. *uləm* «сон»; манс. *üləm* «то же»; венг. *áлом* «сон», *aludni* «спать». Об их распространенности в мерянском языке свидетельствуют многочисленные русские (постмерянские) топонимы на *-ма* на бывших мерянских землях, которые, по крайней мере часть из них, являются несомненными отглагольными существи-

тельными, а также отдельные русские диалектные (арготические) апеллятивы с тем же суффиксом (или включавшем его), которые ввиду их фиксации на постмерянской территории, видимо, также можно рассматривать как субстратные включения, вошедшие в русский язык из мерянского. На основании приведенных форм можно, в частности, реконструировать для мерянского такие отглагольные существительные на *-та*, как **kolema* «смерть; тяжелая болезнь» – рус. (диал.) *колему колеть* «тяжело болеть» (Костр. губ. – Ветл) СРНГК (ср. эст. (диал.) *koolma* < **koolema* «умирать < *смерть, умирание», ф. *kuolema* «смерть, кончина», мар. *колымá-ш*, морд. *Э кулома*, удм. *кулоң*, коми *кулóm*, венг. *halál* «то же», связанные с ф. *kuolla* «умереть», мар. *колáш*, морд. *Э куломс*, удм. *кулыны*, коми *кувны*, венг. (meg) *halni* «то же» (ф.-уг. *kolę* «умереть») [73, с. 407; 54, с. 143; 99], **pel'ta* < **pel'eta* «боязнь, страх» – рус. (арг.) *пельма-ть* «знать» (очевидно, будучи напуганным, ср. рус. *проучить* (кого-либо) «наказать для острастки») (Галич) Вин 49 (ср. морд. *пелема* «боязнь» (*пелемс* «бояться»), коми *полóm* «боязнь» (*повны* «бояться»), ф. *pelätä* «бояться», хант. *палты* (*пáлть*), венг. *félni* < ф.-уг. **pele-* «то же») [73, с. 405; 156, т. 3, с. 516-517; 125, т. I, л. 198; 54, с. 223; 66, с. 81]; **sežema* «разрывание (разрыв)» – р. *Сезема* (Костр. губ.) Экон. прим. (ГАКО ф. 138, оп. 5, ед. хр. 18, л. 143) (ср. морд. *Э сезема* «обрывание, разрывание, срывание» (*сеземс* «сорвать, оборвать, разорвать; (обл.) перейти, переехать (через что-либо)», возможно, связанное с коми *сэзьны* «поддать пару, плеснуть на каменку; открывать суслоны (снимая верхние снопы); снимать крышку») [54, с. 271-272]; **ul'šma* «умирание, гибель (букв. – бывшенье)», по-видимому, от глагола, образованного от причастия **ul'ša* «бывший» – р. *Ульшма* (Костр. губ. – Кол) КГЗ (СНМ) 141, соответствующий глагол, очевидно, является специфично мерянским образованием, если исходить из своеобразия семантики причастия **ul'ša*, рассмотренной выше, а если учитывать его связи – через причастие ф.-уг. **wole* «быть» – со всеми финно-угорскими языками, то не вызывает сомнения его исконное финно-угорское происхождение.

Отглагольные субстантивные образования на *-та* в финно-угорских языках (на-

пример, прибалтийско-финских и мордовских) нередко тесно связаны с инфинитивом и часто выступают как одна из его форм. Исторически финно-угорский инфинитив, как и славянский, представляет собой отглагольное существительное, сохраняющее падежные формы, по крайней мере часть их. В эстонском и мордовских языках в связи с этим прослеживается интересная закономерность. В мордовских языках словарной инфинитивной формой является иллатив отглагольного существительного на *-ма* (морд. Э *-мо/-ме*), номинатив в этой функции употребляется относительно редко. Поэтому номинативная форма часто употребляется здесь в роли отглагольного существительного, сохраняя способность употребляться также в роли инфинитива, ср.: морд. Э *од зрямо* «новая жизнь» – *карман зрямо* «буду жить»; морд. М *од зряма* «новая жизнь» – *карман зряма* «буду жить». В эстонском языке, где отглагольное существительное на *-та* употребляется теперь только в инфинитивной функции (ср. *elama* «жить», *minema* «ходить», *sööma* «есть», *kirjutama* «писать» и т.п.), причем дается как словарная форма, подобное употребление формаций на *-та* в роли существительных отсутствует. В связи с тем, что для мерянского языка, как и для мордовских, употребление отглагольных образований на *-та* в роли существи-

тельного было, очевидно, весьма характерным (об этом говорит, в частности, большое количество постмерянских топонимов на *-ма* типа *Кострома*, *Костома*, *Кинешма*, *Яхрома*, *Чухлома*, *Шекшема* и т.п.), следует полагать, что эта форма только частично могла выполнять функцию инфинитивной. Видимо, наиболее типичным для инфинитива было какое-то другое образование. Не исключено, что им, как в мордовских языках, могла быть форма иллатива отглагольного существительного на *-та*. Возможно, в связи с тем, что при этом, как в мордовских языках, конечное *-а* в *-та* выпадало и предшествующий слог становился закрытым, в некоторых (пост)мерянских глаголах наблюдалось закономерное для мерянской фонетики явление: гласный последнего (нового закрытого) слога заменялся гласным более высокого подъема, ср. рус. (арг.) *ульшил* «умер» (Углич) Свеш 92 – мер. **ul'šims* < **olešem(a)s*; рус. (Костр.) *варово/вараво* «быстро», где очевидно, первая форма отражает инфинитивное **βaroms* «делать, работать», а вторая – отглагольное существительное **βarama* «делание, работа»; р. *Кондоба* (Костр.) – ф. *kantava* «несущий(-ая)», возможно, под влиянием инфинитивного **konDoms* «(при)нести» при **konDama* «(при)несение» (ср. ф. *kantama* «дальность (при выстреле) (букв. – несение)», мар. *кондаш* «приносить»).

Другие части речи

Наречие и предикатив

К числу наречий и предикативов мерянского языка можно отнести следующие реконструируемые лексемы: **βāha/*βāhē* «мало» – рус. (диал.) *вяха* «чудо, необычный случай; небылица, вздор» (Яр – Мышк, Пош, Рост; Костр. – Чухл); «немного, пустяк» (Яр – Рост, Костр – Парф); «беда, несчастье» (Яр); «куча, ворох, большая ноша» (Яр – Пош) ЯОСК; «самая малость чего-нибудь» (Костр – Буй) КОСК, где исходным значением является, очевидно, «мало, немного», а остальные представляют собой результат переосмысления, в том числе иронического («куча, ворох»), ср. ф. *vähä* «малый, скудный», *vähän* «мало, немного», вепс.

vähä(n), эст. *vähe*, морд. Э *веж-* < **veže* «маленький» в *вежгель* «(анат.) язычок (букв. – маленький язык: **veže kel' – ф. vähä kieli*)», *вишка* «малый, маленький» [156, т. 6, s. 1830-1831]. Судя по ареалу распространения, слово может являться исконно мерянским, но ввиду того, что оно лишено каких-либо ярких своеобразных черт, нельзя исключить полностью и возможность его заимствования из прибалтийско-финских языков (скорее всего, вепсского). Предположить его позднейшее проникновение из вепсского непосредственно в русские говоры постмерянской территории более сомнительно, учитывая большой пространственный разрыв, существующий теперь между ареалом вепсского языка и данных рус-

ских говоров, а также слишком большую распространённость слова в ярославских и костромских говорах.

Мер. *непен' «нет» – рус. (диал.) *немень* «нет» (Углич) ТОЛРС ХХ 116, *немань* «то же» (Яр) КЯОСК 122 (ср. венг. *пем* «нет; не», манс. *нэм (хот)* «ни(где); не(где)» [Ромб. – Куз., с. 77], хант. *нэм(хоят)* «ни(кто) (букв. – не кто-то)» [66, с. 76], коми *нем* «ничто, ничего», удм. *нема* «ничего», мар. *нимо, нимат* «ничто, ничего» < ф.-уг. *nāmi [125, т. 3, л. 464-466; 54, с. 186]. Что касается конечного элемента *-ень*, то аналогия ему имеется также в венгерском (венг. *-en* в *nincsen* «нет, не имеется» при более частом *nincs*). Этот не единственный случай мерянско-угорских, в частности венгерских, языковых связей обращает на себя внимание тем, что относится к частям речи, которые заимствуются чрезвычайно редко.

Союз

Пока обнаружен только один мерянский союз: мер. *ра «и» – рус. (диал.) *елусь поелусь* (приветствие во время обеда) < *joluš pa joluš (tenän seye(--)) – juče(--)) «пусть будет и пусть будет (у тебя еда-питье)» (Костр. губ. – Солигал) СРНГ VIII 349, ср. хант. *ла «и»* (*звет ла пухат* «девочки и мальчики») [66, с. 79]¹⁵. Связь мерянского и хантыйского языков в области служебных слов, где заимствования происходят очень редко, говорит о существовавших в прошлом тесных и длительных контактах предков мери с предками угров (в том числе ханты).

Частица

Как и остальные служебные части речи, мерянские частицы среди реконструируемых слов представлены в небольшом количестве. К ним относятся: *Joц < *n'оѡ «(указат. частица) вот» – рус. (диал.) *ёв* «вот» («ёв как он умеет кататься») (Яр – Щерб) ЯОСК (ср. хант. *niw-, ni* «быть видным», морд. М *нява* «(указат. частица) вон»), оче-

¹⁵ форма *по* вместо предполагаемого *па* вызвана, очевидно, сближением последнего с русской приставкой *по-*, воспринятой в ее фонетической (акающей) форме.

видно, связанное с *няеви «видно» < ф.-уг. *näk- «видеть, смотреть» [65, с. 184; 73, с. 417]. Скорее всего, синкопированное образование, возникшее на основе формы 2-го л. ед.ч. повел. накл. глагола с семантикой «видеть, смотреть» (типа рус. *вишь* < *вижь, глядь), которое в силу своей функции указательной частицы, требовавшей произношения в allegro-темпе, претерпело значительные трансформации. В основе, видимо, лежит ф.-уг. *näk- «видеть, смотреть», которому в мерянском языке, очевидно, соответствовал сокращенный вариант в функции частицы: *n'оѡ < *n'aѡ(ѡ) < *nāѡ/е- «смотри! глядь! (букв. – вишь!) вот!» (ср. эст. *näe* «смотри! вот! глядь!» – 2-е л. ед.ч. повел. накл. *nägeta* «видеть»). Впоследствии *n'оѡ со среднеязычным *ñ* дало при быстром темпе произношения позднейшее *joц > рус. (постмер.) *ёв*. Ареал распространения, как и своеобразие развития слова, не противоречат гипотезе о его мерянском происхождении.

Усилительные частицы *-ка* и *-ki*, предполагаемые для мерянского языка, восстанавливаются на основании русских (диалектных постмерянских) частиц *-ка* и *-ки* явно финно-угорского происхождения, ср. рус. *А я ему да не даютки земли-то, а он будетки всё-ка воймовать* (= просить, требовать) (Яр – Рыб) СРНГ V, 33 – ф. *-kaan* (*-kään*), *-kin*: *Eihän tässä mitään asia olekaan* (Лассила) «Да тут, собственно, никакого дела и нет»; *Ihmisten tekemänä on tämä konsti ollut ennenkin* (Киви) «Эта штука и раньше людьми делалась» [24, с. 228-229]; вепс. *-ki* (*-gi* после гласных и звонких согласных): *l'ehmgī söb pesen hiinan* «и корова ест эту траву» (Зайцева 297); иж. *Gä* (*-Gä*) (при отрицании), *Gi* (*-kki*) (при утверждении): *emmä kunne-Ga jouvu* «мы никуда не успеем»; *anna hänelleGi* «дай и ему» [49, с. 113]; вод. *-kā* (при отрицании) – *ci* (*-tši*) < *ki- (при утверждении): *ep kuhēkā* «никуда»; *tulepči* «идет же» [50, с. 107; 6, с. 134]; эст. *-ki* (*-gi*): *tulebki* «то же»; *ei kuhugi* «никуда» [50, с. 107]; морд. М *-ка(-га)/-ке(-ге)*: *монга молян «и я пойду»*; морд. Э *-как(-гак)*, возникшие в результате удвоения исходных морд. *-ка(-га)*: *Панжоматкак арасть, кенкшесь жо а панжови* «И ключей нет, дверь же нельзя открыть» [87, с. 257;

7, с. 303; 23, с. 352–353]¹⁶. Таким образом, отмечаемые в русском говоре на постмерянской территории усилительные частицы *-ка* и *-ки* являются скорее всего частицами мерянского происхождения. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, их распространенность на территории, в настоящее время не соприкасающейся с ареалом какого-либо финно-угорского языка и населенной только русскими, а с другой – многочисленные параллели в финно-угорских, прибалтийско-финских и мордовских языках, а также то, что в прошлом место их фиксации было заселено мерей. Дополнительным обстоятельством, говорящим в пользу мерянского происхождения частиц, служит и то, что заимствование служебных слов происходит значительно реже, чем полных (особенно в случае, если их распространение должно было идти из соседнего маловлиятельного языка, каким здесь мог быть только вепсский). Гораздо более естественно предположение, что данные служебные слова сохранились как остатки местного финно-угорского мерянского языка.

Междометие

Пока обнаружено только одно междометие, которое может считаться мерянским. Им является восклицание эмоционального характера, реконструируемое как **цај!* – рус. (диал.) *вай* (межд.) «возглас удивления» («Вай, какая сегодня холодная погода») (Яр – Пош; Костр – Сусан) ЯОСК (ср. морд. Э *вай* «ой! ах! ох!»: *вай сэреди!* «ой больно!», *вай, чись кодамо лембе!* «ах, день какой теплый!», *вай, кулан!* «ох, умру!»;

морд. М *вай* «ой! ах! ох!»: *вай, маряй!* «ой как болит!», *вай, шись кодама пара!* «ах, день какой хороший!», *вай, кулан!* «ох, умру!»; возможно, также венг. *vaj!* (*vajh!* *vally-ha!*) (книжн. уст. межд., ст. диал. *váj*, *vájh*) «выражение в особенности боли, жалобы») [122, с. 39; 65, с. 40; 146, л. 1455; 124, к. 3, л. 1069]. В пользу финно-угорского субстратного (мерянского) происхождения междометия говорят как ареал его распространения, совпадающий с бывшей мерянской территорией, так и отсутствие его в других русских говорах (не отмечено в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля и «Словаре русских народных говоров») при одновременном существовании его параллелей в обоих мордовских языках и, возможно, венгерском. Междометие интересно также тем, что в нем, как и в близкой по функции к междометию частице **јоц*, можно предположить существование звука *ц*, в целом нехарактерного для мерянской фонетической системы, где вместо *w(y)* и *h* употреблялся в артикуляционном отношении промежуточный звук. Предположительное (ограниченное) наличие *ц* наряду с *β*, когда *ц* могло возникать при недостаточно четкой (неполной) артикуляции *β*, объясняется, видимо, тем, что *ц* выступало, как правило, только в междометиях и близких к ним по функциям словах, которым свойственны нехарактерные для данного языка звуки, как, например, в русском литературном языке употребление фрикативного *у* в междометиях *ага, ого* или в украинском звукоподражательном *ге-ге-ге* взрывного *г*, нехарактерных вообще для их фонетических систем.

СИНТАКСИС (НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

Сведения, относящиеся к синтаксису мерянского языка, касаются пока только синтаксиса словосочетания и простого предложения, что обусловлено крайней ограниченностью дошедших до нас разрозненных мерянских текстов (не более 3–4 частично реконструированных предложений). Как наи-

более существенные можно отметить всего две черты из этих областей синтаксиса. Для мерянского, как и для других финно-угорских языков, характерна была, очевидно, обязательная постановка определения (в том числе несогласованного) перед определяемым. Об этом свидетельствуют, в частности, такие примеры как названия Галичского озера **Néron* (рус. *Нерон*) и р. *Jähren* (рус. *Яхрен*), являющиеся остат-

¹⁶ Что касается мар. *-ак*, то его связь с рассмотренными частицами [87, с. 257] ставится под сомнение [20, с. 183–184].

ками предполагаемых словосочетаний (или возникших впоследствии на их основе сложных слов) *jähren (juk) «(букв. — óзера, род.пад. ед.ч.) река»; *Néron (jähre) «(букв. — болóта, род.пад. ед.ч.) озеро».

Другая важная синтаксическая особенность мерянского языка — употребление связки в именных предложениях. На это, как представляется, указывает обнаруженное в нем словосочетание *śi joń (рус. (арг.) *сиень* «есть (букв. — это есть)»), предполагающее не только указательное местоимение, но и сопровождающую его связку — глагол *joń (фин., эст. *on*) «есть». Реконструируемые на этом основании мерянские предложения типа *śi joń l'ejma «Это (есть) корова»; *śi joń urma(-ə) «Это (есть) белка»; *śi joń juk «Это (есть) река» построены, в сущности, по принципу аналогичных предложений в финском и эстонском языках. Ср. ф. *Se on lehmä; Se on orava; Se on joki*; эст. *See on lehm; See on orav; See on jõgi*. Как известно, в остальных финно-угорских языках, в частности мордовских и венгерском, связка в данном случае не употребляется: морд. *Э Те минек пиресь* «Это — наш сад»; венг. *Ez ház* «Это — дом». Таким образом, по указанному признаку мерянский язык связан

с прибалтийско-финскими языками, отличаясь от других финно-угорских. Не исключено, что поскольку употребление связки «есть» характерно в целом для индоевропейских языков Европы (ср.: нем. *Das ist ein Buch* «Это (есть) книга»; англ. *It is a book*; фр. *C'est un livre*; лит. *Tai yra knyga*; лтш. *Tā ir grāmata*; п. *To jest książka*; болг. *Това е книга* «то же»), за исключением восточнославянских языков (возможно, как следствие их контактов с неиндоевропейскими), существование связки настоящего времени в прибалтийско-финских и мерянском языках является вторичной особенностью, вызванной сильным влиянием на них синтаксиса индоевропейских языков. Для прибалтийско-финских это было главным образом влияние балтийских, а затем германских языков. Что касается мерянского, то на нем сказалось воздействие прежде всего индоевропейского языка фатьяновцев, растворившегося в нем как субстрат и тем самым повлиявшего на его структуру. Кроме того, не исключено влияние на мерянский со стороны балтийских языков, один из которых, балтийский язык голяди, непосредственно должен был с ним соприкоснуться на границе с юго-западной частью его языковой территории.

ВЫВОДЫ

Рассмотрение грамматической системы мерянского языка по остаткам, сохранным в русском диалектном языке и его ономастике, позволило обнаружить фрагменты мерянских частей речи и их словоизменительной системы. Из частей речи, хотя бы в самой минимальной степени, смогли быть рассмотрены: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, союз, частица, междометие. Было получено некоторое представление о фрагментах словоизменительной системы имени (большее) и глагола (значительно меньшее). Обнаруженные факты в силу своей отрывочности не дают точного представления о грамматике мерянского языка в целом. С их помощью обнаруживаются только общие, иногда очень размытые, контуры

ее системы. Причем это относится даже к тем частям речи и словоизменительным парадигмам, которые поддаются частичному восстановлению.

Однако на настоящей стадии реконструкции есть еще целые части речи и грамматические категории, которые совершенно не поддаются воссозданию. Что касается частей речи мерянского языка, то здесь отсутствуют какие-либо факты, связанные с такой важной частью речи финно-угорских языков, как послелог и, возможно, предлог, если он в мерянском существовал. Ничем не обнаружила себя в поддающихся реконструкции мерянских пережитках такая важная для финно-угорских языков лексико-грамматическая категория (возможно, даже отдельная часть речи), как изобразительные слова.

Из словоизменительных категорий остаются совершенно неизвестными парадигмы именного (субстантивного) притяжательного склонения, степени сравнения прилагательного, парадигма спряжения глагола в условном (сослагательном) наклонении, не говоря уже о том, что, как и в ряде других финно-угорских языков, состав наклонений мог не исчерпываться только действительным, повелительным и условным. Не исключено, что в мерянском, как и в мордовских и угорских языках, наряду с безобъектным существовало объектное спряжение глагола. Говорить о его наличии или отсутствии на основании имеющихся реконструируемых данных еще невозможно. Очень отрывочны также факты, связанные с мерянским словообразованием. Можно говорить только об отдельных суффиксах имен: уменьшительном *-nä* у существительных, абессивном (лишительном) *-Doma* у прилагательных, глагольно-адъективных (причастных) *-β(a)*, *-š(a)*, глагольно-субстантивном *-ma*. Неизвестными остаются формы страдательных причастий мерянского языка и возможного деепричастия. Можно пока только строить предположения и о конкретной форме мерянского инфинитива.

Тем не менее и при остающихся многочисленных пробелах имеющихся фактов достаточно, чтобы на их основании позволить себе сделать предварительные выводы о грамматической специфике мерянского языка и в связи с этим – о его месте среди финно-угорских языков. Большинство реконструируемых фактов определяют мерянский язык как наиболее тесно связанный с прибалтийско-финскими, мордовскими и марийскими языками. Его срединное лингвогеографическое положение между ними хорошо согласуется с таким же промежуточным, как бы переходным, положением мерянской грамматической системы, – как именной, так и глагольной, – между грамматическими системами этих языков. На основании реконструированного материала можно решительно утверждать, что высказывавшиеся в прошлом мнения об особенно тесной близости между мерянским и марийскими языками обнаруженными грамматическими особенностями мерянского не подтверждаются. В частности, это видно на примере именной парадигмы, где 9-ти (10-

ти с вокативом) восстанавливаемым падежам мерянского, а в действительности, очевидно, их количество было еще больше, противостоит 8 (9 с вокативом) падежей марийского. Четкое, по-видимому, различие внешнеместных и внутреннеместных значений, сближающее мерянский с прибалтийско-финскими языками, отсутствует в марийском. Как финно-угорский язык Центральной России, наиболее близкий к прибалтийско-финской группе, мерянский отличается целым рядом черт, именных и глагольных, также от мордовского языка. В целом его специфика определяется не столько своеобразными явлениями (они касаются, как правило, только малосущественных черт), сколько неповторимым сочетанием тех особенностей, которые в отдельности свойственны и другим родственным языкам, а иногда их своеобразным развитием (ср. варианты *jol- :ul'* у мерянских рефлексов ф.-уг. **wolę-* «быть»).

Кроме явно преобладающих черт родства с прибалтийско- и волжско-финскими языками, у мерянского есть отдельные черты, говорящие также о его тесных связях с угорскими языками (ср. показатель мн.ч. *-k*, сходный с венгерским; союз *ra* «и», общий с хантыйским). Хотя количество этих общих явлений в целом невелико, все они – результат не эпизодических, а, напротив, длительных и непосредственных контактов, так как только они могли коснуться таких малопроницаемых сфер, как грамматический строй языка и служебные слова.

Поскольку меря жила вдали от угорских народов и с ними непосредственно не общалась, время возникновения отмеченных меряно-угорских (в том числе меряно-венгерских) общих явлений, возможно, результата взаимовлияний, следует отнести к периоду до переселения протомерянских финно-угорских племен с финно-угорской прародины на их историческую территорию. Очевидно, именно там, на финно-угорской прародине или где-то в непосредственной близости от нее общие явления могли развиться. Поэтому можно предположить, что, входя в состав финно-пермских племен, протомеряне в этот период располагались на их крайнем восточном рубеже, а это сделало возможным их контакты с прауграми, в том числе с протовенграми.

ЛЕКСИКА

Мерянский язык, по имеющимся данным, относится к числу бестекстных. Этим во многом определена специфика источников сведений о нем и критериев, помогающих выделить его элементы и хотя бы фрагментарно реконструировать его как систему, в том числе лексическую. Трудности, возникающие при системной реконструкции лексического состава мерянского языка, состоят в сложности разграничения мерянского и инофинно-угорских словарей как в их исконных элементах, так и в возможных заимствованиях, где не исключены случаи полного формального и семантического совпадения. При смежности родственных языков, возможности массовых миграций их носителей и недостаточно точных данных о границах бывшей мерянской языковой территории такая слабая или нулевая дифференцированность предполагаемых мерянских и инофинно-угорских лексем может вызвать сомнение, относится ли то или иное слово к исконной мерянской лексике, принадлежит ли к заимствованиям из какого-либо родственного языка или является результатом переселения носителей соседнего финно-угорского языка на мерянскую территорию и в состав мерянской лексики никогда не входило. Не менее сложно выяснить состав нефинно-угорских лексических заимствований мерянского, что необходимо для полноты представления о его словаре.

Основным общим источником сведений о мерянской лексике является пока русский язык. Хотя не исключена возможность обнаружения мерянских заимствований в финно-угорских языках, особенно смежных в прошлом с мерянским, история его носителей позволяет считать, что по сравнению с русским языком число заимствований из мерянского в финно-угорских языках значительно меньше, поэтому их роль может быть лишь вспомогательной. Лексика мерянского языка отражена русским языком в двух видах – материальном и калькированном. Конкретными источниками обнаружения материальных включений мерянской лексики в русском языке служат связанные преимущественно с постмерянской территорией

апеллятивы диалектов, апеллятивы социолектов (арго), топонимы и этнонимы. Калькированная полностью или частично лексика представлена преимущественно в диалектах и социолектах. Частично оба вида мерянизмов из диалектного и фольклорного могли войти в литературный русский язык.

История мерянских слов отражена в разновременности их проникновения в русский язык и фиксации в его памятниках. Локальные различия слов свидетельствуют об их диалектных вариантах. Итак, указанные источники дают довольно разнообразные сведения о мерянской лексике. Однако поскольку эти сведения извлекаются не из связных мерянских текстов, а из русского языка, где мерянская лексика представляет собой разрозненные вкрапления и где ее еще надо обнаружить, неизбежно возникает вопрос о критериях ее определения.

Общими критериями определения лексики мерянского происхождения в русском языке и ее идентификации в качестве финно-угорской являются сопоставительно-типологический (черты отличия от лексики славянского происхождения) и сравнительно-исторический (черты сходства с лексикой финно-угорских языков). Чтобы найти элементы мерянского происхождения в русской лексике (и ономастике), приходится идти путем постепенного исключения всего немерянского в ней: 1) славянского; 2) неславянского, но и не финно-угорского; 3) финно-угорского, однако не мерянского, кроме того, что могло быть заимствовано из соответствующих языков в мерянский. Оставшиеся после отсева, в том числе заимствованные, элементы должны быть окончательно обоснованы в качестве мерянских и реконструированы в своей исходной форме. Установление собственно мерянской принадлежности лексики опирается при этом на частные критерии внешнего и внутреннего порядка. К внешним принадлежат критерии социолингвистический (ориентация ме-

рянской лексики как субстратной на социологически «низкие», особенно в апелляциях, слою словаря – конкретные детали местной природы, быта, реалий, элементы просторечия и вульгаризмы), лингвогеографический (связь лексики с постмерянской территорией), лингвистический (зависимость от обстоятельств внешней истории языка – миграций его носителей и преемников его элементов связей мерянского с другими языками и т.д.). К внутренним критериям относятся особенности структурных уровней мерянского языка, выделяющие его на фоне других финно-угорских языков: фонетического (переход гласных новых закрытых слогов в гласные более высокого подъема: *a > o*, *o > u*, *ä > e*, *e > i* (**urma* < **ogaβa* «белка», **palo* > **pol* «деревня» и т.п.; согласный *β*, инициальное ударение, отсутствие звука *x*), морфологического (формантный) (варианты **jol-*: **ul'-* у глагола «быть» – **joluš* «пусть будет; **ul'* «был»), семантико-типологического (**ul'šims* «умирать» < «становиться бывшим» от (**ul'ša* «бывший»). Учет всех или части упомянутых критериев, указывающих на мерянское происхождение слова, позволяет с большей или меньшей долей вероятности относить его к уже рассмотренным исконным или заимствованным элементам мерянского языка.

Восстановление первоначального облика мерянских слов, сохранных в русском языке иногда в одной из застывших «несловарных» форм (галич. (арг.) *Нерон* «Галичское озеро», род.п. ед.ч. от мер. **ńero*

«болото») или обросших русскими формантами (костр. *при-о-тудоб-еть* «окрепнуть» < «прийти в себя» от мер. **tudoβa* «(осо)-знающий»), требует снятия позднейших наслоений и объяснения структуры слова. Методы внешней и внутренней реконструкции, применяемые при этом, дают возможность воссоздать соответствующие мерянские лексемы в предполагаемой исходной форме большей или меньшей хронологической глубины.

Ввиду того что для решения вопроса о происхождении слова и принадлежности его к мерянскому языку оно должно быть предварительно подвергнуто этимологическому анализу, рассмотрению устанавливаемой в настоящее время мерянской лексики в целом должна предшествовать ее этимологическая аргументация в качестве мерянской, исконной или заимствованной.

В силу специфики исследования мерянской лексики данная глава должна состоять из двух частей – собственно этимологической и лексикологической. В первой части основная задача – этимологическое доказательство мерянского происхождения ряда слов. Во второй части, которая является выводами из первой, реконструируемая мерянская лексика должна быть рассмотрена в целом как система с точки зрения ее происхождения, в том числе взаимосвязи с другими финно-угорскими (и уральскими) языками в ее исконных элементах, а также в ее принадлежности к определенным тематическим группам.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР РЕКОНСТРУИРУЕМЫХ ЭЛЕМЕНТОВ МЕРЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ

Андоба (приток р. Костромы) < мер. **AnDoβa*/**AnDoβē* «кормящий (-ая, -ее)» – ф. *antava* «дающий (-ая, -ее)», эст. *andev* «то же» с формантом *-v(a)* < **-pa* [55, с. 350], форма, имеющая прямые грамматические соответствия только в прибалтийско-финских языках и связанная с глаголом *anDa* «кормить» < «да(ва)ть» финно-угорского происхождения (ср. ф. *anta* «да(ва)ть», эст. *andma* «то же», саам. *N vuow'det* «продавать», морд. *андомс* «кормить», удм. *удны* «напоить, подать пить», коми *удны* (в парном слове

вердны-удны «кормить-поить», где *вердны* «кормить»), венг. *adni* «да(ва)ть; прода(ва)ть» < ф.-уг. **amta-* «да(ва)ть»). Восстанавливаемая семантика, наиболее вероятная для речного притока, «кормящего» своими водами реку, в которую впадает, ближе всего стоит к значению соответствия *андомс* в мордовских языках (ОФУЯ 418; КЭСЯ 295-296; SKES 120; MSzFUE 169).

Анка «галка» (Костр – Нерехт) ЯОС I 29 < **aŋka*. Слово, очевидно, субстратного финно-угорского, причем мерянского, про-

исхождения, о чем свидетельствуют как отдаленность района, в котором оно зафиксировано, от других финно-угорских языковых территорий при одновременной его связи с областью распространения мерянского языка, так и своеобразие его формы. Слово не обнаруживает соответствий в территориально близких (в настоящем или прошлом) финно-угорских языках «восточной» ориентации (ср. мар. *чанга* «галка», морд. *чавка*, коми *чавкан*, *тявкан*, удм. *чана*, венг. *csóka*), зато есть явные связи со словами, обозначающими ту же птицу в прибалтийско-финских языках (ср. ф. *паакка* «галка», кар. *поакка*, лив. *поакку*, люд. *пуак*, *пуакке*, *пуакку*, вепс. *пак*, *пӓк*, эст. (диал.) *пакк* и (лит.) *пакк*). «Этимологический словарь финского языка» определяет слово как звукоподражательное (SKES II 362), то же относится к названным словам остальных финно-угорских языков, по определению других финно-угорских этимологических словарей (КЭСКЯ 300, MNTEsz I 547-548), однако нельзя не заметить, что по фонетическому облику мерянская лексема гораздо ближе к соответствующим прибалтийско-финским словам. Видимо, если в основе финно-угорских слов, обозначающих галку, лежало звукоподражание, то принцип этого звукоподражания был разным в прибалтийско-финских языках, с одной стороны, и волжско-финских, пермских, а также в венгерском – с другой. Постмер. *анка* можно рассматривать или как форму, находящуюся в отношении метатезы к ф. *паакка* (и его соответствиям), причем трудно с определенностью сказать, какая из форм первична (вполне возможно, судя по «восточным» финно-угорским параллелям, что мерянская), или как форму, связанную с эстонской. В последнем случае обе формы можно было бы рассматривать как отклонившиеся от своей исходной праформы: мерянскую – в связи с утратой инициального согласного, эстонскую – в связи с синкопированием конечной части в качестве видоизменившей первоначальное *-ŋ(-)* в *-kk*. Не исключено также, что мер. (позд.) *анка* является как бы связующим звеном между словами «восточных» (пермских, угорских, волжских) и «западных» (прибалтийско-финских) языков. Ввиду того что прибалт.-фин. *h* может отражать первоначальное

с, а в некоторых случаях и *š*, а морд. *v* (*v*) являться отражением первичного (или диалектного) *-ŋ*, вполне вероятно, что в основе мер. (позд.) **aŋka*, как и эст. *hakk*, лежит исходное **šaŋka*, в дальнейшем в силу утраты смычки перешедшее в **šaŋka*, преобразовавшееся в **(h)aŋka*. Лексема с утраченным *h*- могла дать в прямой форме поздн. мер. **aŋka*, а в форме, подвергшейся метатезе, – ф. *паакка*. Лексема, сохранившая инициальное *h*-, могла в эстонском языке дать *hakk*. Как бы то ни было, связь рассматриваемого слова с финно-угорскими (в особенности прибалтийско-финскими и марийским) языками не вызывает особых сомнений.

К числу субстратных индоевропейских включений относится, видимо, рус. (диал.) *бени* (*бини*, *венечки*) / *бянки* (*вянки*) «(преимущественно) род вил» – слово, до сих пор не получившее удовлетворительного объяснения. В своих фонетических и словообразовательных вариантах оно распространено главным образом на территории бывшего проживания мери (в Московской, Владимирской, Ярославской, Ивановской, Костромской обл. и быв. Владимирской и Костромской губ.), а также к востоку от нее (в Куйбышевской [с 1991 г. – Самарской. – Прим. ред.] и Пензенской обл. и быв. Самарской, Пензенской, Вятской, Симбирской и Нижегородской губ.), что могло быть следствием переселения жителей упомянутых областей Центральной России на восток. Однако в пользу заимствованного характера слова и его связи с бывшей мерянской территорией свидетельствуют не столько особенности его распространения, сколько данные этимологического анализа.

Рассматриваемое слово засвидетельствовано в основном с кругом тесно взаимосвязанных, узкоспециальных значений, но в нескольких фонетических вариантах, где его основа выступает в формах *бян-/бен-/бин-/вян-/вен-*. Обе особенности говорят о том, что оно носит заимствованный характер, с чем, как известно, связаны, с одной стороны, конкретность значений, их относительная неразветвленность, а с другой – шаткость формы слова, в частности фонетической, которая не может быть передана точно средствами заимствующего языка и по-

этому невольно вызывает появление нескольких вариантов его передачи. Поскольку каждый из вышеуказанных фонетических вариантов слова, как правило, имеет также несколько словообразовательных вариантов, связанных нередко с особыми семантическими оттенками, слово выступает в целом ряде конкретных фонетико-словообразовательных форм и значений: 1) *бяны* (мн.) «небольшие вилы для разбрасывания навоза в поле» (Влад. губ.) СРНГ III 360; 2) *бянка* (ж.р.) «вилы для ворошения соломы» (Моск) СРНГ III 360; 3) *бянки* (мн.ч.) «короткие с тупыми зубьями вилы для уборки соломы на току при молотье» (Моск. обл., Пенз., Вят., Симб. губ.) СРНГ III 360; «железные вилы с тремя зубьями» (Влад. губ.) СРНГ III 360; «вилы для подачи, складывания соломы при молотье» (Костр) КОСК; «деревянные вилы с двумя зубьями» (Яр) ЯОСК; «вилы с двумя зубьями для разбрасывания навоза» (Нижегор. губ.) СРНГ III 360; «скулы» (очевидно, переносное от первоначального значения «двурогие вилы», ср. укр. *вілиці* «скулы (букв. – (маленькие) вилы)») (Костр – Солигал) ЯОСК; 4) *бяньки* (мн.) «деревянные вилы с двумя зубьями для уборки соломы при молотье» (Вл. губ.) СРНГ III 360; «вилы для ворошения сена или соломы на гумне» (Яр., Моск.) СРНГ III 360; 5) *бёнечка* (ж.р.) «вилка какая?» (Яр) ЯОСК; 6) *бёняшки* (мн.ч.) «двурогие вилы» (Яр) ЯОСК; 7) *бёньки* (мн.ч.) «вилы, которыми ворошат сено при сушке; вилы, которыми заправляют навоз под пласт земли во время пахоты; деревянные двурогие вилы, которыми трясут солому во время молотья» (Яр) ЯОСК; 8) *бенькй* (мн.ч.) «рогатки для подавания снопов» (Костр) МКНО; 9) *бёньги* (мн.ч.) «деревянная палка с развилкой на конце, используется для переворачивания сена во время сушки» (Яр) ЯОСК; 10) *бёни* (мн.ч.) «накладка на телегу, сделанная в виде санок, служит для перевозки сена, соломы; вилы железные, деревянные с тремя, четырьмя зубьями, которыми накладывают сено, солому, навоз; вилы с двумя длинными зубьями; особый род вил с короткими рожками, которые используются для разрыхления земли при копке гряд» (Яр) ЯОСК; «вилы трехрогие с длинным чернем с отогнутым средним рогом для подачи сена

высоко» (Костр) КОСК; 11) *бенины* (мн.ч.) «то же, что бени» (Яр) ЯОСК; 12) *бёницы* (мн.ч.) «вилы; трехрогие вилы» (Костр) КОСК; 13) *бйни* (мн.ч.) «двурогие вилы для разбрасывания навоза на поле» (Яр) ЯОСК; 14) *вянки* (мн.ч.) «вилы небольшие двурогие, тупые» (Костр) КОСК; «короткие навозные вилы» (Костр., Пенз. губ.) СРНГ VI 79; «особого рода тупые вилы для перетруски колоса на току во время молотья» (Симб., Пенз., Самар. губ.) СРНГ VI 79; «небольшие тупые вилы в два зуба для подачи и перетруски снопов на току при молотье» (Симб., Пенз. губ., Куйб. обл.) там же; 15) *вёнечки* (мн.ч.) «двурогие деревянные вилы, которыми трясут солому при обмолоте» (Костр) ЯОСК.

Учитывая многообразие форм слова и его семантику, следует признать неубедительной попытку М.Фасмера объяснить его как чисто славянское по происхождению и связанное с глаголом *вить* исходя только из двух форм *бянки* (*вянки*) и без достаточного учета семантики: «*бянки, вянки*, мн. «вилы», влад. и вост.-с.-в.-р.; см. Филин (Исследование о лексике русских говоров. М., 1936), 121. Возм. из *обвианьки* от *вить*?» [110, I, с. 262]. Для значения слова связь с глаголом *вить* представляется в лучшем случае факультативной, скорее же всего – чисто случайной, основанной только на внешнем, звуковом сходстве. Гораздо более характерным для семантики слова чаще всего обозначающего разные виды вил, является то, что, как правило, у большинства его форм имеется значение «двурогие вилы; вилы в два зуба; рогатка, то есть также развилка с двумя зубьями, рогами». Из 15 приведенных выше форм это значение имеют 11, то есть 73% (*бянкй, бяньки, бёняшки, бёньки, бенькй, бёньги, бёни, бенины, бйни, вянки, вёнечки*) и только четыре, то есть 27% (*бяны, бянка, бёнечка, бёницы*), этого значения не обнаруживают, по крайней мере отчетливо, по видимому, его утратив. Есть основания предположить, что первоначальным было значение «двурогие вилы; вообще какой-либо предмет, включающий две части» (ср. *бени* «накладка в виде саней», иными словами – с двумя полозьями), значение же «вилы вообще (в том числе с тремя, четырьмя

зубьями)» развилось позднее¹. В пользу этого говорят как явно доминирующее в семантике слова значение «двурогие вилы; (реже) вообще предмет, состоящий из двух частей», так и его формальное сходство с целым рядом этимологически связанных лексем индоевропейских языков, также имеющих значение «что-либо двойное (его часть); два», ср.: лит. *dvūnas, dvynūs* «двойня, близнец», латыш. *dvīnis* «близнец», дсакс. *twēne*, англ. *twain*, двн. *zwēne* «два», лат. *bīnī* «двое, по два», псл. **d(ъ)vina*, друс. *двина* «единоутробный брат», рус. (диал.) *двина, двины* «две полосы (земли) рядом», псл. **d(ъ)věpъky* > болг. (ст.) *двенки* «двое, две». Несмотря на возможные расхождения между приведенными словами, проявляющиеся в их корневом вокализме, а иногда даже в самом строении слова (лат. *bīnī*, напр., выводят главным образом из *duis-no-* (Walde I, 106), тогда как в других приведенных словах суффиксальное *-n-* следует непосредственно за гласным корня), между ними существует несомненная этимологическая связь, которая, очевидно, распространяется и на русское слово, не являющееся, по-видимому, по своему происхождению финно-угорским.

Однако безоговорочному принятию связи слова *бени* (*бини, венежки*) / *бянки* (*вянки*) с приведенной группой этимологически связанных индоевропейских слов препятствуют при несомненном семантическом сходстве и определенной формальной близости расхождения между рассматриваемой лексемой и данной группой, проявляющиеся в непонятной с точки зрения индоевропейской и славянской фонетики вариативности начала русского диалектного слова и его корневого вокализма. Если объяснять слово как непосредственное заимствование из какого-то индоевропейского языка, то эти вопросы остаются без ответа так же, как и вопрос о связи славян с носителями этого языка, поскольку к X в. н.э., моменту появления восточных славян

на бывшей мерянской территории [22, с. 5], там, кроме финно-угорского мерянского населения, не проживало никакого другого, в том числе индоевропейского. Можно предположить, что данное слово попало в славяно-русский язык непосредственно из мерянского, представляя собой в последнем одно из реликтных слов, проникших из субстратного индоевропейского языка того населения, которое финно-угорские предки мери застали на территории Центральной России при переселении на запад из своей (западно)уральской финно-угорской прародины и которое впоследствии ассимилировали, переняв часть элементов его языка. Речь идет о представителях так называемой фатьяновской культуры, в основном скотоводов, живших на территории, позднее занятой мерей, в первой половине 2-го тыс. до н.э.² Заимствование рассматриваемого слова в мерянский язык представляется вполне естественным в связи с особенностями занятий обеих этнических групп. Относящееся к оседлому скотоводству, заготовке для скота кормов на зиму, оно было связано с новой для мери – первоначально охотников, рыбаков и собирателей – хозяйственной деятельностью, которой она училась на новом месте у своих предшественников. Вместе с новым понятием было заимствовано и новое слово. Однако попав в язык с совершенно другой фонетической и грамматической структурой, оно подверглось различным преобразованиям, что не противоречит данным, известным в настоящее время об особенностях финно-угорских языков, в частности мерянского.

Исходя из того, что начало предполагаемого индоевропейского слова должно было выступать в одном из трех вариантов – **du(w)-*, **b-* (ср. лат. *bīnī* < **duis-no-*) или **dw-/*dv-* – и того, что известно о фонетических особенностях финно-угорс-

¹ Не исключено, что толчком для подобного семантического развития послужили переходные случаи типа *бени* «вилы трехрогие с длинным чернем с отогнутым средним рогом для подачи сена высоко» (Костр) КОСК, где к двум рогам как бы присоединяется вспомогательный (здесь – поддерживающий сено).

² Возможно, что именно с индоевропейским языком фатьяновцев связано, в частности, название крупной реки региона *Ока*, сближаемое М.Фасмером с гот. *aħa* «река», двн. *aħa* «вода, река», лат. *aqua* «вода» (Фасмер III 127). Есть и другое мнение, согласно которому данное название восходит к основе **ak-* «глаз; источник» и является по происхождению балтизмом [106, с. 200].

кого мерянского языка, можно реконструировать исходную форму индоевропейского «фатьяновского» слова и представить себе преобразования, которым оно подверглось в мерянском языке.

В мерянском, как и в целом ряде финно-угорских языков, по-видимому, были возможны только глухие взрывные фонемы, частично озвончавшиеся только в середине слова – между гласными или гласным и сонантом³, поэтому и-е. *du- и *b- должны были бы здесь дать соответственно tu- и p- > рус. (постмер.) ту- и п-. Поскольку формы рассматриваемого слова не имеют подобного начала, наиболее вероятно считать их отражениями индоевропейского слова, начинавшегося звукосочетанием *dw- / *dv-. В мерянском как в финно-угорском языке, допускавшем не более одного согласного в начале слова, это звукосочетание должно было упроститься в *w- / *v-⁴. Однако поскольку здесь, по-видимому, не существовало звука w или v, а наиболее близким к нему по артикуляции

³ Об этом свидетельствуют топонимы мерянского происхождения, где в начале слова, если это не сонанты, как правило, возможны только глухие взрывные t-, p-, k- (ср. р. *Том* (Костр. – Солигал) – ф. *tammi* «дуб», р. *Лонга* (Костр. – Кологр) – мар. *лонта* «гриб», р. *Кера* (Костр. – Нерехт) – морд. Э *керь* «лубок, кора», а также случаи, когда в русских (постмерянских) говорах звонким взрывным (несонантам) литературного языка и других говоров соответствуют глухие (ср. рус. (яросл.) *падог* – *батог*, *папа* – *баба*, *кадюка* – *гадюка*, *тепломат* «пальто в талию; пальто вообще; женское зимнее и летнее полупальто» – (донск.) *дипломат* «демисезонное пальто в талию; от талии с разрезом сзади (мужское), без разреза (женское)»).

⁴ Это правило, соблюдавшееся особенно строго в финно-угорском языке, впоследствии стало частично нарушаться за счет: а) изобразительных слов (мар. *крак-крак* «карканье вороны»); б) заимствований (удм. *кран* «кран»); в) новообразований, вызванных фонетическими процессами (морд. Э *пря* < ст. *пиря* «голова») [53, с. 119]. О существовании той же фонетической особенности в мерянском языке, помимо мерянских по происхождению топонимов, свидетельствуют диалектные слова славянского происхождения из русских (постмерянских) говоров, где нередко в результате упрощения из сочетания нескольких согласных в начале слова остается только один, ср. *моргать* < *сморгать* (КОСК); *(на)рахать* < *(на)страхать* «(на)пугать» (ЯОСК); *мотреть* < *смотреть* (ЯОСК); *пасибо* < *спасибо* (ЯОСК); *ричать* < *кричать* (ЯОСК) и т.п.

являлся звук β, занимающий промежуточное положение между b и v(w), и-е. *v- (*w-) в мерянском языке должно было передаваться звуком *β, чуждым русской фонетической системе и поэтому передаваемым как б, так и в, ср. *бянки/вянки, бени(бини)/венежки*. Подобную вариативность встречаем в русском при отражении того же звука (β – исп. v, орф. b) в испанском языке, ср. *Куба* (исп. *Cuba*), *кабальеро* (исп. *caballero*), но *Гавана* (исп. *Havana*), *Кордова* (исп. *Cordoba*). Наличие -я- в ряде русских форм слова (*бянки, бяньки, вянки*), которым передавалось, видимо, мер. -ä- (ср. рус. (яросл.) *вяха* «мало, немного» – эст. *vähe* «то же»), заставляет предположить, что исходным корневым гласным соответствующего индоевропейского слова был также -ä- или очень близкий к нему звук. Очевидно, не претерпел сколько-нибудь заметных изменений и допустимый для индоевропейского слова конечный согласный основы -п-, поскольку этот сонорный свойствен как русской, так и мерянской фонетике⁵. Ввиду смягчения -п- (рус. -н-) в целом ряде форм слова (*бени, бини, беньки, беньги, бяньки*) следует полагать, что в субстратном индоевропейском языке оно заканчивалось гласным -i-, который мог впоследствии быть утрачен в мерянском или русском языке, вызвав смягчение предшествующего согласного. В пользу -i-, как показателя множественного (или двойного) числа слова может свидетельствовать и то, что целому ряду индоевропейских языков (к ним, очевидно, относился и данный индоевропейский) свойственно явление *pluralia tantum*, ср.: рус. *ворота, грабли, вилы, ножницы, сани*; лит. *dūmai* «дым (букв. – думы)», *vartai* «ворота», *šakės* «вилы», *durys* «дверь (букв. – двери)» – укр. *dverі*, п. *drzwi, żyki* «ножницы»; латыш. *dūmi* «дым (букв. – думы)», *vārti* «ворота», *dūņas* «ил (букв. – илы); грязи», *dusmas* «гнев, злость (букв. – гнев, злости)», *rati* «телега (букв. – колеса)» – белор. *калёсы* «телега»; лат. *arma* «оружие (букв. – оружия)», *litterae* «письмо (букв. – буквы)», *foruli* «книжные полки», *dirae* «зловещие призна-

⁵ Ср. топонимы мерянского происхождения: оз. *Неро* (Яр), р. *Нельша* (Костр), р. *Шорна* (Иван), р. *Шенбалка* (Яр) и т.п.

ки, страшные предзнаменования; проклятия», *brasaе* «брюки, шаровары», *capı* «седые волосы, седины», *oreae* «удила». Рассмотренные факты позволяют в целом предположить для исследуемого индоевропейского слова форму **dwäni*/**dväni* (ср. семантически и этимологически близкое рус. *двойни*), которая при заимствовании мерянским языком должна была дать слово **βäni*.

Русские диалектные слова в сопоставлении с данными мерянского и других финно-угорских языков дают возможность представить основные этапы развития слова **βäni* в мерянском языке и причину многообразия его формально-фонетических отражений в русских говорах.

В исследуемом слове обращает на себя внимание вариативность начального *б*-/*в*- и корневого *-я*-/*-е*-/*-и*-. Если причина появления вариантов с *б*- и *в*-, коренящаяся в двоякости передачи чуждого русской фонетике мер. *β*-, стала уже ясна, то факт двойственного вокализма, не нашедший объяснения в рассмотренных данных, еще требует своего истолкования.

Вряд ли случайно распределяются варианты с *-я*- и *-е*-/*-и*- между двумя разными словообразовательными вариантами слова – с суффиксальным *-к*-, следующим непосредственно за корневой частью слова, и теми, где суффиксальное *-к*- или вообще отсутствует, или входит в состав сложных уменьшительных суффиксов типа *-чк*-, *-шк*- и под., причем отделенных от корневой части слова каким-либо гласным. Среди 15 рассматриваемых форм абсолютно преобладающим является следующее распределение: в подавляющем большинстве случаев вокализм *-я*- свойствен формам с непосредственно следующим за корнем *-к*- (*бянка, бянки, бяньки, вянки*), вокализм *-е*-/*-и*- – тем формам, где подобное *-к*- отсутствует (*бэнечка, беняшки, бени, бенийцы, бенины, бйни, вэнечки*). Формы, где вокализм распределяется по противоположному принципу (*бэньки, беньки, бэньги, бянь*), находятся в меньшинстве и могут быть результатом позднейших аналогических выравниваний. Поскольку явление яканья для северно-русских говоров не характерно, к тому же в русском языке оно зависит в основном от ударения, а не от наличия или

отсутствия какого-либо суффикса при сохранении ударения на том же корневом (начальном)⁶ слоге, причину вариативности корневого вокализма слова следует искать, видимо, в особенностях мерянского языка и его исторической фонетики.

Как позволяют предположить русские диалектные отражения реконструированного мерянского слова **βäni*, оно претерпело в мерянском языке ряд фонетических и грамматических изменений. Поскольку явление *pluralia tantum* не характерно для финно-угорских языков⁷, в которых часто даже отдельные предметы, образующие пару, передаются единственным числом⁸, на индоевропейскую форму множественного числа, воспринимавшуюся в мерянском как форма единственного, в случае необходимости передачи множественного должен был наращиваться собственный мерянский показатель множественного числа. Таким образом, для слова, выступавшего в индоевропейском языке только во множественном числе, в мерянском должны были появиться две формы – единственного и множественного чисел. Первоначально, по-видимому, в каждой из них сохранялся гласный, следующий за корнем, и они ничем не различались в корневом вокализме. Однако впоследствии, как и в целом ряде других мерянских слов, особенно заканчивающихся гласным высокого подъема, конечный гласный формы единственного числа, видимо, исчез⁹ и между вокализмом обеих форм должно было возникнуть расхождение, поскольку гласный

⁶ Мерянскому, как и многим другим финно-угорским языкам, было, очевидно, свойственно инициальное ударение, подтверждаемое, в частности, данными топонимов с бывшей мерянской территории, ср. *Нэро, Яхрома*, (диал.) *Кбстрома, Кбстома, Чухлома, Кйнешма* и т.п.

⁷ Только в некоторых из них, в частности мордовских, в последнее время под сильным влиянием славянских языков *pluralia tantum* начинают калькироваться в заимствованиях, ср. морд. Э *ортаг* (мн.ч.) «ворота», очевидно, от исходного *орта* < рус. *ворота*.

⁸ Ср. венг. szem «глаз; глаза (букв. – полглаза)» и *félszem* «глаз (один) (букв. – полглаза)», когда надо подчеркнуть единичность.

⁹ Ср. следующие реально засвидетельствованные или реконструируемые с большой долей вероятности случаи: **oli* > **ul'* «был»; **jolože* (*елозь*) > **joluš* (*елушь*) «пусть будет»; (-)*бало* > (-)*бол* «деревня».

одного и того же слова оказывался то в открытом, то в новом закрытом слогѣ. В последнем случае, по-видимому, гласный вначале удлинѣлся, а затем через ступень сужения переходил в другой гласный, более высокаго подъема: а → о: -Balo → -Bāl → -Vol «деревня»; о → ѳ: oґаѳа (ср. ф. oґava) → *ōrґа → *ōrґа → рус. (диал. < мер.) урма «белка»; е → і: *eleDoma → *ēl'Doma → il'Doma «без жизни» (ср. д. *Элино* (Костр. губ.) – р. *Ильдомка* (Костр. обл.)). Исходя из отмеченной закономерности, можно полагать, что слово *βāni, утратив конечный гласный, должно было через стадию удлинѣния и сужѣния в образовавшемся новом закрытом слогѣ изменить корневой гласный, заменив открытое -ā- его соответствием в более высоком подъеме -e- (закрытым), которое могло восприниматься славянами как местный северно-русский рефлекс -ѳ-. Таким образом, и в данном случае, аналогичном приведенному выше, проявилась указанная фонетическая закономерность мерянского: ā → e (*βāni → *βāñ → *βeñ «двурогие (деревянные) вилы»). Однако вариант с корневым -e- в мерянском языке мог быть свойствен, очевидно, только форме единственного числа. В форме множественного, где сохранѣние конечнаго гласнаго (скорее всего, редуцировавшегося) было необходимо, поскольку он находился между конечным согласным корня и финно-угорским показателем множественнаго числа, передававшимся согласным или звукосочетанием с начальным согласным¹⁰, корневой слог оставался открытым, поэтому гласный в нем не изменялся. Так в мерянском языке могло возникнуть противопоставление корневого вокализма слова: *βeñ (ед.ч.) – *βāñ- (мн.ч.). Формы русского диалектнаго слова, продолжающего и отражающего мерянское, дают возможность допустить, что показателем множественнаго числа в мерянском было -k, следовательно, развитие форм слова в единственном и множественном числах могло протекать следующим образом: *βāni (ед.ч.) – *βāni-k (мн.ч.), *βeñ (ед.ч.) – *βāñ-k (мн.ч.).

¹⁰ Ср. -t̄ (для прибалтийско-финских, мордовских и обско-угорских языков; -влак, -мыт, -ла (для марийскаго); -(o)с/- (ē)с (для пермских); -k (для венгерскаго).

При вхождении в контакт с мерей и включѣнии ее слова в свой язык восточные славяне и *βeñ и *βāñ-k должны были воспринимать как единственное число, поскольку внешне обе формы отождествлялись только с ним (ср. *βeñ и *дньн, тньн* и под.; *βāñ-k и *дньнкъ, пньнкъ*, где также наблюдается значительное сходство при расхождении в ударѣнии). Однако поскольку для славян применение единственнаго числа по отношению к сельскохозяйственному орудію с двумя или несколькими частями было неестественным и требовалось множественное число по образцу названий для подобных реалий (ср. *вилы, грабли, ножницы, сани* и под.), обе лексемы были преобразованы в формы множественнаго числа наращѣнием показателя множественности -и(-ы). Так, мер. *βeñ дало друс. *бѳни/*вѳни, что впоследствии отразилось в *бени, бини, венечки*, а мер. *βāñ-k – друс. *бяньки/*вяньки, давшее позже *бяньки, бянка, вянки* и под. Параллелизм форм pluralia tantum без -k и с ним воспринимался как вполне естественный, поскольку у славян уже были подобные, внешне похожие образования (*сан-и – сан-к-и*). В наращивании своего показателя множественности на форму множественнаго числа другого языка также нет ничего удивительнаго, поскольку в русском языке эта особенность как естественно действовавшая грамматическая тенденция обнаруживается и позднее, ср.: рус. *рѳзан* «цветок розы» < нем. Rosen «розы» – *розан-ы* (мн.ч.)¹¹; *пампас-ы* «южноамериканские степи» < исп. *рапра*, мн.ч. *рапрас* «то же»; *сельвас-ы* «влажные экваториальные леса в Южной Америкѣ» < порт. *selva* < лат. *silva* «лес», мн.ч. *selvas* «сельвасы, тропические леса»; *бутс-ы* «ботинки с шипами на подошвах для игры в футбол» < англ. *boot-s* (мн.ч.) «ботинки; бутсы» < *boot* (ед.ч.) «ботинок; бутс».

Вывод о возможности существованія в мерянском показателя множественнаго числа -k (-к) подтверждается, кроме приведеннаго случая, самаго по себе довольно убедительнаго, другими, вполне вероятными, хотя и требующими дальнейшей проверки, примерами. Речь идет о зафиксированных на бывшей мерянской терри-

¹¹ Существует и другое объяснение: < нем. (ст.) (der) Rosen (=Rose) «роза» (Фасмер III 494).

тории слова, либо имеющих с точки зрения русского языка форму единственного числа на *-к*, но значение множественного числа, либо обладающих дублетностью форм без *-к*- и с *-к*- во множественном числе (без расхождения в семантике между обеими формами), ср.: 1) *кицок* «(яроsl., костр.) два столбика, на которых утверждается голбец в избах»¹²; 2) *пáн-ы, пáн-к-и* «(костр.) курганы» (судя по археологическим раскопкам, с захоронениями мери)¹³.

Завершая рассмотрение данного слова, стоит специально остановиться на вопросе о времени его включения в русский язык и причине, вызвавшей это. Все приведенные выше факты склоняют к мысли о том, что слово как отразившее еще существовавший, по-видимому, в качестве отдельной фонемы *ѣ*, а возможно, и редуцированные (в частности, *ь*, ср. субституцию предполагаемого мер. *э*) можно отнести к числу наиболее древних мерянских включений в русском языке, относящихся еще к древнерусскому или непосредственно следующему за ним периоду.

Что касается вопроса о причине заимствования, то она могла быть двойной. С одной стороны, в данном случае речь шла об одном из слов, наиболее прочно вросших в быт местного населения, его специфику, а такие слова чаще всего сохраняются даже при полном переходе на новый язык. С другой стороны, слово, видимо, обозначало реалию, тесно связанную со своеобразием местного сельского хозяйства и как таковую, возможно, не известную славянам, поселившимся рядом с мерей. Именно эта новизна, соединенная с важностью реалии в местном хозяйстве и быте, могла способствовать закреплению слова не только в речи бывшей мери при переходе ее на славянорусский язык, но и в языке поселившихся вместе с мерей восточных славян. Эти обстоятельства в конечном счете привели к тому, что слово не только получило повсеместное распро-

странение в русских говорах Центральной России, на территории бывшего расселения мери, а и оказалось способным к довольно широкой экспансии в восточном направлении.

Вань (мн.ч.) «низкий, залитый водой, поросший высокой травой берег» (Костр – Гал) (ср. рус. (диал. холмог.) *вана* «заливной сенокос, озерко в русле реки»), сопоставимо, несмотря на семантические расхождения, с прибалтийско-финскими словами: ф. *vana* «след, лыжня, тропа, полоса, полоска, русло реки, фарватер», кар.-лив. *vana* «полынья, глубокое русло реки, низина, заросшая травой (небольшая пожня)», вепс. *vana* «овраг» (SKES V 1631-1632). По мнению О.В.Вострикова, «непосредственно связывать галичское слово с ливвиковским наречием, разумеется, нельзя. Речь идет о субстратном включении из вымершего ф.-уг. языка, в области лексики обнаруживающего близость к прибалтийско-финским языкам» [16, с. 26]. С этим выводом исследователя нельзя не согласиться, добавив, что поскольку в Галиче и его окрестностях другого финно-угорского языка, кроме мерянского, не существовало, единственно допустимым в данном случае будет отнесение слова *вани* к мерянскому языку. Исходя из принадлежности слова к мерянскому языку и учитывая особенности мерянской фонетики, а также данные родственных языков, его исходную форму следует реконструировать как **βana* (**βanə*). Что касается значения слова, то ввиду отсутствия каких-либо других данных следует принять семантику, зафиксированную О.В.Востриковым.

Варакино (Костр – Шар) КОСК – название деревни Шарьинского района Костромской области, производное от *варака*. Не исключено, что данное название, распространенное на бывшей мерянской территории и, следовательно, могущее быть мерянским по происхождению, этимологически связано с морд. Э *варака* «ворона» (ЭрзРС 43). Оба слова, видимо, имеют образительное (звукоподражательное) происхождение. Лежащее в основе русского топонима слово довольно широко распространено на бывшей мерянской территории, хотя в разных местах могло иметь различные формы, о чем свидетельствует

¹² Этимология слова пока не выяснена.

¹³ См. у Е.И.Горюновой [22, с. 232-234], Ю.Мягистэ [147, с. 116-117] и В.Пименова [69, с. 236] этимологию слова, сближаемого с вепс. *panda* «положить», ф. и кар. *panpa* «то же», а также вепс. *paḥapanend* «похороны (букв. – в землю положение)».

название н.п. *Вараково* (Яр – Первом) (карта Ярославской обл., 1978 г.), очевидно, производное от рус. (постмер.) *варак* с тем же исходным значением. Отмеченные топонимы дают возможность предположить для мерянского, учитывая его фонетические особенности, существование слова **βarakē*/*βarak* со значением «ворона», имеющего широкие связи в других финно-угорских (и уральских) языках, что позволяет относить их возникновение к уральскому периоду, ср.: ф. *varis* «ворона», кар. *varoi*, лив. *varikš*, эст. *vares*, саам. Н *warje*, морд. Э *варака*, диал. *varšej*, *varkšij*, морд. М *в́арси*, хант. *вурнга* (*в́урнга*), манс. *ўри(нэква)*, венг. *varju*, нен. *в́арңэ*, сельк. *kuere*, кам. *bāri* «то же», койб. *bare* «ворон» < урал. **ware* (ОФУЯ 404, SKES V 1654-1655; MSzFUE III 673-674). Обращает на себя внимание особая формальная близость предполагаемого мерянского и эрзя-мордовского слов.

Воло́менной «масленный пирог с хорошей начинкой» (Яр. губ. – Любим) ЯОСК. Узколокальный характер слова (не приводится в «Словаре русских народных говоров»), зафиксированного на бывшей мерянской территории, отсутствие каких-либо связей со словами славянского происхождения заставляют думать, что оно местного, неславянского (следовательно, возможно, и мерянского) происхождения. Ввиду наибольшей словообразовательной семантической близости с коми *выялём* «масленный» (напр., *выялём блин* «масленный блин») РКМИС 260, где причастный суффикс *-ём/-ем* (*-õm/-em*) соответствует суффиксу *-та* в отглагольных существительных прибалтийско-финских, мордовских и мерянского языков (ср. ф. *eläntä* «жизнь», морд. М *эряма* «то же», мер. **kolēma* «смерть; (тяжелая) болезнь» > рус. (диал., постмер.) *колэма* «болезнь»), наиболее вероятно видеть в данном причастном образовании производное от русского (диалектного, постмерянского) глагола **во(й)ломить* (**войлома-ть*). Что касается предполагаемого диалектного глагола **войлома-ть*, лежащего в основе рассматриваемого причастия, то он образован непосредственно от мерянского отглагольного существительного **βojloma* (**βojlēma*) со

значением «масленье, намамливание», близкого к инфинитиву, наращиванием на него русского инфинитивного форманта *-ть*. Само отглагольное существительное **βojloma* (? < **βajēloma*, ср. коми *воялём* «масленный») является, очевидно, производным от мер. **βoj* (< **βajē*) «масло», имеющего многочисленные параллели в других финно-угорских языках и восходящего с ними к финно-угорскому праязыку, ср.: ф., кар., вепс., ижор. *voi* «масло», вод. *veī*, эст. *või*, лив. *vui*, саам. Н *vuoggjâ*, морд. Э *ой*, морд. М *вай*, мар. *ўй*, мар. Г *ў*, удм. *вõй* «то же», коми-зыр. *вий* «масло; жир (рыбий)», коми-перм. *ви* «то же», хант. *вуй* (*в́уй*) «жир, сало», манс. *вõй* «жир; масло», венг. *vaj* «масло» < ф.-уг. **woje* «масло; жир» (ОФУЯ 422; КЭСЯ 71; SKES VI 1803-1804; MSzFUE III 666-667).

Елманский «древний галицкий язык» (имеется в виду язык жителей Галича Мер(ь)ского – мерянский, а позже связанное с ним арго части из них) (Костр. губ. – Галич) Вин 45, *елман* (бран.) «дурак, болван?» (Костр – Гал) ЯОСК, *ёлыма* «человек, говорящий по-елымански» (Костр. губ. – Гал) Вин 45, *ёлыман* «то же, что *ёлыма*» (там же) Вин 46, *ёлыманский* «условный язык галичан» (там же) Вин 45, *алман* «язык как орган в полости рта» (Костр – Гал) ЯОС I 26, *алман* «язык» (Костр. губ. – Галич) ТОЛРС XX 139, *йолман* «то же» (Вл. губ.) ТОЛРС VII 290, *алманский язык* «условный язык галичан» (Костр. губ. – Гал) Вин 44, *поелмански* «на елманском языке» (там же) Вин 49, *по-ёлмански* «то же» (там же) Вин 49, *елманское наречие* «условное наречие галичан» (там же) Вин 46, *Галивонские Алеманы* «галицкое наречие (условный язык)» (там же) Вин 45. А.И.Попов справедливо сближает рус. *елманский* с мар. *йылме* «язык» (в анатомическом и лингвистическом смысле) [70, с. 100]. Речь в данном случае идет о языке как органе речи, название которого, очевидно, в мерянском, как и в марийском, было перенесено на речь. Впоследствии *елманским* называли условный язык, распространенный в Галиче и некоторых других местах бывшей мерянской языковой территории, с грамматической основой уже не финно-угорской, а славяно-русской. Это было всего лишь социальное русское арго,

лексика которого, однако, состояла из нерусских, в том числе местных субстратных мерянских, элементов. *Ёлыма(н)* стал называться человек, говорящий на этом условном языке. Значение «дурак, болван» < «непонятливый», имеющееся у слова *елыман*, которое представляет собой лишь разновидность предыдущего, очевидно, относится к тому периоду, когда так называли последних людей, говоривших еще на мерянском языке и плохо понимавших русский язык или совсем не понимавших его. На фоне подавляющего большинства русского или обрусевшего мерянского населения, возможно, почти забывшего свой язык, подобные люди могли производить впечатление бестолковых, глупых, в связи с чем данное слово, по-видимому, и приобрело этот уничижительный, бранный оттенок. Поскольку *-н*, включенное в целый ряд приведенных слов, является в мерянском показателем генитива единственного числа (есть оно и в самом слове *елманский*), а соответствием предполагаемого мерянского слова служит мар. *йылме* «язык» без конечного *-н*, которое и в марийском — формант той же формы генитива, мерянское слово для передачи понятия «язык» должно было, очевидно, выступать в формах *jelma || *jolma || *jolēma¹⁴. Что касается формы *алман*, то ее, видимо, следует понимать как следствие позднейших деформаций слова уже на русской почве и поэтому не считать отражением какой-либо из реально существовавших на мерянской почве лексем. Фиксация форм слова и их производных на бывшей мерянской территории, в частности на такой отдаленной от марийской, как бывшая Владимирская губерния, дает основания считать данные слова не заимствованием из марийского, а отражением пережитков мерянского языка. Все ли из приведенных форм были свойственны мерянскому языку (наибольшее сомнение вызывает *jolēma), сказать в настоящее время трудно. Расхождения между ними — не обязательно результат деформации одной из при-

веденных предполагаемых мерянских форм уже в русской среде. Не исключено, что каждая из них отражает или один из диалектных вариантов слова, или разные этапы его развития. Предполагаемое мерянское слово имеет ряд соответствий в финно-угорских языках с явно «восточной» (в прошлом) ориентацией, восходя вместе с ними к финно-угорскому праязыку (возможно, лишь в его восточных говорах, ср. отсутствие соответствий в прибалтийско-финских, пермских и мордовском языках): саам. *N pjal'bme* «рот», мар. *йылме* «язык (анат., лингв.)», мар. *Г йылмы* «то же», хант. (каз.) *нялум* «язык (анат.)», манс. *нѐлм, нѐлум* «то же», венг. *nyelv* «язык (анат., лингв.)» < ф.-уг. *ńǎlmǎ* «язык (анат.)» (очевидно, значение «речь» появилось уже в ходе развития отдельных языков). Общей чертой мерянского и марийского языков (в отличие от других финно-угорских, унаследовавших данное слово из праязыкового периода) является переход, очевидно, в результате сильного развития палатальности, начального *п-*, в палатальное *ј*.

Ёлс «леший, черт» (Яр — Угл; Иван — Кин; Костр — Солигал) (СРНГ VIII 348) распространено на территории, занятой в прошлом мерей. Попытка объяснения слова Д.К.Зелениным как преобразованного в силу его табуизации из *Велес* [35, ч. 2, с. 99], принятая Фасмером [110, т. 2, с. 17], не может быть признана убедительной с формально-семантической и лингвогеографической точек зрения: непонятно, почему именно здесь, на бывшей мерянской территории, сохранилась эта предполагаемая славянская табуизированная форма; если же ее изменение объяснять не славянской табуизацией, а просто фонетическими причинами — влиянием мерянского языка, то произошедшие в таком случае изменения не будут соответствовать тому, что известно о его фонетике.

Более естественно как с лингвистической и семантической, так и с фонетической точки зрения исходить из того, что рус. (диал.) *ёлс* является отражением мерянского слова, возникшего на основе заимствованного в мерянский для передачи этого важного религиозного понятия гр. (ὁ) *διάβολος* «дьявол».

¹⁴ Ввиду отсутствия в фонетической системе мерянского языка звука *ы*, видимо, появление соответствующего знака (буквы) следует понимать как передачу редуцированного заднего ряда *ѐ*.

Другим славянским языкам и говорам русского языка, кроме упомянутых, распространенных на бывшей мерянской языковой территории, слово *ёлс* или его соответствия не известны. Не известны они также ни одному из существующих финно-угорских языков. Правда, в некоторых из них есть понятие «дьявол», передаваемое словами, частично (в своем начале) близкими к мерянскому, однако в связи с разными источниками заимствования и особенностями фонетического развития эти слова не совпадают с предполагаемым мерянским в средней и конечной частях, ср.: рус. (диал., постмер.) *ёлс* «леший, черт» – коми *дьявол* «дьявол», мар. *явил* (jəβēl), хант. *јацѣл*.

При заимствовании гр. *δίαβολος* должно было подвергнуться в мерянском следующим изменениям: 1) в связи с невозможностью сочетания двух и более согласных в начале мерянского слова и отсутствия звука *v*, передаваемого мер. *β*, гр. (визант.) *δίαβολος*, фон. *diávolos*, должно было дать в мерянском *jábolos; 2) нередкое в мерянском языке синкопирование заударных гласных – с предшествующей их редукцией – привело к выпадению первого заударного гласного, что закономерно вызвало (через стадию изменения) замену гласного *-а* предыдущего нового закрытого слога гласным более высокого подъема *-о* (ср. мер. (-)**Vol* < (-)*Valo* «деревня»; **urta* < **ora(β/m)a* «белка», ф. *orava* «то же» и под.).

Возникновение формы *ёлс* произошло уже, видимо, на почве русского языка в результате развития парадигмы с конечным выпадным *-о* при ее аналогичном выравнивании: **эвлос* – *э(в)лса* > *ёлс* – *ёлса* (ср. рус. *заём* – *займа* > (разг.) *займ* – *займа*).

Понятие «дьявол», особенно важное при пропаганде христианства среди язычников, должно было довольно часто употребляться миссионерами при христианизации мери и именно поэтому, возможно, закрепилось в мерянском языке, перейдя из него в диалектный (постмерянский) русский.

Заимствование мерянским слова непосредственно из греческого не противоречит тому, что известно о христианизации мери, которую наиболее успешно осуществляли ростовский епископ Леонтий (XI в.), по происхождению грек, и его предшественники в

Ростове, также греки, епископы Феодор и Илларион [46, с. 86]. Всякие варианты и колебания, возникающие невольно только при устной передаче духовных текстов, были нежелательны при усвоении догматов новой веры, что неизбежно влекло за собой необходимость письменных переводов богослужебных текстов на мерянский язык. Поскольку епископ Леонтий добился значительного успеха в христианизации языческого мерянского населения, видимо, именно благодаря хорошему знанию мерянского языка, что специально упоминается в его житии, где отмечается, что он «руський и мерський язык добръ умѣяше», следует полагать, что им был осуществлен перевод по крайней мере части богослужебной литературы на мерянский язык. В посредстве церковнославянского языка епископ Леонтий как грек не нуждался, поэтому новозаветную литературу, в том числе евангелие, скорее всего переводил непосредственно с греческого оригинала. Предполагаемое и реконструируемое на основании рус. (диал.) *ёлс* «леший, черт», мер. *jəβlos «дьявол» свидетельствует о существовании определенной традиции богослужения на мерянском языке, при котором могли использоваться мерянские богослужебные тексты, переведенные непосредственно с греческого.

При всей узости приведенного аргумента он показателен тем, что свидетельствует не только о возможности существования богослужебных мерянских текстов, но и, видимо, о довольно длительной традиции их использования, поскольку иначе не могло бы так основательно вращаться в языке мери важное слово, связанное с христианской религией. Существование связанных письменных мерянских текстов в прошлом не вызывает сомнений, спорным может быть только вопрос их сохранности.

Кандѣхать (груб.) «работать» (Ярославль) ЯОСК. Очевидно, связано с мерянским глаголом, отраженным в названии р. *Кондоба*, притоке р. Нельша < мер. **konDoβa* (букв.) «несущий(-ая), приносящий(-ая) (воду в другую реку)», ср. ф. *kantava* «несущий(-ая)», и являющимся формой действительного причастия настоящего времени от глагола **konDo-* «нести» (отглагольное существи-

тельное *konDoma «ношение»). Глагол *кандэхать*, очевидно, связан с мер. *kanDo- (*konDo-) «носить; (груб.) таскать» или в славизированной (русифицированной) форме *кандать (*кондять), от которого образован с помощью суффикса -*эх-*, придающего ему оттенок грубости, пренебрежительности (ср. *тэтя* – *тетэха*). Форму *кандэхать* можно рассматривать или как отражение реально существовавшего диалектного мерянского варианта данного глагола *kanDo-, или как результат аканья, в целом нехарактерного для ярославских говоров, но, поскольку речь идет о слове, записанном в Ярославле, куда, как и в другие города окающего Поволжья, аканье проникает, могущего его отражать. Таким образом, есть основание реконструировать для мерянского (восточного) глагол *konDo- «нести» (*konDoma «ношение») и – менее надежно – для мерянского (западного) тот же глагол (с -*а-* в корне) в виде варианта *kanDo- (*kanDama). Этот глагол имеет параллели в других финно-угорских (и уральских) языках и восходит, очевидно, еще к уральскому праязыку, ср.: ф. *kantaa* «нести, носить», эст. *kandma*, лив. *kañdê*, саам. *ŋ guod'det*, морд. *кандомс*, мар. *кондаш*, мар. Г *кánдаш*, хант. (вост.) *qántta* «таскать, переносить груз на плечах», манс. *χunt* «ноша», нен. *ханя́(сь)* «увезти; унести», эн. *kaddabo*, нган. *kuanda'ama*, сельк. *kuendam*, кам. *qunđoqam* «то же» < урал. *kanta- «нести» (SKES I 157-158; Collinder 406).

Н.п. *Ки(бол)* (Ki(bol)) (Вл. губ. – Сузд) Vasmer 417. Очевидно, должно рассматриваться в качестве сложного слова, первый компонент которого *Ки-* имеет значение «камень» (в качестве первого компонента сложений также «каменный (-ая, -ое)», в данном случае – «Каменная (деревня)'). Поскольку топоним отмечается на бывшей территории мери, причем входит в состав слова со вторым компонентом -*бол* (-*бал(о)*), характерного для названий мерянских поселений, первый компонент следует также считать принадлежностью мерянского языка. Компонент *Ки-* является или сокращенным вариантом, характерным для композитов, исходной (полной) формой которого в таком случае была бы *kiβ(i) «камень» (подобно эст. (ves)ki «мельница (букв. – (вода

= водяной) камень») при *kivi* «камень»), или обычной формой слова, свойственной ему в любом положении. В таком случае, однако, слово было бы результатом сокращения предыдущей формы, присущей ему на более раннем этапе развития мерянского языка. Ввиду того, что рус. *Ки-* из-за отсутствия соответствующего звука может отражать и *ki, и *kü (звук *ü*, очевидно, мог существовать в мерянском), есть основания для реконструкции мер. *ki/*kü (? < / *kiβ(i)) «камень» как двух или – менее вероятно – трех возможных вариантов. Мерянское слово находит соответствия в других родственных языках, восходя вместе с ними к финно-угорскому праязыку, ср.: ф., эст. *kivi* «камень», лив. *ki'uv*, *ki'v*, *ki'u*, морд. *кев*, мар. *кү* «то же», удм. *кõ* «жернов», коми (*из/ки*) «жернов» (*из* «камень» – парное слово с двумя синонимами, современным и устаревшим, для обозначения камня»), хант. (каз.) *кев* «камень», манс. *кèβ* «камень; жернов», венг. *кõ*, акк. ед.ч. *követ* < ф.-уг. *kiwe «камень» (ОФУЯ 417; КЭСЯ 109, 123; SKES I 203; MSzFUE II 368-369).

Рус. (арг.) *кирбяс* «топор» (Яр. губ. – Углич) Свеш 89. О возможности употребления слова в мерянском языке свидетельствуют его изолированное положение в русских говорах (отсутствует в «Словаре русских народных говоров»), связь с бывшей мерянской территорией, а также распространение в балтийских и прибалтийско-финских языках, с которыми существовал контакт у мерянского языка и отсутствуют связи у современных русских угличских (постмерянских) говоров. О возможности употребления слова именно в мерянском языке говорит также своеобразие его фонетической формы: наличие в русском (арготическом) слове звука *б* (*b*) вместо *у* в балтийских и прибалтийско-финских языках, что может свидетельствовать о характерном для мерянского звуке *β*; -*я-* вместо -*е-* в финском и -*і-* в литовском, что, по-видимому, говорит об употреблении вместо них звука -*ä-*, известного мерянскому языку. Слово в мерянском можно считать балтизмом (ср. лит. *kirvis* «топор», лтш. *сirvis* «то же»). Ввиду того, что на юго-западе мерянская языковая территория непосредственно соприкасалась в

прошлом с балтийской, оно могло быть прямым заимствованием из балтийских языков, однако, поскольку то же заимствование имеется также в прибалтийско-финских языках (ср. ф. *kirves* «топор», вепс. *kirvez*, *kervez*, вод. *tširvez*, *tšervez*, эст. *kirves*, лив. *kīraz* – SKES I 200), имевших гораздо более интенсивные контакты с балтийскими языками, чем мерянский, есть основания считать, что слово проникло в мерянский через их посредство, в частности через вепсский язык, территориально наиболее близкий к мерянскому из прибалтийско-финских. В пользу этого, как представляется, говорит и форма слова в мерянском, обнаруживающая бóльшую связь с прибалтийско-финскими языками, чем с балтийскими.

Кóка «старшая дочь» (Яр – Давыдк) ЯОСК; «так называют старшую дочь в семье младшие (название старшей сестры)» (Яр – Рост) ЯОСК; «тетя по родству» (Яр – Первом) ЯОСК; «незамужняя пожилая женщина» (Яр – Первом) ЯОСК; «крестная мать» (Яр – Пош, Тут, Рост, Яр, Дан, Угл, Мышк, Первом, Некоуз, Брейт, Пересл, Рыб, Некр) ЯОСК; «крестная мать, крестный отец» (Яр – Пош, Яр, Пересл, Брейт, Рязанц, Большес) ЯОСК; «обращение к крестной матери и отцу» (Костр – Антр) ЯОСК; «крестная мать» (Костр – Костр, Поназ) КОСК; «крестная мать и отец» (Костр – Нерехт) КОСК; «тетя» (Костр – Нерехт) КОСК. В значении «крестная мать, крестный отец» слово, кроме Ярославской и Костромской, согласно «Словарю русских народных говоров», употреблялось в Тверской, Нижегородской, Владимирской, Пермской губ. и области Уральского Казачьего Войска, а также встречается в Горьковской обл. (СРНГ XIV 86), в значении «крестная мать», помимо указанных двух областей, известно в Ивановской и Новосибирской обл. и отмечалось в Новгородской, Вологодской, Архангельской и Забайкальской губ. (там же), а в значении «крестный отец» – также в Бурятской АССР (там же). Интересна стилистическая характеристика слова, даваемая носителями говора, где оно употребляется, по сравнению с его синонимом *крёсна* (= крестная мать): «Кока – это полегше слово, крёсна – грубее» (Свердл – Камышл) СРГСУ II 36. Очевидно, *кока* в значении «крестная мать» стало

употребляться как эфемическая замена, как слово более привычное, свое для той языковой среды, где оно должно было заменять выражение «крестная мать», и этот стилистический оттенок сохранило до сих пор в русских говорах. В пользу (пост)мерянского происхождения слова говорит прежде всего ареал его распространения, особенно если учесть своеобразие его употребления в разных значениях. Самой широкой является зона распространения слова в его явно наиболее позднем значении «крестная мать» или «крестная мать, крестный отец». Она не только охватывает постмерянскую область, но и выходит далеко за ее пределы. Однако и для этого ареала характерно то, что наибольшее распространение он получил в восточном направлении, куда, по видимому, шла главная колонизационная волна переселенцев из Центральной России, в основном совпадавшей с бывшей мерянской территорией, где слово в его новом значении, очевидно, было широко распространено как среди мерянского, так и среди славянского населения (среди последнего, возможно, даже больше, так как оно не было связано ни с одним из славяно-русских терминов родства в отличие от мерянских). В других направлениях к северу и северо-западу от бывшей мерянской языковой территории слово в этом значении распространилось значительно меньше, причем в ареале, который мог непосредственно примыкать к мерянской территории или даже являться ее продолжением. Что касается, очевидно, наиболее древних или связанных с ними значений слова «старшая сестра», «тетя», «пожилая незамужняя женщина», то с этой семантикой оно отмечается только на бывшей мерянской территории (в Ярославской области).

Предположению о мерянском происхождении слова не противоречат и данные родственных финно-угорских языков, где, с одной стороны, обнаруживаются лексемы, этимологически связанные с рус. (диал.) *кока* с постмерянской территории, а с другой – при сравнении с ними проявляется его своеобразие (в частности, в области семантики), свидетельствующее о самостоятельном пути развития, связанном со средой носителей особого финно-угорского

языка, отличавшегося от существующих в настоящее время. Рус. (диал.) *кóка* «старшая сестра; тетя; пожилая незамужняя женщина; крестная мать (видимо, позже также «крестный отец»)» соответствуют мар. *кока́* «тетка, тетя» и, очевидно, также морд. Э *кака* «дитя, дитятко», поскольку морд. (и ф.-уг.) *а* в марийском в ряде случаев соответствует *о*, ср.: мар. *кол* «рыбы» – морд. *кал*, ф. *kala* «то же»; мар. *мокш* «печень» – морд. Э *максо*, ф. *макса* «то же»; мар. *кок* «два» – морд. Э *кавто*, ф. *kaksi* «то же» и под. [25, с. 109]. Ввиду того что в интервокальной позиции глухое ф.-уг. *к* в мордовском и марийском не сохранялось, переходя в звонкие звуки или исчезая (в мордовском *к* > *у* или *ј*, в марийском *к* > *ј* или *∅*) [53, с. 135-137], его наличие в этих языках можно объяснить только тем, что в прафинно-угорский период здесь выступала гемината *-kk-*, во всех финно-угорских языках, кроме прибалтийско-финских и саамского, не сохранившаяся и перешедшая в *-к-* [53, с. 139-140]. В мерянском языке простые глухие взрывные в интервокальном положении также не сохранились, либо озвончаясь, либо переходя в соответствующие фрикативные звуки, поэтому интервокальные *-к-* в предполагаемом постмерянском по происхождению слове можно объяснить только тем, что и оно восходит к прафинно-угорской лексеме, где между гласными должна была выступать гемината *-kk-*. Следовательно, родственные слова марийского, мерянского и мордовского языков, по-видимому, восходят к ф.-уг. **какка* «ребенок-первенец (преимущественно девочка)», откуда дальнейшее развитие в мерянском и марийском «старшая дочь, старшая сестра», затем «тетя», в мордовском-эрзя – «дитя, дитятко» (ласкательное название ребенка вообще). В пользу исконно финно-угорского происхождения слова говорит, в частности, и сохраненное русскими (постмерянскими) говорами значение «старшая сестра». Как известно, в отличие от славян и индоевропейцев в целом, не различавших понятий «старший брат» – «младший брат», «старшая сестра» – «младшая сестра», финно-угорские народы их четко дифференцировали, имея специальные слова для их пе-

редачи. В ряде финно-угорских языков, как правило, тех, которые не подверглись сильному влиянию индоевропейских языков, эти понятия до сих пор передаются с помощью особых слов, ср.: морд. Э *патя* «старшая сестра» – *сазор* «младшая сестра»; морд. М *ака* «старшая сестра» – *сазор* «младшая сестра»; мар. *ака* «старшая сестра» – *шужар* «младшая сестра»; удм. *апа (алай)* «старшая сестра» – *сузэр* «младшая сестра»; хант. (каз.) *ули* «старшая сестра» – *алси* «младшая сестра»; манс. *увси* «старшая сестра» – *эсь* «младшая сестра»; венг. *péne* «старшая сестра» – *húg* «младшая сестра». По-видимому, подобная система обозначения родства восходит еще к уральскому периоду, поскольку встречается и в ненецком языке: *нябако* «старшая сестра» – *не папа (не палако)* «младшая сестра» (*папа (палако)* обозначает и младшего брата, и младшую сестру, поэтому, когда речь идет о младшей сестре, перед ним употребляется слово *не* «женщина»). В некоторых случаях оба понятия в финно-угорских языках передаются словами, которые могут восходить к общему источнику (ср. мокша-мордовский и марийский примеры), остальные слова имеют разное происхождение. Однако общим у них остается факт, что понятия «старшая сестра» и «младшая сестра» не передаются одним и тем же существительным с уточняющим его прилагательным, а имеют для своего выражения специальные лексемы, связанные с разными корнями. Другой особенностью финно-угорских и, видимо, уральских языков в целом является то, что лексема для обозначения понятия «сестра» (старшая или младшая, как правило, по отношению к отцу) может одновременно служить обозначением понятия «тетя», поскольку, по-видимому, тем же словом ее обязаны были называть не только братья, но и их дети, ср.: морд. М *ака* «старшая сестра; тетя» (очевидно, прежде всего «старшая сестра отца», так как понятие «тетя (жена брата матери)» передается словом *щака*); удм. *апа (алай)* «старшая сестра; тетя»; манс. *увси* «старшая сестра; тетя (младшая сестра отца, старше говорящего)»; нен. *нябако* «старшая сестра; тетя (младшая сестра отца)». В некоторых финно-угорских языках эта осо-

бенность передачи понятия «тетя, тетка» словом, обозначающим старшую сестру, сохраняется только пережиточно. Для передачи понятия «тетя» здесь используется слово, обозначающее старшую сестру (иногда производное от него), однако для дифференциации понятий добавляется определение «старая», «большая», ср.: морд. Э *патя* «старшая сестра» – *сыре патя* «тетя (букв. – старая старшая сестра)», хотя в том же значении возможно и просто употребление слова *патя*; венг. *péne* «старшая сестра» – *nagyénéi* (< **nagyéne*) «тетя (букв. – большая старшая сестра)». Очевидно, эта система родственных обозначений, которая может восходить ко временам матриархата, употреблялась и в мерянском языке – слово, обозначающее старшую сестру, могло также иметь значение «тетя», особенно при употреблении детьми брата. Христианская церковь в стремлении приблизить понятие «крестная мать» к традициям мерян, вероятно, использовала эту родственную мерянскую терминологию, как бы наделив крестную мать функцией старшей сестры, игравшей, видимо, важную роль в воспитании младших братьев и сестер. Не исключено, что в первое время после принятия христианства в роли крестных матерей выступали старшие сестры отца. Церковь как бы только освящала эту привычную для мерян функцию, в связи с чем слово *кóка*, имевшее до того значения «старшая сестра» и «тетя», так естественно приобрело новое значение – «крестная мать». Поскольку понятие второй матери, хотя бы и крестной, было для новообращенных в христианство язычников мало понятным и резко расходившимся с их представлениями, а понятие старшей сестры, тети в новой функции более естественным, новое значение более органично срослось с привычным словом терминологии родства *кока*. Словосочетание «крестная мать», если оно и было калькировано средствами мерянско-язычного, осталось сугубо официальным и поэтому резким, грубым, каким до сих пор воспринимается даже в русском языке (по-видимому, не без мерянско-язычного влияния). Следовательно, есть основания считать слово **кока* не только термином родства в мерянском языке, но и одним из

элементов его лексики, связанной с христианизацией мери. Как и мер. **joβlos* «дьявол», реконструируемое на основании рус. (диал.) *ёлс* «леший, черт», оно свидетельствует о проповеди христианства среди мери на мерянском языке и об определенной традиции его применения для передачи понятий христианской (православной) религии.

Очевидно, с мерянскими терминами родства связано и рус. (диал.) *кокой* «дядя (Яр – Первом); крестный отец (Яр – Яр)», возможно, представляющее собой застывшую звательную форму от мер. **коко* «дядя; крестный отец». Однако доказать это сложнее, поскольку оно в отличие от **кока* менее распространено. Аргументом в пользу мерянско-язычного происхождения слова является его распространение в формах *кокой* и *кокай* – по данным «Словаря русских народных говоров» на постмерянской территории (в Костромской, Владимирской и Ивановской (бывш. Костромской губ.) обл. – *кóкай*; в Ярославской области – *кóкой*) и к востоку от нее (в бывш. Нижегородской и Тобольской губ. и Свердловской обл.) (СРНГ XIV 86). Еще более сложным и пока неразрешимым является вопрос о лексическом выражении в мерянском языке понятия «младшая сестра», которое, судя по данным других финно-угорских языков, должно было иметь для своей передачи особое слово.

Кол(юга) – река вблизи Ветлуги (*Koljuга*) (Костр. губ. – Варн) Vasmer 374. Топоним с бывшей мерянско-языковой территории. Название представляет собой сложное слово с общим значением «рыбная река», второй компонент которого отражает один из этапов развития мер. **juk* < **joGə*, ср. ф. *joki*, эст. *jõgi* «река». Что касается первого компонента, то он связан с мер. **kol* «рыба», имеющим соответствия в финно-угорских и самодийских языках и восходящим к уральскому праязыку: ф., эст. *kala* «рыба», саам. *nguolle*, морд. *кал*, мар. *кол*, хант. *хул*, манс. *хул*, венг. *hal*; нен. *халя*, эн. *каде*, *kare*, нган. *kole*, сельк. *қуел*, кам. *кола* < урал. **kala*. По форме мерянское слово наиболее близко к марийскому, однако, учитывая мерянскую закономерность – переход гласных в новых закрытых слогах в гласные более высокого подъема (в том числе *а* > *о*, ср. *-*Vol* «деревня» < *-*Valo* «то же»), не свойствен-

ную марийскому языку, нельзя оба слова рассматривать как идентичные в историческом плане, потому что одинаковый конечный результат в каждом из языков мог быть следствием не характерного для другого языка процесса.

Рус. (арг.) *колбать* «говорить» (Яр. губ. — Углич) Свеш 90. Место фиксации слова, как и его балтийские связи (ср. лит. *kalbà* «язык»), — современные русские говоры постмерянских территорий с балтийскими языками не контактируют — заставляют предположить в нем отражение балтийского заимствования в мерянском языке. В пользу подобного предположения говорит также фонетическая форма слова, отражающая мерянские фонетические особенности. Балт. *kalbà* согласно акцентуационной особенности мерянского языка конечное ударение, допускаемое на основании лит. *kalbà*, перенесло, по-видимому, на начальный слог (дмер. **kálβa*). Кроме того, оно изменило свою форму согласно другой фонетической закономерности, характерной для мерянского языка, — исходное *-a-* начального слога перешло в нем в гласный *-o-*. Следовательно, в основе русского арготического глагола *колбать* «говорить» лежит мерянское заимствование из балт. *kolβē* «речь, язык; разговор». Русский арготизм или образован непосредственно от этого существительного, или в его основе лежит мерянский отыменный глагол **kolβē* — «говорить» (**kolβēša* «говорение»). Поводом для заимствования данного балтизма в мерянский могли быть оживленные в свое время связи мерян с балтийцами, во время которых, очевидно, чаще использовался балтийский язык. Как параллель уместно вспомнить венг. *beszéd* «разговор, беседа», отражающее, видимо, сходную ситуацию: славянское по происхождению *beszéd* отражает факт оживленных связей венгров со славянами, при которых венграми использовался славянский язык. Сохранение слова до времени полного вытеснения мерянского языка и наличие его в постмерянском русском арго свидетельствуют о том, что оно прочно укоренилось в мерянском языке и принадлежало, видимо, к части наиболее употребительной лексики.

Рус. (диал.) *колéма* «болезнь» (Костр — Ветл) СРНГК; *колéмка* «то же» (там же) СРНГК; *колéмать* «болеть, хворать» (*Шаповал колемает* «Валенокат болеет») (там же) СРНГК; *колéмой* (*Колемой шаповал* «Больной валенокат») (там же) СРНГК. Фиксация слова на бывшей мерянской территории, его несомненная этимологическая связь с соответствиями других уральских языков, а также его бесспорная финно-угорская (и уральская) словообразовательная структура (отглагольное существительное с суффиксом *-ша*) дают полное основание предположить в нем субстратное включение из мерянского языка, в основе которого лежит мер. **kólema* «умирание, смерть; тяжелая болезнь». Смещение ударения в русском языке возникло, возможно, под влиянием глагола *колéть* «умирать (о скотине)» КЯОС, в свою очередь, связанного с акцентуацией типа *болéть, умерéть* и т.п. Целый ряд финно-угорских и самодийских слов частично и полностью совпадает с данным словом и по своей структуре, ср.: ф. *kuolema* «смерть», эст. (диал.) *koolma* «умирать», морд. Э *кулома* «смерть», морд. М *кулома*, мар. *колымаш* < **kolēma* + *š* «то же», удм. *кулыны* «умереть, умирать», коми *кулóm* «смерть» (отглагольное существительное от *кувны* «умереть, умирать»), хант. (каз.) *халты* «подохнуть», (ср.-обск.) *хатты*, (вост.) *qälata* «то же», манс. *хóлуңкве* «погибнуть», венг. (meg) *halni* «умереть»; нен. *хась*, эн. *kādo, kāro'*, нган. *kū'am*, сельк. *kuwang*, кам. *kūsh'em* «то же» < урал. **kolē-* «умирать, умереть».

Существование рассмотренного мерянского слова не оставляет сомнений также в мерянском происхождении более славизированного (со стороны формы) глагола *колеть* «умирать (о скотине)» (Яр — Рыб), в форме *о-колéть* вошедшего и в русский литературный язык. Об этом говорят как форма корня и семантика глагола, так и ареал его распространения, совпадающий с постмерянской территорией и местами, расположенными к востоку от нее [99]. Очевидно, никакого отношения к данному глаголу не имеет рус. (диал.) *колеть* «цепенеть, коченеть (от холода)», формально совпадающее с ним. Против их связи свидетельствует прежде всего ареал данного

глагола, тяготеющего явно к западу и в связи с этим имеющего соответствия в украинском и белорусском языках (ср. укр. *колїти* «коченеть», бел. *калёць* «мерзнуть, зябнуть») при отсутствии в них соответствий рус. *о-колётъ* «сдохнуть». На современном деривативном уровне (возможно, как результат предшествующей дестимологизации) глагол *колеть* «цепенеть» воспринимается как производный от *кол* (становиться негнушимся, твердым и прямым, как кол), чего нельзя сказать о глаголе *колётъ* «умирать», развившем в ряде говоров, расположенных к востоку от постмерянской территории, семантику, совершенно не связывающуюся со значением «коченеть, мерзнуть, цепенеть», но вполне естественную для развития значения «умирать (гибнуть, пропадать)», ср.: *колеть* «пропадать где-либо»: *колей – пропадай*. – Вят., Зеленин, 1915; «находиться где-либо длительное время»: *Колел бы дома*. – Вост. Мар. АССР, 1952; (о домашней птице) «целые дни находиться, пропадать на улице»: *Держат там гусей, уток; холоду нет, и колеют все время на улице*. – Вожгал, Киров., 1950 (СРНГ XIV 132).

Коронить (перен.): 1) «прятать» (Яр, Костр, Моск. Влад); 2) «погребать, хоронить» (Яросл) (СРНГ XIV 364–365); *корониться* несов. «прятаться» (Влад, Яр, Костр, Нижегород) (СРНГ XIV 365). «Словарь русских народных говоров» отмечает эти слова не только на постмерянской территории и в местностях, смежных или расположенных к востоку от нее, что может быть связано с переселением оттуда или контактами с носителями русских (постмерянских) говоров (в бывш. Нижегородской, Вятской и Тверской губ., Горьковской, Пермской и Свердловской обл.), но и в местностях, не имеющих связи с мерей (в Новгородской, Тамбовской, Рязанской, Пензенской и Ульяновской обл.). Общим для этих территорий является наличие в настоящем или прошлом финно-угорского населения (носителей прибалтийско-финских или мордовских языков). Поскольку всем этим языкам чужд русский (славянский) звук *х*, их носители или русифицировавшееся финно-угорское население, усваивавшие русский язык, произносили вместо него согласный *к*. Поэто-

му есть основания рассматривать данные глаголы на постмерянской территории и как усвоенные еще мерянским языком и включенные в русский язык (в славизированной грамматической форме) из мерянского при окончательной его утрате, и просто как русские слова, испытавшие воздействие (пост)мерянского акцента (уже после окончательного исчезновения мерянского языка). Более вероятным кажется первое предположение, так как, когда население бывших мерянских территорий перешло на русский язык, звук *х* был полностью освоен и включен в фонетическую систему местных говоров. Замена *х* звуком *к* имеет здесь характер в значительной степени лексикализованный (не регулярно-фонетический), встречается только в некоторых словах, очевидно, издавна вошедших в мерянский язык и уже из него в «мерянизированном» виде включенных в местный русский. Следовательно, есть основания предположить существование в мерянском языке глагола **koroni*-(ms) «прятать; хоронить, погребать», принятию которого отчасти способствовало и то, что он был связан с новым христианским обрядом похорон, пришедшим с религией восточных славян.

Коуэ «сарай для хозяйственных нужд, санник, каретник, обычно пристраиваемый к дому» (Костр – Мант) Востр I 28; *коуз* «навес из соломы на столбах около строения; пристройка из жердей позади дома или двора для хозяйственного инвентаря; закутка, сторожка у ворот околицы» (Яр. губ. – Рост) КЯОС 95. Связь слова с бывшей мерянской территорией позволяет принять предположение О.В.Вострикова [16, с. 28–29] о его мерянском происхождении в русских говорах. В мерянском языке слово представляет собой заимствование из германских языков, пришедшее в него непосредственно, очевидно, из прибалтийско-финских: ф. *koju* (*koiju*) «шалаш, хижина (в частности, из хвои)», кар. *koju* «сторожка, будка», а также ф. *koija*, *kolju*, *koju* «спальное место», швед. *koja* «избушка, хижина, шалаш» < снн. *kõje* «стойло, каморка». Не совсем ясно в русском диалектном слове конечное *-э*. О.В.Востриков объясняет его влиянием со стороны финно-угорских заимствований на *-с* в русских говорах се-

вера европейской части СССР (типа *карас*, *рупас*, *пендас* и под.) или считает, что оно может восходить к конечному *-s в языке-субстрате, то есть мерянском. Представляется возможным и третье его объяснение – видеть в конечном -з отражение конечного -s в мерянском иллативе единственного числа (ср. рус. (арг.) *дульяс*). В таком случае в качестве исходной формы (номинатива единственного числа) для мерянского, как и для финского, языка следует принять *koju. Конечное -з вместо -с в русском диалектном слове следует объяснять колебанием с^оз в конце слова, так как в этой позиции в русском языке глухие и звонкие звуки не различаются (ср. название р. Юг < мер. *juk < *joGə).

Рус. (диал., арг.) *кúба* «женщина» (Влад. губ. – Вязь) СРНГК; «баба» (Яр – Рыб) СНГК. Слово с несколько размытым ареалом, что, видимо, было вызвано его вхождением в арго офень, распространивших слово за пределами мерянской территории. Популярности лексемы в качестве арготизма содействовала ее экспрессивность как синонима нейтральных «женщина», «баба» в сочетании с явно вторичным ее сближением (на основе внешнего сходства) с рус. (диал.) *куба* «кубышка, кадочка, бочонок для сбивания масла», откуда новое значение – «толстая женщина или девочка; толстуха», особенно характерное для производных (вне постмерянской территории), ср.: *кубэка* «толстая женщина, девочка» (Тамб.) СРНГ XV 380; *кубэнка* «то же» (там же, 381); *кубэнь* (там же). Ударение слова, как показывают данные с постмерянской территории, в соответствии с особенностями мерянской акцентуации, что также является одним из аргументов в пользу его местного субстратного происхождения, – инициальное, ср. *кúба* «толстая женщина или девочка» (Костр. губ. – Нерехт) СРНГ XV 375. С рус. (диал., арг.) *кúба* «женщина; баба», отражающим мер. *kuβa «женщина», не следует смешивать рус. (диал.) *кубá* «черемиска или русская, имеющая сходство с черемиской» (Казан. губ. – Ядрин, Козьмодем), место фиксации, семантика и форма (ударение) которого указывают на то, что оно заимствовано из марийского языка (ср. мар. *кувá*, фон. *куβá* «старуха»). Отдаленность районов бывшей мерянской терри-

тории, в которых записано рус. (диал., арг.) *кúба* в его, судя по всему, исходном значении (Ярославская, Владимирская губ.), от области распространения марийского языка делает маловероятным предположение о возможности его заимствования из марийского, тем более, что этому противоречит происхождение в их форме (разные ударения) и семантике. Скорее всего, речь идет о субстратном реликтном слове мерянского происхождения, вошедшем в местные арго и тем самым получившем распространение вне исходного ареала.

Рус. (диал.) *лиlí* (мн.ч.) «женские груди» (так называют их, подражая говору грудных детей – сосущих груди – Смирнов 86) (Твер. губ. – Каш) СРНГ XVII 47. Объяснение слова, данное И.Т.Смирновым в «Кашинском словаре», представляет собой не более, чем его народную этимологию. Исходя из того, что именно в Кашинском уезде находился один из мер(ь)ских станов, то есть одно из мест на мерянской территории, где дольше всего сохранялись мерянский этнос и мерянский язык [108, с. 136], и что слово *лили* «женские груди» является узко-локальным диалектизмом, не встречающимся нигде вне бывшей мерянской территории, есть предпосылки для поисков его возможной связи с финно-угорской, а следовательно, и мерянской лексикой. Не лишено интереса и то обстоятельство, что на территории бывшей Тверской губ., согласно данным, опубликованным в 1820 г. в «Трудах общества любителей российской словесности» (СРНГ XVII 47), употреблялось слово *лиль*, связанное с рассматриваемым и являющееся его формой единственного числа, но, к сожалению, определено этого сказать нельзя из-за отсутствия сведений о его значении. Формально-семантический анализ слова в сравнении с фактами финно-угорских языков и при учете особенностей мерянской фонетики позволяет видеть в нем субстратное включение из мерянского языка. Для (пост)мерянского этапа его развития, очевидно, непосредственно связанного с собственно позднемерянским, вполне допустимо предположить существование формы единственного числа **лиль* со значением «грудь». В русских народных говорах зна-

чение «грудь, грудная полость» имеет слово *душа*, поскольку с грудью связано непосредственно *дыхание (дух)* (СРНГ VIII 280), откуда и рус. (диал.) *душегрейка* «женская шубка, тулупчик» (Яр, Волог. губ.) (там же 282), то есть «одежда, предназначенная для согревания груди (души)». Можно допустить, что первоначальным значением предполагаемого постмерянского слова **лилль* < мер. **lil'* было не «грудь», а «душа, дух; дыхание», откуда позднее развился новый семантический оттенок слова «грудь» (как вместилище души). Этому предположению не противоречат факты финно-угорских языков, где находим ряд формально и семантически близких соответствий предполагаемой мерянской лексемы: ф., кар. *löyly* «пар (в бане)», иж. *löülü*, вепс. *l'öl'* «пар, жар (в бане)», вод. *leülü* «пар (в бане)», эст. *leil*, ген. -*li* «то же; дыхание, жизнь», лив. *läül* «пар; дух; дыхание», саам. Н *liew'lâ* «пар (водяной, не морозный)», удм. *лул* «дыхание; душа; жизнь; существо», коми *лов* < *лол-* «душа; душа, дух, жизнь; душа, существо; голова (единица счета)», хант. (вост.) *lil* «жизнь; дыхание; дух; душа», манс. *lili* «дыхание; душа», венг. *lélek* «душа, дух; дух, настроение, сердце; совесть; лицо (личность); дыхание; жизнь, самосознание», ст. (X в.) *Lele* (имя одного из венгерских королей) < ф.-уг. **lewle* «дыхание, дух, душа».

Реконструируемое мер. *lil'* «душа; (перен.) грудь» в качестве предшествующей формы предполагает исходное дмер. **lele* < **lele* «душа, дух; дыхание», которое в результате падения (через стадию редукции) конечного гласного и вызванного этим удлинения и сужения звука *e* в новом закрытом слоге с переходом его в *i* дало засвидетельствованный вариант. Закономерность данного перехода для мерянского языка подтверждает, в частности, (пост)мер. **il'Doma* «безжизненный» < **eləDoma* при *elä* «живой», засвидетельствованное в названии р. *Ильдомка* (Костр. губ.). Обращает на себя внимание как формальная, так и семантическая близость в развитии мерянского слова с его соответствиями в венгерском и угорских языках вообще (а также в пермских) в отличие от прибалтийско-финских (и марийского с мордовскими). В то время как волжско-финские языки не со-

хранили это, видимо, в прошлом характерное для всех родственных языков слово, а в прибалтийско-финских оно очень сузило свое значение, в угорских и пермских языках, как, очевидно, и в мерянском, слово приобрело переносное значение, свойственное религиозным представлениям. Соответствующие слова, восходящие к ф.-уг. **lewle*, по-видимому, с первоначальным значением «дыхание (дух)», развили здесь значение «душа», передаваемое в остальных финно-угорских языках другими словами: ф. *sielu* (из германских языков, ср. днв. *se(u)la*, дангл. *sawol*, гот. *saiwala* < пгерм. *saiwalo*), эст. *hing*, морд. Э *ойме*, морд. М *вайме*, мар. *чон*. Отсюда можно сделать вывод, что в истории (прото)мерянского языка был период, когда его носители, связанные в основном своим происхождением с финнами в широком понимании слова, имели также длительные и тесные контакты с уграми, в том числе прото-венграми. Поскольку в исторический период подобные связи не прослеживаются, их следует отнести к праязыковому периоду, когда предки мери и угров (включая венгров) еще не расселились со своей финно-угорской прародины. Здесь (прото)меряне, входя в племенную группировку прафинских племен, занимали, очевидно, наиболее восточную часть их территории, граничащую с территорией, занятой прауграми (в том числе протовенграми), что способствовало их регулярным и близким связям, отразившимся и в языке.

Мерéкать «говорить» (Костр – Чухл) ЯОСК. В подобном значении слово засвидетельствовано только как узколокальное, причем на бывшей мерянской территории, в связи с чем его, очевидно, следует отличать от русского диалектного глагола *мерекать* со значениями: 1) «долго, медленно думать над чем-либо» (Влад. губ. – Судог); «прикидывать, примеривать в уме» (Влад. губ. – Пересл; Тобол. губ.); 2) «мечтать, задумываться о чем-либо» (Тамб. губ.); 3) «знать немного, кое-что» (Влад. губ.; Том. губ.); 4) «стремиться показать себя умным; умничать» (Влад. губ.); 5) «плохо разбирать напечатанное или написанное» (Нижегор. губ.); 6) «казаться, представляться в воображении, мерещиться» (Псков. губ.; Твер. губ.); 7) «бредить» (Твер. губ.) (СРНГ XVIII 115). Возможно, с рассматриваемым

диалектным глаголом связан записанный только в Сибири глагол *мерекать* со значением «бестолково объяснять»? < «говорить на непонятном языке, с большим количеством непонятных слов» (Том. губ.) (СРНГ XVIII 115). Подобная связь не исключена и потому, что переселение из Центральной России, в том числе носителей постмерянских русских говоров, шло в значительной части в восточном направлении.

Глагол *мерекать*, стоящий совершенно изолированно среди русской диалектной лексики, находит наиболее близкое соответствие в эрзя-мордовском глаголе *меремс* «сказать; приказать» и мокша-мордовском *мярьгомс* «сказать, велеть, приказать, распорядиться», в форме 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч. и 3-го л. ед.ч. безобъектного спряжения, употребляющегося так же, как вводные слова *мярьган* «говорю», *мярьгат* «говоришь» и т.д. Исходя из этого, глагол *мерекать* можно рассматривать в качестве возникшего на основе близкого по форме и семантике глагольного образования мерянского языка. Учитывая разные формы соответствующего глагола в мордовских языках, реконструируемое меряньское слово можно восстанавливать в одном из двух аналогичных им вариантов: *merə(-ms) || *mäřəGo(-ms) «сказать, говорить». В диалектном (постмерянском) слове -к- может быть отражением конечного -к меряньского глагола в форме 2-го л. ед.ч. повел. накл., то есть merək «скажи; говори» (подобное окончание в этой форме сохраняется, в частности, мордовскими и диалектно финским и эстонским языками) [85, с. 142]. Наиболее обоснованно считать русский диалектный глагол образованным от меряньского, ср. рус. (диал.) *Ну мерек* «неужели» (Вят. губ. — Слобод, 1881 г.) (СРНГ XVIII 115), которое допустимо было бы истолковывать как возникшее из фрагмента первоначального восклицательного предложения (с оттенком удивления): Ну, мерек! (букв.) «Ну, (ты) скажи!» В связи с тем, что глагол *мерекать* засвидетельствован в соседней Костромской губернии, откуда на вятские земли издавна шло переселение как русских, так, очевидно, и мери, возможность сохранения здешними русскими говорами отдельных реликтов ме-

рянского языка не представляется слишком невероятной. Конечно, предположение о соответствующей форме повелительного наклонения, как и ряд других меряньских грамматических реконструкций, для окончательного доказательства нуждается в дополнительных аналогичных примерах. Приведенные факты не дают возможности истолковывать себя как отражение мордовского влияния, так как ареал их фиксации слишком отдален от мордовской языковой территории. Следовательно, речь идет о меряньских явлениях, близких к аналогичным фактам мордовских языков.

Мякша «гнилая сердцевина дерева» (Костр — Мант) Востр II 31. Полная, по видимому, изолированность в русском диалектном языке (отсутствует в «Словаре русских народных говоров») слова, зафиксированного на бывшей меряньской языковой территории и имеющего убедительные соответствия в смежных волжско-финских языках (ср. мар. *мекш* «гнилушка», мар. Г *мăкш*, морд. М *мăкша*, морд. Э *макшо* «то же»), составляет вместе с О.В.Востриковым (там же) принять его субстратное финно-угорское происхождение. Однако ввиду того, что в прошлом в данном районе никакие финно-угорские языки, кроме меряньского, не отмечаются, а в настоящее время он является чисто русским и не подвержен влиянию какого-либо финно-угорского языка, единственно возможным может быть предположение о меряньском происхождении русского диалектизма, отражающего скорее всего реконструируемое мер. *mäkšĕ «гнилушка».

Палья «тесло, инструмент для выдалбливания лодок, корыт и т.д.» (Костр — Мант, Ней, Парф.) Востр II 32; *палейка* «то же» (Костр — Антр) Востр II 32. Узколокальный характер слова (отсутствует у Даля), распространенного на бывшей меряньской территории, позволяет предположить его вхождение в местные русские говоры непосредственно из меряньского, тем более, что оно имеет соответствия в прибалтийско-финских языках (ср. ф. *palja* «молот, кувалда, кузнечный молот», кар. *pal'l'a* «то же», (ливв.) *pal'l'u* «молот», *pal'iu* «(деревянная) дубина, палица», (люд.) *pal'*, *pal'l'e*, *pal'l'u* «молот, кузнечный молот», вепс. *pal'* «молот, дубина») (SKES

II 473), формальная и семантическая связь которых с предполагаемым мер. *rál'ja (в русском – сдвиг ударения) представляется возможной. Сложнее вопрос о происхождении слова в мерянском – его собственно мерянском, общем с прибалтийско-финским, или заимствованном характере. Ввиду ограниченного распространения слова в прибалтийско-финских языках (отсутствует в ижорском, водском, эстонском, ливском) и, возможно, мерянском (отмечается только на северо-востоке бывшей мерянской территории) не исключен и третий вариант: как в прибалтийско-финском, так в диалектном мерянском языке слово является заимствованием из какого-то общего, пока не установленного источника. Следовательно, в настоящее время можно говорить лишь о свойственности лексемы мерянскому (возможно, только в части говоров). Вопрос о ее происхождении остается пока открытым.

Пáхча «различные овощи (свекла, брюква, огурцы)» (Яр – Рыб) ЯОСК. Слово может быть объяснено как возникшее на основе рус. (лит.) *бахча* «участок, засеянный арбузами, дынями». Однако подобное объяснение не дает возможности истолковать с достаточной убедительностью причины смещения ударения и семантики слова. Более правдоподобно, очевидно, исходить из того, что оно является заимствованием из булг. *рахѣа, восстанавливаемого на основе чув. *лахча* «огород; сад» (ЧувРС 258) (очевидно, в болгарском также «овощи (огородные культуры)»). Поскольку к периоду славизации мерянского населения связи с булгарами, перешедшими на татарский язык, прекратились, чувашский же язык с русскими говорами Ярославской губ. (обл.) не контактировал, слово следует рассматривать как непосредственное субстратное включение из мерянского языка, где оно являлось заимствованием из болгарского, оказывавшего заметное влияние на все языки Поволжья, в том числе мерянский. О мерянском происхождении слова в русском свидетельствует смещение конечного ударения предполагаемого болгарского слова на первый слог, как того требовала акцентуация мерянского языка (в отличие от русского с его разноместным ударением).

В болгарском языке слово представляло собой заимствование из персидского (ср. перс. баҗә) (Фасмер I, с. 111), измененное фонетически, поскольку в болгарском, как и в чувашском, звонкие фонемы отсутствуют (ЧувРС 603). Следовательно, в рус. (диал.) *лáхча* с наибольшим основанием можно видеть отражение мер. *ráhѣа «овощи (свекла, брюква, огурцы)», являющегося заимствованием из болгарского. В мерянский язык слово, очевидно, проникло вместе с соответствующими огородными культурами как их собирательное обозначение в связи с тем, что мерянское население могло впервые познакомиться с ними и научиться их возделыванию с помощью болгар.

Пуега «снежная с ветром погода (синонимы: вьюга, непогодь)» (Твер. губ. – Каш) ТОЛРС ХХ 165. Слово у В.И.Даля (Даль III 536) характеризуется ошибочно как тверское и карельское, то есть являющееся заимствованием из карельского языка. Поскольку в Кашином уезде быв. Тверской губ. карелы не проживали [56, с.3] и в то же время здесь был расположен один из мер(ь)ских станов, больше оснований видеть в нем не заимствование из карельского, а субстратное включение из когда-то распространенного здесь мерянского языка. Против возможности заимствования из карельского говорит также отсутствие слова в работе Я.Калима, посвященной прибалтийско-финским заимствованиям в русском [138, с. 188, 189, 258], где самым тщательным образом использованы все имевшиеся до 1919 г. источники, в том числе наиболее полное издание «Толкового словаря живого великорусского языка» Даля, подготовленное И.А.Бодуэном де Куртенэ [138, с. X]. Между тем в русском диалектном языке есть все основания отнести его к финно-угорским элементам. Единственно возможным в данном случае может быть включение из мерянского языка, так как из финно-угорских языков именно он был распространен на территории уезда, где слово записано; поэтому в рассматриваемом слове следует видеть отражение соответствующей мерянской лексемы, реконструируемой, по-видимому, как *ријеGa(-ѣ) «вьюга», производное от глагольного корня ри(j) – «дуть». Слово, особенно в кор-

невой части, имеет параллели в других финно-угорских и самодийских языках, ср.: морд. Э *лувамс* «дуть», мар. *лу́ш* «дуть, веять (о ветре); дуть (ртом)», хант. (вост.) (вах., вас.) *рõүта* «дуть», (сал.) *рõүта* «то же», манс. *лувлункве* «дуть, раздувать», венг. *fújni* «дуть; трубить»; нен. *лү́та(сь)* «дуть (о ветре); трубить (о человеке)», эн. *fueṅabo* «трубить», нган. *fual'i'éma, fuarúma*. сельк. *рӯаВʳ* «то же», кам. *р'ш'лém* «трубить; (сильно) дуть» < урал. **рушз-/*рушз-* «дуть». Несмотря на явно звукоподражательный характер, среди уральских языков оно, как показывают примеры, не получило всеобщего распространения (или сохранено далеко не всеми языками). Мерянский в данном случае явно тяготеет к уральским языкам «восточной» ориентации: угорским, самодийским и волжско-финским, отличаясь от прибалтийско-финских. Особенно близок с формальной точки зрения мерянский к венгерскому, так как они оба развили в корне слова *-j-* (очевидно, вместо выпавшего **-w-/*-y-*), что оказалось чуждым всем остальным языкам, не исключая наиболее близких к венгерскому обско-угорских.

Тохториться «стараться, добиваться, хотеть, пробовать» (Яр – Ермак); «стараться, добиваться, хотеть, требовать» (Яр – Дан) ЯОСК. Слово узкого распространения, связанное с бывшей мерянской территорией и имеющее параллели в прибалтийско-финских и, возможно, саамском языках, ср.: ф. *tahtoа* «хотеть, желать», *tahto* «воля; желание», эст. *tahtma (tahta)* «хотеть, желать», тае, ген. ед.ч. *tahte* «воля, желание», лив. *tõ'dē* «хотеть; быть нужным», возможно, также саам. Н *duos'tot* «принимать, идти навстречу» (SKES IV 1195-1196). О местном мерянском происхождении слова, а не заимствованном и связанном с этими языками, кроме ареала распространения, может говорить его вокализм. Очевидно, русский диалектный глагол представляет собой образование, возникшее на основе мерянского существительного **tohtē* «воля, желание», где *-o-* вместе с *-a-* прибалтийско-финских языков может объясняться тенденцией перехода *a > o*, наблюдаемой в части мерянских слов (ср.: **konDēβa* «несущий» – р. *Кондоба* при ф. *kantava*; **роṅGa* «гриб» – р. *Лонга* при морд. Э *ланго* и т.п.). В данном

случае переходу *a > o* могла способствовать закономерность подобного перехода в новых закрытых слогах, в частности при падении конечных гласных (ср. (-)**Valo > (-)*Vol* «деревня»). Менее ясна суффиксальная часть глагола *-or-* (в *тохториться*), возможно, отражающая какой-то мерянский флективный формант или послелог, выступавший в той же форме слова, на основе которой непосредственно был образован рассматриваемый диалектный глагол.

Халеть (диал.) «умирать» (Костр. губ. – Нерехт) МКНО, *ухалить* (арг.) «умереть» (Костр. губ. – Гал) Вин 51. Слово, не обнаруживающееся нигде, кроме небольшой части постмерянской территории, и не имеющее связи ни с каким из славяно-русских слов, что вынуждает считать его в местных русских диалектах одним из заимствований или субстратных включений. Явно натянутой, хоть и под вопросом, кажется попытка объяснения его у Даля как славянского (ср. *халѣть (хилѣть?)*, Костр – Нерехт *умирать* – Даль IV 541). Этимологический анализ позволяет отнести слово к финно-угорским элементам, однако не исключено мерянского, а заимствованного, по видимому угорского, происхождения. Об этом недвусмысленно свидетельствует форма корня: принадлежа к общим финно-угорским (и – шире – уральским) словам, обозначающим понятие «умирать (умереть)» с помощью корневого слова **kolē-*, данная лексема выступает не в варианте с начальным **ko-*, свойственном финским языкам, в том числе мерянскому, ср. мер. **kolēma* «смерть; (тяжелая) болезнь», а в форме с начальным **hā-* < **χa-*, развившейся в угорских языках, ср.: ф. *kuolla* «умирать», эст. (диал.) *koolla*, морд. *куломс*, мар. *колáш*, удм. *кулыны*, коми *кувны* «то же», хант. (каз.) *хал'ты* «подохнуть», манс. *хõлуṅкве* «погибнуть», венг. *halni* «умирать (умереть)»; нен. *хась* «умереть, погибнуть, пропасть; пасть, подохнуть (о животных)», эн. *kādo'* «умирать (умереть)», нган. *kū'am* «(я) умер», сельк. *қуак*, кам. *кш'л'em* «то же», койб. *кулягандамъ* «умираю», матор. – *гулямъ* (в 1-м л. ед.ч. наст.вр. *кимынджигулямъ*), тайг. *kcháima* «мертвый» < урал. **kolē-* «умирать, умереть» (КЭСЯ 143; ОФУЯ 407; SKES II 239; MSzFUE II 250-251; Collinder 407; Janhunen 56-57). Оче-

видно, данное слово проникло в мерянский из угорских языков. Причину заимствования наиболее вероятно видеть в стремлении заменить слово, обозначающее понятие, самой своей природой тяготеющее к эвфемизации, каким-то другим, которое его как бы смягчало, давая в несколько завуалированном виде. Тяготение к подобной замене синонимами слов, обозначающих понятие «умереть», наблюдается во многих, — если не во всех, — языках мира, в том числе финно-угорских, причем нередко первоначально употреблявшийся в данном значении глагол начинает использоваться с огрубленным значением или оттенком внезапной («плохой») смерти: «сдыхать; гибнуть» и под., ср. хант. *хал'ты*, «подохнуть», манс. *хӧлуӈкве* «погибнуть» при новых глаголах (глагольных словосочетаниях), обозначающих понятие «умереть», хант. *сормайты*, манс. *сорумн патуӈкве*. К тому же ряду явлений относится вытеснение исконного глагола *koolma* со значением «умереть» глаголом *surema* с тем же значением в эстонском литературном языке. Эта тенденция обнаружила себя и в мерянском языке, где глагол **koli(ms)* со значением «умереть» заменялся образованным на основе собственных элементов глаголом **ul'ši(-ms)* «стать бывшим» (ср. рус. (диал.) *побывшиться* как его кальку) и, очевидно, заимствованным из угорских языков (возможно, даже из протовенгерского) глаголом со значением «умереть». Заимствованный глагол был, по-видимому, мерянизирован, то есть приобрел словообразовательную структуру и флективные формы своего предшественника, мерянского глагола **koli(-ms)* «умереть» (**kolema* «умиране; (позже) (тяжелая) болезнь»). В связи с этим взятый из родственного языка новый глагол, отличаясь от собственного только в корневой части, мог производить впечатление тех же мерянских слов, только несколько видоизмененных формально, их своеобразных вариантов, так как реконструкция предполагаемых мерянских слов дает формы **hali(-ms)* (ср. рус. (арг.) *у-хали-ть*) «умереть (умирать)» и **halema* «смерть (умиране)». Ввиду того что угорские заимствования стали выполнять роль исконно мерянских слов, эти последние

приобрели новое значение: **koli(ms)* «сдыхать (= умирать — о животных)», **kolema* «(тяжелая) болезнь; (позже) болезнь вообще». Рассмотренное дает основания думать, что рус. (диал.) *колеть* «подыхать», (лит.) *околеть* «сдохнуть» не получили сниженного оттенка при их включении как неславянские субстратные лексические элементы, — он был свойствен уже соответствующей лексеме мерянского языка, на основе которой (путем замены грамматико-словообразовательных формантов славяно-русскими) были образованы указанные русские глаголы. Вошло в русскую грамматическую систему и стало элементом русской диалектной и арготической лексики также рассматриваемое (прошедшее через мерянскую среду) угорское слово, отраженное в рус. (диал.) *халеть* и (арг.) *ухалить*. Частичное соприкосновение данных слов с арго может наводить на мысль о возможности их непосредственного заимствования из венгерского языка в русский, которое произошло уже после исчезновения мерянского языка. Однако в данном случае подобная возможность представляется маловероятной: если бы речь шла о позднем арготическом заимствовании, то оно не могло бы ограничиться лишь постмерянской территорией, причем только в определенной ее части. Более естественно видеть в них (и в связи с существованием явно (пост)мерянского глагола *колеть*) заимствование мерянского, воспринятое затем из него частью русских говоров на бывшей мерянской территории.

Цол(о) — «здоровый; здоровье» (в выражении «Цолонда — в доме: здравствуй, хозяин (?)» (Яр. губ. — Пош) с. Давшино, 1849 г.) КЯОС 212. Абсолютная изолированность выражения, зафиксированного только на бывшей мерянской территории, дает основания предположить его субстратное мерянское происхождение. Малоубедительна попытка В.И.Далы увидеть в нем искаженное славяно-русское «челом-да» (= бью челом, здравствуй!) (Даль IV 575) уже в связи с тем, что цоканье не характерно для (пост)мерянских земель, поэтому славяно-русское «челом-да», предполагаемое в основе выражения, должно было бы отразиться со своим *ч*. Кроме того, поскольку выражение «бить

челом» (или «дать челом», ср. укр. *чолом давати* «приветствовать особым образом (особенно о детях)» Гринченко IV 468) было в Киевской Руси и Московской Руси, ее наследнице, во всеобщем употреблении, трудно представить себе настолько значительную его деформацию (в том числе с переходом *м* > *н*, не характерным ни для славяно-русского, ни для мерянского языка), какую следует допустить в этом случае. Более обоснованно видеть в выражении *цолонда* синкопированную и сокращенную фразу-пожелание с общим значением «Здоровье пусть (тебе) даст (бог) / дай (ему) (боже)» или, что более вероятно, поскольку речь идет о приветствии в доме хозяина-кормильца (со стороны гостя), — с семантикой «Здоров (будь), кормилец (букв. — кормящий < дающий!)»¹⁵ В последнем случае исходное меряское выражение следовало бы реконструировать в следующем виде: **Cölä-nDê!* < **Cölä*, *anDê(βa)!* (букв.) «Здоров(ый) (будь), кормящий < дающий!». Если второй из предполагаемых компонентов — **anDê(βa)*, исключая его синкопированную форму, естественную для часто употребляемых приветственных оборотов, уже рассматривался и легко объясним в его финно-угорских связях и структуре, то намного сложнее истолкование первого компонента — *цол(-о-)* «здоровый», предположительно также восходящего к мерянскому языку. В мерянском его нельзя объяснить иначе, чем заимствованием или включением из какого-то индоевропейского языка, по особенностям исторического развития стоящего очень близко к славянским. В настоящее время трудно с определенностью сказать, у какой группы индоевропейцев было заимствовано рассматриваемое слово, к тому же в приветственной формуле, — у фатьяновцев, язык которых развивался во многом по пути праславянского, представляя собой его протославянскую стадию, или у части праславянского населения, находив-

¹⁵ Подобная интерпретация более вероятна в связи с тем, что в мерянском языке, как и в мордовских, глагол **anDo-(ms)* развил из первоначального значения «давать» новую семантику — «кормить», поэтому сохранение прежнего значения в рассматриваемом обороте можно было бы объяснить только как традиционное, что требовало бы нового гипотетического допущения.

шейся в тесных контактах с мерянским. Поскольку речь шла о заимствовании слова, являющегося сокращенным фразеологизмом, оно не могло быть результатом отдаленных и эпизодических контактов, скорее всего было следствием длительных контактов мери с этносом — носителем языка, по-видимому, ассимилированного в той его части, которая находилась на мерянской территории, финно-угорским мерянским населением, так как при исторически засвидетельствованном появлении там славян никакого славянского или индоевропейского населения среди мери не существовало. На субстратный характер оборота может указывать и его смешанный индоевропейско(?) > протославянско)-мерянский характер — как результат постепенного слияния и смешения двух этносов с перевесом на финно-угорской стороне. С этимологической точки зрения предполагаемое мер. **cölä*, «здоровый; здоровье» связано с псл. **сѣль* «целый, здоровый», прус. (балт.) *kails* «здоровый», гот. (герм.) *hails* «то же», восходящими к и-е. **kailo-/-lu* — «здоровый, целый, невредимый». В субстратном индоевропейском (фатьяновском, протославянском) языке, передававшем данное слово мерянскому, оно к моменту вхождения в мерянский язык, очевидно, могло иметь форму **c'ölä*/*-ъ*¹⁶, что в мерянском, не имевшем палатализованного *c'* и включавшем в свою фонетическую систему редуцированные, в том числе близкое к данному фатьян. (протосл.) *ŷ/ъ* заднерядное *ê*, должно было отразиться как **cölä*. Впоследствии при сближении мерянской фонетики со славяно-русской мер. **cölä* — могло передаваться с помощью тогда еще мягкого (в древнерусском) *ц* как *цѣл-*, что в дальнейшем дало исторически засвидетельствованное *цол-*. Важно отметить, что и гер. (гот.) *hails*, и соответствующее ему

¹⁶ Данная форма частично не совпадает с ходом фонетических преобразований, намечаемых для развития псл. **сѣль*, в кн. «Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов»: **kailъ* → **k'ölä* → *k'ělъ* → *c'ělъ* [17, с. 66], — однако в этом нет противоречия, так как имеется в виду не история праславянского языка в целом, а развитие одного из возможных окраинных протославянских диалектов, который (не без влияния контактов с мерянским) мог иметь частично отличавшуюся от предложенной фонетическую эволюцию.

в балтийском прус. *kails* употреблялись в приветствиях со значением «здравствуй!» как сокращенный вариант первоначально полного «(будь) здоров!» с опущенным глаголом-связкой, ср. дангл. *wes hāl* «будь здоров!» (Kluge-Mitzka 298; ЭССЯ III 179-180; Топоров (I – K) 136-142). Соответствие этому обороту, по-видимому, имелось и в праславянском языке, о чем до сих пор реально свидетельствовало только полаб. *s'ol* «за (твое, ваше) здоровье (букв. – здоров (будь!))» (SEJDrzP I, 86), подтверждаемое стсл. *цѣловати* «приветствовать», то есть говорить *цѣль* (*блди*), ср. *здороваться*, то есть говорить «здоров (будь)», укр. *Здоров!* «Здравствуй!» Добавление фатьяновского (протославянского) примера, сохраненного постмерянскими русскими говорами, является еще одним аргументом в пользу органичности и характерности этого оборота для праславянского языка в целом.

Шомарь Никита, крестьянин, 1500 г., Владимир (Веселовский 372). Пример, извлеченный из «Ономастикона», в котором собраны древнерусские имена, прозвища и фамилии, отражает прозвище с мерянской территории, где в это время еще могли проживать неассимилированные носители мерянского языка. Поскольку среди крестьян мерянский язык, несомненно, держался дольше всего (связанные с землей, они меньше переезжали с места на место), можно считать, что носителем рассматриваемого явно неславяно-русского прозвища скорее всего был мерянин. Дополнительным аргументом в пользу этого является также факт, что к началу XVI в. на землях нынешней Владимирской области коренным финно-угорским этносом могли быть только меряне, так как проживавшая в Муроме и его окрестностях мурома к этому времени должна была давно ассимилироваться. Прозвище представляет собой, по-видимому, сокращенное в самом мерянском языке в результате стяжения или неточно переданное при записи сложное слово со значением «черника (букв. – черная яго-

да)», реконструируемое для мерянского как **šomaí(?)* < **šo(m)* + **maí(ə)* < **šamē* + **marə*. Каждый из компонентов предполагаемого мерянского слова имеет при этом бесспорное финно-угорское происхождение, подтверждаемое данными родственных финно-угорских языков. Так, для реконструируемого мер. **šom* < **šamē* «черный» в качестве этимологически связанных с ним слов из родственных финно-угорских языков можно привести следующие: ф. *hämy* «сумерки», морд. Э *чемень* «ржавчина», морд. М *шямонь* «то же», мар. *шеме* «черный», *шем* «черный; грязный (о белье, помещении)», мар. Г *шим* «черный», удм. *сiмид* «пасмурный (о погоде)», *сыныны* «ржаветь», коми *сiм* «ржавчина; ржавый; смуглый; буровато-черный; темный», хант. (каз.) *сами* (*сiми*) «ржавчина», манс. *сэмил* «темный; черный», (конд.) *simil* «ржавчина», венг. ст. *szenny* «грязь» < ф.-уг. **s8mэ* «ржавчина; ржавый, черный» (КЭСЯ 258)¹⁷. Мер. **šom* среди приведенных соответствий выделяется оригинальностью формы, возникшей, видимо, из **šamē* в результате действия типично мерянской фонетической закономерности – перехода *a > o* в новом закрытом слоге. Что касается предполагаемого мер. **maí(ə)* «ягода», то оно также, и даже с большей вероятностью, проявляется как слово финно-угорского происхождения, ср.: ф., кар., вод. *marja* «ягода», вепс. *maíǵ*, *maíj*, *maíd*, эст. *marj*, ген. ед.ч. *marja*, лив. *mṍǵa*, *mṍǵa*, *mā́ǵa*, саам. Н *muor'je* «то же», морд. М *марь* «яблоко < ягода», мар. *мөр* «ягода (обычно о землянике)». мар. Г *мөр* «земляника; клубника», хант. (вост.) *тигәр* «гроздь, кисть ягод», манс *мõри* «гроздь (ягод)» < ф.-уг. *marja* «ягода» (SKES II 334; Collinder 412). Здесь мерянское слово наиболее близко в основном к прибалтийско-финским (за исключением ливского) и мордовским языкам, отличаясь от саамского, обско-угорских и марийского, где своеобразное развитие получил вокализм первого слога слова.

¹⁷ В финно-угристике эти параллели в данном объеме признаются не всеми. Часть ученых [73] относят слова, связанные с рассматриваемым корнем, к числу финно-пермских, ограничивая круг языков марийским, удмуртским (под вопросом) и коми и возводя соответствующие слова этих языков к праязыковому (ф.-перм.) **sime*. Подобный подход представляется недостаточно оправданным.

Рассмотренная этимология реконструируемых мерянских слов при всей вынужденной количественной ограниченности собранного материала позволяет дать общую предварительную характеристику мерянской лексики.

Рассмотренные лексемы составляют словарь, включающий около 100 единиц. Однако, поскольку при освещении лексики в целом целесообразно сосредоточить внимание на так называемых корневых словах, оставляя в стороне производные и варианты, в общей сложности приводимая ниже лексика включает около 70 слов. Для удобства сопоставления с соответствующим финно-угорским материалом здесь оно проводится в основном согласно тому подразделению на тематические группы, которое предложено К.Редее и И.Эрдеи [73]. Но в отличие от подачи материала, примененной там, где он сразу же рассматривается на основании сравнительно-исторических принципов, здесь весь привлеченный мерянский лексический материал вначале дается в рамках тематических групп независимо от его происхождения. Только после этого общего обозрения рассмотренная лексика будет представлена исходя из ее происхождения – финно-угорского (уральского) и заимствованного. В границах этих двух основных групп по возможности будут указаны более конкретные генетические ее связи, что касается исконной лексики, и языки-источники, что касается словарных заимствований.

1. Местоимения и служебные слова:

и (союз): *ра; и, даже (усилительные частицы): *-ка, *-ki; нет: *пемеñ; этот: *sí; я: *ма.

2. Названия органов, частей тела, выделений и болезней живого организма:
перо: *tolGê; язык (отражено в переносном значении «речь»): *jelma(-ê).

3. Названия, связанные с родством:

женщина (старуха): *кува; мама, мать: *тама(ê); отец: *ат'а(-э) / *аца(-э); старшая сестра, тетя (крестная мать): *кока (? дядя (крестный отец): *коко).

4. Природа:

а) элементы, формации и явления природы: берег (низкий, заросший высокой травой): *βана(-ê); болото: *ñero(-ê); вьюга: *pujeGa(-ê) < дуть: пу(j)-; дым, дымить: *šaβ-; ложбина, низина: *lot'ma / *ločma(-ê); огонь: *tulê; озеро: *jähre(-э); река: *juk (ст. *joGê);

б) растительный мир: верба: *šarnê; вяз: šol'a(-э); гнилушка: *mäkša(-ê); гриб (в частности, древесный): *paŋ(G)a/*poŋ(G)a(-ê); дуб: *toma(-ê); конопля: *moska(-ê); кора: *kerê; крапива: *nuš; ягода: *maí(ê).

в) животный мир: белка: *urma(-ê); ворона: *βarak(э) (-а); галка: *aŋka(-ê); гнездо: *pežê; журавль: *kurGa(-ê); корова: *l'ejma(-ê); кукушка: *käGa(-ê); лось: *šorDê; орел: *kutkê; рыба: *kol; рябчик: *muza(-ê); собака: *peñ(э); собака (молодая): *kut'a(-э); хариус (рыба): *sorjês;

г) минералы: камень: *ki(β) / *kü.

5. Названия для обозначения элементарных явлений жизни, действий, восприятий (глаголы):

боязнь (бояться): *pelêma; быть: *jolê (пусть будет: *jolúš; бывший: *ul'ša); видеть, смотреть > вот: *näβ- (>: *joŋ); глотать: *ñelê-; (п/р)оглотивший: *ñel'ša(-ê); делать: *βara- (делающий, дельный (быстрый): *βараβа); жить, живой: *elê-/-ä- (безжизненный: *il'Doma/-Domê); знать (чувствовать): *tuDo- (знающий (чувствующий): *tuDoβa); кормить < давать: *anDo- (кормящий (дающий): *anDoβa); мочь: *βojmo- (могущий: *βojmoβa); разговор, речь: *kolVê/-а; разрыв < разорвать: *sežema; слышать: *kole-/-э- (болезнь (тяжелая): *kolema); сказать, говорить: *mere-/-э- (скажи: *merek); умирать: *hali-/-э-; хотеть (желание): *tohtê(-).

6. Слова, служащие для выражения ориентации в пространстве:

вот: *joŋ (указательная частица).

7. Названия, служащие для выражения различных качеств, свойств, состояний и возраста (прилагательные):

здоровый: *cölê; красивый: *mažê(j); мало: *βähê; сильный (здоровый): *βäDrä; черный < ржавый: *šom < šamê.

8. Слова, обозначающие жилище, занятия, питание, одежду, средства передвижения:

вилы (двурогие): **βeñ* (ед.ч.); *деревня*: **paŋo(-ə)*; *масло*: **βoʝ* < **βaʝə* (*намамливание*: **βoʝləma*); *овощи* (свекла, брюква, огурцы): **pañša*; *перемет*: **βeD'ma*; *путешествие*: **matkoma* (*луть*: **mat* < **matk(ə)*); *сарай*: **koju*; *топор*: **kirβäs*.

9. Числительные:

один: **ik(ə)*/**ük(ə)* (*единичка*: **ikanä*/*ükanä*); *семь*: **s'eZ'um*.

10. Ворования:

душа: **lil*; *дьявол*: **joβlos(-əs)* (? > **jo(β)ls*); *курган*: **paŋo(-ə)* (*класть*: **paŋe/-ə-*); *хоронить* (по христианскому обряду): **koroni-*.

По своему происхождению мерянская лексика делится на исконные финно-угорские элементы разной хронологической глубины и, соответственно, генетических связей (уральские, финно-угорские, финно-пермские и т.д.) и заимствования. Совершенно четко разграничивать те и дру-

гие часто очень трудно, так как в каждом из слоев исконной лексики могут быть заимствованные и включенные слова, настолько глубоко вросшие в нее и слившиеся с исконными лексическими элементами, что в настоящее время их почти невозможно различить. Эти, по-видимому, субстратные элементы должны хотя бы предположительно указываться для того, чтобы в последующих исследованиях мог быть окончательно установлен их характер.

Та же лексика, прежде всего исконная, будет рассмотрена ниже по отдельным праязыковым генетико-хронологическим слоям, причем в пределах каждого слоя будет приведена в составе названных ранее тематических групп. Далее, также в составе тематических групп, но в основном исходя из принадлежности к тому или иному языку-источнику будет дана заимствованная лексика. Итак, этимолого-лексикологический анализ мерянской лексики по происхождению позволяет выделить в ней следующие основные группы.

ИСКОННАЯ ФИННО-УГОРСКАЯ ЛЕКСИКА

Лексический слой

уральского происхождения

1. Местоимения и служебные слова:

этот: **ši* (фин. *se* «этот», эст. *see* «то же», морд. *Э се* «тот; этот», морд. *М ся* «то же», мар. *седе* «тот», хант. *šī* «тот, этот»; нган. *sete* «он» < урал. **ši/še*) (ОФУЯ 399);

я: **ma* (фин. *minä, mä* «я», эст. *mina*, *ma*, саам. *Н топ*, морд. *мон*, мар. *мый*, мар. *Г мбнь*, удм. *мон*, коми *ме*, хант. (каз.) *ма*, манс. *ам*, венг. *én* «то же» (*engem* «меня»); нен. *мань* «я», эн. *mod'i*, нган. *manpaŋ*, сельк. *шап*, кам. *шап*, койб. *монь*, матор. *мань* < урал. **mi-nä/*me-nä* «то же») (ОФУЯ 399; Janhunen 86).

2. Названия органов, частей тела, выделений и болезней живого организма:

перо: **tolGə* (саам. *Н døl'ge* «перо», морд. *толга*, удм. *тылы*, коми *тыв* «то же», хант. (каз.) *тухал*, *түхал* «крыло (птицы)», манс. *товыл* «то же», венг. *toll* «перо»; нен. *то* «крыло (птицы)», эн. *tua*, нган. *t'č*

t'ča «то же», сельк. *tu* «перо, крыло», матор. *ту* «перо», *туда* «крыло» < урал. **tulka* «перо, крыло») (ОФУЯ 400; MSzFUE III 637; Janhunen 166);

3. Названия, связанные с родством:

отец: **at'a/*ača* (фин. *ati* «тесть, свекор», *ätti* «отец», эст. *ätt*, ген. ед.ч. *äti* «то же», морд. *атя* «старик», мар. *ача* «отец; свекор», мар. *Г атя* «отец», удм. *атай* «то же», венг. *atya* «отец; монах»; эн. *at'a* «отец!» (при обращении), нган. *t'a* «то же» < ? урал. **at'a/*at'i* – сомнение в существовании родства вызывается возможностью заимствования части слов (напр., удм.), а также самостоятельного их развития в отдельных языках (MSzFUE I 100-101).

4. Природа:

а) элементы, формации и явления природы:
болото: **nero(-ə)* (фин. *poro* «ложбина, болотистая лощина», эст. *põru* «сток воды; маленький, слабо текущий ручей», мар. *нөрö* «сырой; влажный», удм. *нюр* «влага, сырость; болото», коми *нюр* «болото», хант. (каз.) *нёрум* «то же», манс. *няр* «болото (моховое,

без травы)», венг. *nyirok* «сырость, влажность; (анат.) лимфа»; ? эн. *por* «бессточное озеро, превращающееся при пересыхании в болото», сельк. *njar* «(торфяное) болото; тундра» < урал. **ńorз* «болото; влажный») (MSzFUE III 486-487; ОСНЯ II 89);

дуть: **pu(j)* (на основе которого собственно мерянское *вьюга*: **pujeGa*) (морд. Э *пувамс* «дуть», мар. *пуáш*, хант. (вост.) *рõута*, манс. *пувлуңкве* «то же», венг. *fújni* «дуть; веять; трубить»; нен. *пӯць* «подуть; раздуть (огонь)», эн. *fueta* «дуть», нган. *fuarúma* «то же», сельк. *р̄úaВ* «(я) дую», кам. *phü'bl'am* «то же», койб. *публя* «(он) дует», матор. *халнамъ* «дую» < урал. **puwз-* / **puүз-*) (MSzFUE I 219; Janhunen 128-129);

огонь: **tulə* (фин., эст. *tuli* «огонь», саам. Н *dollâ*, морд. *тол* «то же», мар. *тул* «огонь; костер», мар. Г *тыл* «то же», удм. *тыл* «огонь», коми *тыв* (в сложном слове *тывкõрт* «огниво», где *кõрт* «железо»); нен. *ту* «огонь», эн. *tū*, нган. *tui*, сельк. *tü*, кам. *šū*, койб. *сы, сю*, аб. *thuу*, матор. *tui*, тайг. *туи*, караг. *дуй* < урал. **tule* (ОФУЯ 403; SKES V 1388-1390; Janhunen 166);

река: **juk* < ст. **joGə* (фин. *joki* «река», эст. *jõgi*, саам. Н *jokkâ* «то же», ? морд. М *Ёв* «р. Мокша», ? мар. Г *йõгы* «течение, поток», удм. *юшур* «река» (*шур* «река»), коми *ю*, ? хант. (каз.) *юхан* «речка», ? манс. *я* «река», венг. ст. *jó*; нен. *яха*, эн. *jáha*, сельк. *ke* «то же», кам. *t'aуа* «река, речка, ручей», матор. *чага*, тайг. *ча́га* «то же» < урал. **joкe* «река») (ОФУЯ 403; MSzFUE II 339-340; Janhunen 35);

б) растительный мир:

гриб: **paŋ(G)a* / **poŋ(G)a* (морд. Э *панго* «гриб», морд. М *пáнга*, мар. *понго*, мар. Г *понгы* «то же», манс. *пáңх* «мухомор», хант. (вост.) *paŋk* «то же», *paŋkelta* «шаманить, наевшись мухоморов»; нган. ст. *fanka-* < **paŋka-* «быть пьяным (от мухоморов)» < урал. **paŋka* «гриб») (Alvre II 57; Collinder 408; Терещенко Нган. яз. 35-36);

в) животный мир:

ворона: **βarak(ə)* (фин. *varis*, ген. ед.ч. *variksen*, эст. *vares*, ген. ед.ч. *varese*, лив. *varikš*, саам. Н *vuo(r)ãžãš*, морд. Э *варака*, морд. М *вáрси* «то же», ? мар. *варáш* «ястреб» (изменение значения, перенесенного на другую хищную птицу?), мар. Г *вáраш*, ? удм. *варыш*, ? коми *варыш* «то же», хант. (каз.)

вурнга «ворона», манс. *ӯри* (*нэ́ква*), венг. *varjú*, акк. ед.ч. *varjat*; нен. *вáрлэ*, сельк. *kwerä*, кам. *bãri* «то же», койб. *bãre* «ворон», матор. *берё* «то же» < урал. **warз* «ворона») (ОФУЯ 404; КЭСКИЯ 47-48; SKES V 1654-1655; MSzFUE III 673-674; Janhunen 170);

гнездо: **pežə(a)* (фин., кар., вод. *pesä* «гнездо», эст. *pesa*, вепс., лив. *peza*, саам. Н *basse*, морд. Э *пизэ*, морд. М *пíза*, мар. *пыжáш*, мар. Г *пýжаш* «то же», удм. *пуз* «яйцо», *пузкар* «гнездо» (где *кар* «гнездо»), коми *поз*, хант. (вост.) *pal*, манс. *пити*, венг. *fészek* «то же», ст. *feze* «его гнездо» < **pež(e)*; нен. *пидя* «гнездо», эн. *fide*, *fire*, нган. *фә́tte*, сельк. *peD*, кам. *phidä*, койб. *пидэ* < урал. *pesä* «то же») (ОФУЯ 404; Alvre I 32, 78; КЭСКИЯ 223; SKES III 531; MSzFUE I 205; Janhunen 126; Collinder 408);

журавль: **kurGa(-ə)* (фин. *kurki* «журавль», эст. *kurg*, ген. ед.ч. *kure*, лив. *kuřG*, *kürgēZ*, саам. Н *guor'gã*, морд. Э *карго*, морд. М *кáрга*; нен. *хáрэ*, эн. *kori*, сельк. *кёрэ́*, кам. *kuro*, *kuru'ju* < урал. **kurкз* «то же») (Alvre II 40; SKES II 245; Janhunen 54);

рыба: **kol* (фин., кар., эст. *kala* «рыба», вепс., вод. *кала*, лив. *kalá*, саам. Н *guolle*, морд. *кал*, мар. *кол*, хант. (каз.) *хул*, манс. *хул*, венг. *hal*; нен. *халя*, (ям.) *халэ*, эн. *kare*, нган. *kóli*, сельк. *qelij*, кам. *кóле*, койб. *кола*, матор. *challä*, тайг. *-galae* (в *argalae* «лосось речной (*Salmo fluviatilis*)»), караг. *kalè* «то же» < урал. **kala* «рыба») (ОФУЯ 404; Alvre I 27-28; SKES I 146; MSzFUE II 250; Janhunen 59; Collinder 406).

5. Названия для обозначения элементарных явлений жизни, действий, восприятий (глаголы):

боязнь < **бояться:** **peləma* (фин. *pelkään* «(я) боюсь», эст. *pelgama* (*peljata*) «бояться», саам. Н *bállât*, морд. *пелемс*, удм. (диал.) *pulijni*, коми *повны*, хант. (каз.) *палты* (*пáлты*), манс. *пилуңкве*, венг. *félni*; нен. *пйлюць* «то же», эн. *fiebo* «(я) боюсь», нган. *filitima*, кам. *p'imlēm* «то же» < урал. **pele-* «бояться») (ОФУЯ 405; КЭСКИЯ 223; SKES III 516-517; MSzFUE I 198; Janhunen 124-125);

глотать: **nelə* (*п(р)оглотивший*: *n'el'ša*) (фин. *niellä* «глотать (проглатывать)», эст. *neelama*, саам. Н *njiellât*, морд. *нилемс*, мар. *нелáш*, удм. *нбылыны*, коми *нбылавны* «то же», хант. (каз.) *нелты* «глотать с жадностью», манс. *ňalt-* «глотать», венг. *nyelni* «то же»;

нен. *nälä*(сь) «съесть жадно, быстро, большими кусками», эн. *nodda* «то же; глотать», нган. *ńalta* «то же» < урал. **ńele-* «глотать») (ОФУЯ 405; Alvre I 49; КЭСЯ 199; SKES II 376; MSzFUE III 479);

жить: **elä*(-ə) (*безжизненный*: **il'Doma*) (фин. *elää* «жить», эст. *elama*, лив. *je'llē*, саам. *h ællet*, морд. *эрямс* «то же» < **el'ams*, ср. морд. Э *эльнемс* «веселиться, ликовать; резвиться», морд. М *элé* «да (подтверждение)» < **эляй* «живет», мар. *илáш*, мар. Г *йлаш*, удм. *улыны*, коми *овны*, хант. (каз.) *йилпалаты* «обновиться, ожить», *йилпи* «живун (незамерзающее место на реке)», манс. *ялтуңкве* «ожить; зажить (о ране)», *ялуп* «живун (глубокое место на реке, где зимой скапливается рыба)», венг. *élni* «жить»; нен. *иле(сь)* «то же», эн. *jiredo'* «(я) живу», нган. *ńile-tm* «то же», сельк. *iljico* «жить», кам. *d'ili* «живой», тайг. *илиндé* «живо» < урал. **elä-* «жить») (ОФУЯ 405, КЭСЯ 203; SKES I 37-38; MSzFUE I 145-146; Janhunen 27; Ткаченко 134-143).

знать (чувствовать): *tuDo-* (знающий (чувствующий): **tuDoβa*) (фин. *tuntea* «чувствовать; знать», эст. *tundma*, саам. *h dow'dât* «то же», удм. *тодыны* «знать», коми *тодны* «то же», венг. *tudni* «знать; уметь; мочь»; нен. *тумдáсь* «узнать; отметить», эн. *tuddabo* «узнаю, угадываю», нган. *tumtu'ama* «угадываю», кам. *t'əmnəm* «знать, понимать», койб. *тымнемымь* «знаю» < урал. **tumte* «знать < видеть») (ОФУЯ 405; КЭСЯ 283; SKES V 1399-1400; MSzFUE III 646-648; Janhunen 167);

класть: **pane*(-ə) > собств. мер. *pano/-ə* «курган» (фин. *pana* «класть», эст. *panema*, лив. *pānda*, морд. *панемс* «печь (хлеб) < класть (в печь); гнать», удм. *паныны* «положить; налить; обути, надеть», коми (диал.) *пöныны* «обмануть; запутать», хант. (каз.) *пунты (пунты)* «положить, надеть на голову», манс. *линуңкве* «положить; налить; надеть»; нен. *пэнзь* «положить», эн. *fuṅabo* «кладу», нган. (ст.) *fanu'ama*, сельк. *рəннаВ*, кам. *phell'im*, койб. *паллямь* «то же», матор. *аннамь* «закладываю», *хеннамь* «кладу» < урал. *pane-* «класть») (Alvre I 87; КЭСЯ 228; SKES III 483-484; Collinder 408);

(тяжелая) *болезнь* < *смерть*: **kolema* (*сдыхать* < *умирать*; **kole-*) (фин. *kuolema* «смерть», эст. (диал.) *koolma* «умирать» <

смерть, умиранье», морд. *кулома* «смерть», мар. *колымáш*, удм. *кулон*, коми *кулóm* «то же», хант. (каз.) *хал'ты* «подохнуть», манс. *хóлуңкве* «погибнуть; кончиться», венг. *halni* «умирать»; нен. *хась* «умереть», эн. *káro'* «(я) умираю», *kádo'*, нган. *kū'am*, сельк. *kuang*, кам. *kwl'em*, койб. *кулягандамь* «то же», матор. *кайма* «мертвый», тайг. *kcháima* «то же» < урал. **kole-* «умирать») (ОФУЯ 407; КЭСЯ 143, SKES II 239; MSzFUE II 250-251).

Лексический слой финно-угорского происхождения

1. Служебные слова:

усилительные частицы (типа рус. *-то, же*): **-ka, *-ki* (фин. *-kaan, -kin*, эст. *-ki(-gi)*, морд. Э *-как*, морд. М *-га*, мар. *-ке* (в *шке* «сам»), удм. *-ке* (*кин ке* «кто-то»), коми *-кö* (*код кö* «кто-то»), манс. *-ki* (*amki* «я сам», где *am* «я») < ? ф.-уг. **-ka, *-ki-*, ср., возможно, также родственную кам. *-ko/-kö, -go, -gö* усилит. частицу «и, же», свидетельствующую об уральских истоках данного явления, — ОСНЯ I 325-326) (Аристэ I 303; КЭСЯ 137; Галкин 94; Хелимский 96-97);

нет (ничего): **nepeñ* (удм. *но-* «ни» (*нокин* «никто»), коми *(-)нöм* (в *нинöм* «ничто, ничего»), *нем* «ничто, ничего», хант. *нэм* «не» (*нэмхулта* «никуда», где *хулта* «куда»), манс. *нэм* «не» (*нэмхот* «нигде; негде», где *хот* «где»), венг. *nem* (*nëm*) «нет, не», *në* «не» при гл. повел. накл. < ф.-уг. (вост.) **nämi* «нет, не») (MSzFUE III 464-466);

и (союз): **pa* (? ф. *-pa, -pä* (усилит. частица: *ну и, ну уж, же, ведь, то, если бы, а вот*), ? эст. *-p* (*minar* «именно я, это я», где *mina* «я»), ? удм. *пе* «де, мол», ? коми *пö* «мол, дескать», хант. *па* «и (союз)» < ф.-уг. **pä'* (усилит. частица)). Если не подтвердится мысль о связи мерянского и хантыйского соответствий с явлениями других финно-угорских языков, что маловероятно, то следует считать данный факт одним из свидетельств древних мерянского-угорских языковых контактов (Аристэ I 303-304; КЭСЯ 227).

2. Названия органов частей тела:

язык (слово засвидетельствовано в переносном значении «речь») **jelma* (-ə) (саам. *h njal'bme* «рот», мар. *йылме* «язык

(анат., лингв.)», мар. Г *йылмы* «то же», хант. (каз.) *нялум* «язык (анат.)», манс. *нѣлм, нѣлум* «то же», венг. *nyelv* «язык (анат., лингв.)» < ф.-уг. **nälma* «язык») (ОФУЯ 412; MSzFUE III 480-481).

3. Природа:

а) растительный мир:

вяз: **šol'a(-ə)* (фин. *salava* «ива ломкая», морд. Э *селей* «вяз», морд. М *съяли*, мар. *шболо*, венг. *szil* < ф.-уг. **šala* «то же») (ОФУЯ 414; SKES IV 954; MSzFUE III 587);

кора: **kerə* (фин. *keri* «новая кора на березе, выросшая на месте содранной», эст. (ст.) *kere* «лыко, луб», саам. Н *gârgâ* «кора», морд. Э *керь* «лубок, кора», морд. М *кяр*, мар. *кър*, мар. Г *кър*, удм. *кур* «то же», коми *кор* «кожура, шелуха», хант. (вост.) *kär* «кора, кожура; струп, короста», манс. *kēr* «кора; кожура», венг. *kérg* «кора, корка, скорлупа», ст. *kér* «кора» < ф.-уг. **kere* «кора, корка») (ОФУЯ 415; КЭСКИЯ 133; SKES I 183; MSzFUE II 353);

ягода: **mar(ə)* (фин. *marja* «ягода», эст. *marī*, ген. ед.ч. *marja*, лив. *mōga*, саам. Н *muor'je* «то же», морд. М *марь* «яблоко < ягода», мар. *мър* «ягода (обычно о землянике)», хант. (вост.) *мур* «гроздь ягод», манс. *мורי* «гроздь» < ф.-уг. **marja*) (Alvre I 51; SKES II 334; Collinder 412);

б) животный мир:

собака: **reñ(ə)* (фин. эст. *reni* «собака», саам. Н *bñpâ*, морд. *пине*, мар. *пий*, удм. *пуны*, коми *пон*, венг. *fene* < **rene* «язва, злой, лютый, свирепый» (в ругательствах *fene ege meg* «пусть съест тебя *fene* (? собака)», ср. рус. *пѣс тебя заешь!*) < ф.-уг. **rene* «собака») (ОФУЯ 416; КЭСКИЯ 224-225; SKES III 517-518; MSzFUE I 200);

собака (молодая): **kut'a(-ə)* (эст. *kutsikas* «щенок», ? морд. М *күтю* «сережка (на дереве)» < (перен.) «щенок, котенок», ср. укр. *котики* «сережки (на вербах)» в связи с их пушистостью, мягкостью, удм. *кучали* «щенок» (*ли* «детеныш»), коми *кутян* (*кути, кутю, кутюпи*) «щенок», хант. (каз.) *кэтув* «то же», манс. *күтүв* «собака», венг. *kutya* «то же» < ф.-уг. **kut'a/-u* «(молодая) собака»); в финно-угристане до последнего времени словом финно-угорского происхождения не признавалось, расцениваясь как звукоподража-

тельное (MNTESz II 686-687), однако порождает обилие финно-угорских параллелей, что вынуждает отдельных исследователей высказывать предположение о его финно-угорских истоках (КЭСКИЯ 147); обращает на себя внимание и самодийская параллель: нен. *хутю* «молодая собака; (дет.) собака»; не исключено, что речь идет о древнем заимствовании неизвестного происхождения в финно-угорских или – шире – уральских языках;

в) минералы:

камень: **ki(β)/*kü* (фин., эст. *kivi* «камень», морд. *кев*, мар. *кү* «то же», удм. *кō* «жернов», коми *изки* «то же» (*из* «камень»), хант. *кев* «камень», манс. *käβ* «камень; жернов», венг. *kő*, акк. ед.ч. *követ* < ф.-уг. **kiwe* «камень») (ОФУЯ 417; КЭСКИЯ 123; SKES I 203; MSzFUE II 368-369).

4. Названия для обозначения элементарных явлений жизни, действий, восприятий (глаголы):

быть: **jolə-* (*пусть будет*: **joluš*; *бывший*: **ul'ša*) (фин. *olla* «быть», эст. *olema*, морд. *улемс*, мар. *улаш*, удм. *вал* «был», коми *вōли* «то же», хант. (каз.) *вал'ты* «жить; быть; находиться», манс. *олуңкве* «быть, иметься, жить; содержаться; находиться, состоять», венг. *volt* «был» < ф.-уг. **wolə-* «быть») (ОФУЯ 417; КЭСКИЯ 67; SKES II 427-428; MSzFUE III 669-671);

видеть, смотреть: **näβ-* > вот: *joç* (фин. *nähdä* (*näkee*) «видеть», эст. *nägema* «то же», саам. Н *niegâdit* «видеть во сне», морд. Э *неемс* «видеть», морд. М *няемс* «то же», удм. (диал.) *паані* «рассмотреть», хант. (вост.) *пита* «виднеться», манс. *нѣглуңкве* «появиться, показаться», венг. *pézni* «смотреть» < ф.-уг. *näke-* «видеть, смотреть») (ОФУЯ 417; SKES II 410; MSzFUE III 470);

кормить < *давать*: < **anDo-* (кормящий < дающий: **anDoβa*) (фин. *anta* «давать», эст. *andma* «то же», саам. Н *vuow'det* «продавать», морд. андомс «кормить», удм. *удыны* «напоить», коми *удны* (в парном сочетании *вердны-удны* «кормить-поить», где *вердны* «кормить»), венг. *adni* «давать» < ф.-уг. **amta-* «то же») (ОФУЯ 418; КЭСКИЯ 295-296; SKES I 20; MSzFUE I 69).

5. Названия, служащие для выражения различных качеств, свойств (прилагательные):

черный < *ржавый*: *šom < šamē (фин. hämy «сумерки», морд. Э *чемень* «ржавчина; суховей; мгла», морд. М *шямонь* «ржавчина; накипь», мар. *шеме* «черный», мар. Г *шим* «то же», удм. *сыномыны* (*сыныны*) «ржаветь», коми *сім* «ржавчина; ржавый; смуглый; буровато-черный, темный», хант. *сами* (*сáми*) «ржавчина», манс. *сэмьл* «черный», венг. szenny «грязь» < ф.-уг. *sšmз «ржавчина; ржавый») (КЭСЯ 258). Этимология признана не всеми, часть ученых сближают только марийскую и пермские параллели, выводя их из ф.-перм. *simз (ОФУЯ 427).

6. Слова, обозначающие жилище, занятия, питание:

масло: *βoj < *βajē (намамливание: *βojlēta) (фин. voi, эст. või «масло», лив. vui, саам. Н vuogjâ, морд. Э *ой*, морд. М *вай*, мар. *уй*, удм. *вõй* «то же», коми *вий* «масло; жир (рыбий)», хант. (каз.) *вуй* (*вуй*) «жир, сало», манс. *вõй* «жир; масло», венг. vaj «масло» < ф.-уг. *wojē «то же») (ОФУЯ 422; КЭСЯ 71; SKES VI 1803-1804; MSzFUE III 666-667).

7. Числительные:

один: *ik(ə)/*ük(ə) (один, уменьш.: *ikanä/ükanä) (фин. yksi, ген. ед.ч. yhden «один», эст. üks, ген. ед.ч. ühe, саам. Н ok'tâ, морд. Э *вейке*, морд. М *фкя*, уменьш. *фкяня*, мар. *ик* (*йкте*), удм. *одйг* (*ог*), коми *отик* (*оти*), ? хант. *ит*, ? манс. *акв* (*аква*) < ф.-уг. *ikte/*ükte) (ОФУЯ 423; КЭСЯ 212; SKES VI 1856-1859).

8. Верования:

душа < *дыхание, дух*: *lil' (фин. löyly «пар (в бане)», эст. leil, ген. ед.ч. leili «пар; душа, жизнь», саам. Н liew'lâ «пар (особенно в бане)», удм. *лул* «душа, дыхание, жизнь», коми *лов* «душа, дух, жизнь», дперм. lol «то же», хант. (вост.) lil «жизнь; дыхание; дух; душа», манс. lili «дыхание; душа», венг. lélek «душа, дух; сердце; совесть; лицо (человек); дыхание; жизнь, самосознание», ст. (X в.) Lele «имя венгерского вождя» < ф.-уг. *lewle «дыхание, дух, душа») (ОФУЯ 424; КЭСЯ 160; SKES II 323; MSzFUE II 397-398; Чернецов-Чернецова 78).

1. Названия, связанные с родством:
женщина (старуха): *kuβa (? ф. kave «живое существо, человек; девочка, девушка; овечка; лесной зверь; мифологическое существо», ? эст. (диал.) kabo (kabe) «девушка, женщина», ? саам. Н gabâ «жена», мар. *кувá* «старуха», мар. Г *кувы* «свекровь, теща», *кыва* «тетушка (в почтительном обращении)», удм. (юж.) *куба* «свекровь» < ф.-перм. *kβз «живое существо, создание» < и-е. *skab «творить, создавать») (SKES I 175).

2. Природа:

а) элементы, формации и явления природы:
ложбина, низина: *lot'ma/ločma(-ə) (фин. (диал.) lotma (lotmo) «долина», кар. lodma, морд. Э *лашмо* «то же; низкое болотистое место», морд. М *лашма* «лощина, долина», коми *лажмыд* «невысокий, приземистый; отлогий, пологий, покатый; неглубокий, мелкий» < ф.-перм. *lštmʂ «низина; низкий») (КЭСЯ 156; SKES II 301);

б) растительный мир:

дуб: *toma(-ə) (фин., кар., вод. tammi «дуб», эст. tamn, ген. ед.ч. tamme, лив. tān, ген. ед.ч. tañ, морд. Э *тумо*, морд. М *тума*, мар. *тумо*, мар. Г *тум*, удм. *тыпы*, коми (дперм.) *тупу* «то же» (удмуртское и коми слова, очевидно, восходят к общепермскому *tu-ru < ? раннеперм. *tum-ru) < ф.-перм. tšmз «дуб», КЭСЯ 286). Данная точка зрения разделяется не всеми, часть исследователей отделяет пермские слова от финских (прибалтийско-финских, мордовских и марийского); наиболее оправданным представляется предположение о финно-пермском характере слова и его заимствовании из индоевропейского языка протославянского типа, ср. псл. *dǫbъ (ЭССЯ V 97), в таком случае за исходную следовало бы принять финно-пермскую праформу *tšmʂ с разным ее развитием в финской и пермской ветвях;

в) животный мир:

белка: *urma(-ə) (фин. orava «белка», эст. orav, саам. Н oar're, морд. *ур*, мар. *ур*, коми *ур* < ф.-перм. *ora) – в прибалтийско-финском и мерянском присоединен частично

видоизмененный суффикс *-va(*-βα) < *-βα < *pa*, отсутствующий в других языках (ОФУЯ 428; КЭСЯ 297-298; SKES II 436; Хакулинен I 125-126);

орел: *kutkē (фин. kotka «орел», эст. kotkas, саам. N goas'kem, морд. *куцкам*, мар. *кучкыж* «то же», *куткыж* «беркут», удм. (диал.) *кутџ* «птица, похожая на орла, но меньше размером», *кыч* (*чуньы-кыч*) «ястреб-тетеревятник», коми *кутш* «орел» < ф.-перм. *ко́чка «то же») (ОФУЯ 429; КЭСЯ 148; SKES II 224).

3. Названия для обозначения элементарных явлений жизни, действий, восприятий (глаголы):

мочь: *вој(мо)- (могущий: вој(мо)ва)* (фин. voida «мочь», voima «сила, энергия; здоровье; власть», эст. voima «мочь», voim «власть; могущество; сила, мощь», ? коми (уст.) *ойӧс* «сила» < ? ф.-перм. *voi- «мочь, быть в состоянии; сила») (КЭСЯ 204; SKES VI 1804-1805);

разрыв < разорвать: *sežema (морд. Э *сеземс* «сорвать, оторвать; (обл.) перейти, переехать (через что-либо); (обл.) отойти (от кого-либо, от чего-либо)», *сезема* «обрывание, срывание», морд. М *сяземс* «разорвать, вырвать; оторвать, сорвать; взорвать; порвать, расторгнуть», *сязема* «разрыв, расторжение», ? удм. *сузяны* «чистить, вычистить», ? коми *сэзыны* «поддать пару; открывать суслоны (снимая верхние снопы); снимать крышку» < ? ф.-перм. *ses- «срывать (вырывать), открывать» (КЭСЯ 271-272).

4. Числительные:

семь: *s'ež'um (фин. seitsemän «семь», эст. seitse, саам. N siežâ, морд. *сисем*, мар. *шым*, мар. Г *шѣм*, (диал., вост.) *šišim*, удм. *сизьым*, коми *сизим* < ф.-перм. *šeŋsemä) – заимствование из какого-то индоевропейского языка, по-видимому, славяно-балтийского типа (КЭСЯ 255; ОФУЯ 433; SKES IV 991).

Лексический слой финского происхождения

1. Природа:

а) элементы, формации и явления природы:

дым, дымить: *šaβ- (фин. savu «дым», эст. (диал.) saŋ, ген. ед.ч. sau «дым, легкий

туман», лив. sau «дым», саам. N suovvâ, морд. Э *сувтамс* «окуривать», морд. М *сфтамс*, фон. sēftams «то же; подкуривать (пчел)» < пфин. *šaβ- «дым, дымить») (SKES IV 986-987);

озеро: *jähre(-ə) (фин. järvi «озеро», эст. järv, лив. jōra, саам. N jaw're, морд. Э *эрьке*, морд. М *эрьхке*, мар. *ер*, мар. Г *йәр* < пфин. *jäy(ə)re < *jäkere < и-е. (диал., протосл.) *jägera/-o- «озеро», местн. п. jägere «в озере»). Формы всех финских языков восходят к прафинской, в мордовских языках к ее рефлексам присоединен уменш. суф. *-ке* (SKES I 132); слово, видимо, является заимствованием из индоевропейского (скорее всего, протославянского) языка, с носителями которого финны вошли в контакт в Волго-Обском междуречье;

б) растительный мир:

верба: *šärnə (фин. saarni «ясень», эст. saar, ген. ед.ч. saare, лив. sārna «то же», мар. *шертне* «верба», мар. Г *шартни* «то же» < пфин. *särtne «ясень(?)») (SKES IV 939);

в) животный мир:

корова: *l'ejma(-ə) < *lešmä (фин. lehmä «корова», эст. lehm, лив. ni'em, ni'emē «то же», морд. Э *лишме* «лошадь», морд. М *лишме* «конь (только о красивом или игрушечном коне)» (SKES II 284) < пфин. *lešmä «кобыла (дойная)» < *läšä-emä «лошадь-самка» < дбулг. *laša (ср. чув. *лаша* – Егоров 126) «лошадь, конь» + пфин. < урал. *emä «мать; самка») (ОФУЯ 402);

рябчик: *muža(-ə) (? ф. metso «глухарь», эст. metsis «то же», мар. *музо* «рябчик», мар. Г *мызы* «куропатка» < ? пфин. *metso «дикая птица из рода куриных») (SKES II 343).

2. Названия для выражения различных качеств, свойств (прилагательные):

мало: *βähē (фин. vähän «мало», vähä «малый», эст. vähe «мало», морд. Э *вишка* «малый, маленький», *веж(гель)* «язычок (букв. – маленький язык)», где *-кель* > *-гель* «язык», *веженсь* «младший, меньший» < пфин. *väše «малый, мало» < пгерм. *wāha-, ср. дангл. wāh «тонкий, мелкий»). Известные трудности при объяснении возникают в связи с консонантизмом: переход пгерм. *-h-* > пфин. *-š-* (SKES VI 1830-1831).

Некоторую часть мерянской лексики составляют слова, общие со словами одной финно-угорской языковой группы, с одним или двумя финно-угорскими языками определенного ареала. К ним принадлежат слова, общие: 1) с прибалтийско-финскими (иногда также саамским); 2) с марийским и мордовскими; 3) с марийским; 4) с мордовскими; 5) со словами угорских языков в целом или одного из них. В настоящее время можно только отметить это сходство и в редких случаях, когда существуют явные исконно мерянские параллели подобных лексем, говорить об их заимствованном характере. Не исключено, что дальнейшие исследования позволят установить, что среди отмеченных слов, общих для мерянского и данных языков, имеются и другие случаи заимствования мерянским языком инофинно-угорской лексики.

Предполагаемые мерянские слова, имеющие соответствия в прибалтийско-финских (и саамском) языках

1. Природа:

а) элементы, формации и явления природы: *берег* (низкий, заросший высокой травой): *βana(-ə) (? ф. vana «след, тропа, русло реки», кар.-ливв. vana «низина, заросшая травой») (SKES V 1631-1632);

б) животный мир:

кукушка: *käGa(-ə) (фин. käki «кукушка», кар., вепс. kägi, вод. čäko, эст. kägu, ген. ед.ч. käo, лив. k'äg, саам. N giekkâ «то же» < ? балт., ср. лит. gegė/gėgė) (SKES II 259);

хариус: *sorjes (фин. harjus «хариус», кар. harjuš, вепс. hařus < ? пгерм. harzus, швед., норв. harr «то же»). Прибалтийско-финские языки могли быть только посредниками при усвоении мерянским германского слова, однако в случае принятия возможности его германского происхождения трудно объяснить соответствие мер. s- герм. h-, следовательно, слово может быть либо финно-угорским, либо заимствованным прибалтийско-финскими и мерянскими языками из какого-то другого (негерманского) языка (SKES I 50; Востриков I 46-50).

2. Названия для обозначения действий: *хотеть (желание)*: *tohtə(-) (фин. tahtoа «хотеть», эст. tahtma «то же», саам. N duos'tot «идти навстречу; отвергать; отвечать») (SKES IV 1195, 1196).

3. Слова, обозначающие жилище, средства передвижения:

путешествие: *matkoma (луть: *mat < *matk(ə)) (фин. matka «путь», matkata «путешествовать», эст. matk «путешествие», matkama «путешествовать», саам. N muot'ke «конец санного полоза; путь») (SKES II 337);

сарай: *koju (фин. koju «будка, шалаш (из хвои)», кар. koju «будка; верх повозки» < швед. koja «избушка; будка; шалаш»), следовательно, мерянское слово скорее всего является заимствованием из германских (скандинавских) языков, где посредниками были прибалтийско-финские языки (SKES II 208; Востриков II 28-29).

Случаи соответствий с марийским и мордовскими языками

1. Слова, связанные с родством:

старшая сестра, тетя (крестная мать): *koка (мар. кока «тетка, тетя», морд. Э кака «дитя, дитятко»).

2. Природа (растения и животные):

а) растения:

гнилушка: *mäkša(-ə) (мар. мекш «гнилушка», мар. Г макш, морд. Э макшо, морд. М макша «то же») (Востриков II 31);

конопля: *moska(-ə) (морд. Э мушко «конопля; кудель», морд. М мушка «волоконно; кудель», мар. муш «пенька; кудель») (Халипов 129-131);

б) животные:

лось: *šorDə (мар. шордо «лось», морд. Э сярдо «то же») (Vasmer 377).

Только в марийском языке обнаруживается соответствие мерянскому слову со значением «крапива»: *niš (мар. нуш «крапива») (Vasmer 418).

Только в мордовских языках были обнаружены соответствия следующим мерянским словам:

(обозначения действий) *сказать, говорить*: *merə-/ə- (*скажи*: *merək) (морд. Э меремс «сказать, приказать», морд. М

мярьгомс «сказать, велеть, приказать; говорить (в роли вводного слова: *мярьган* «говоря» и т.п.)»; (обозначения качеств, свойств) *красивый*: *maZə(j) (морд. Э *мазый* «красивый», морд. М *мазы* «то же») – в последнее время сближаются также с удм. *мусо* «милый, дорогой», коми *муса* «милый, любимый» (КЭСЯ 179), в таком случае слово относится к финно-пермскому лексическому слою; *сильный (здоровый)*: *βäDrä (морд. Э *вадря* «хороший, красивый; добрый», морд. М *вадря* «гладкий, приглашенный (о волосах, шерсти, ворсе)»; (слова, связанные с занятиями): *перемет*: *βeD'ma (морд. Э *ведьме* «повод, ремень (узды и т.п.); завязка, бечевка; конец, обрывок нитки») (Востриков II 28).

К числу лексем, надежные соответствия которым обнаруживаются только в угорских языках, относятся связанные с действиями и занятиями, а также обозначением места жительства, поселения: *делать*: *βara- (*делающий, дельный (быстрый)*): *βaraβa) (хант. (вост.) wārta «делать, сделать», wertä «то же», манс. *варуңкве* «делать, сделать, изготовить, приготовить; строить, построить, устроить; создавать, создать: свершать, совершить; оказать (помощь); выработать»); *деревня*: *palo(-ê) (хант. (вост.) ruçel «деревня, населенный пункт, поселение (рыбаков, охотников)», манс. *павыл* «деревня; поселок; селение», венг. falu, мн.ч. faluk/falvak «деревня», ? ф. Palvala, (название деревни), ? кар. palvi «место жительства»). Изолированность прибалтийско-финских слов заставляет считать их заимствованиями (включениями) из других финно-угорских

(угорских или саамского ?) языков; более надежна связь с угорскими словами у саам. balges «место выпаса оленей», видимо, напрасно отвергаемого (MSzFUE I 181) < угор. (ф.-уг.?) *paluz (MSzFUE I 180, 181; Серебр. Происхожд., 179).

Особое место среди лексики финно-угорского происхождения занимает мер. аҗка «галка», представляющее собой образование, возникшее, по-видимому, на основе соответствующего прафинно-угорского слова, ср.: ф. naakka «галка», кар. ñoakka, вепс. ñak, ñäk, эст. hakk, морд. чавка, мар. чанга, удм. чана, коми чавкан, венг. sóka. Если предположить общее происхождение указанных финно-угорских слов, что оспаривается ввиду возможности их звукоподражательного характера и независимости развития (КЭСЯ 300, MNTESz I 547–548), то, исходя из праформы *čaҗka и принимая ее до известной степени аномальное развитие (преимущественно в прибалтийско-финских языках), можно считать это слово связанным как с прибалтийско-финскими языками, так и с восточной группой финно-угорских языков. Однако ввиду нерешенности этого вопроса в настоящее время нельзя определить с точностью отношение мерянского слова к другим возможным его соответствиям, расценивая его как собственно мерянского образования на основе исходного финно-угорского лексического материала. Следовательно, при оценке мерянского словаря в его взаимоотношениях с финно-угорской лексикой родственных языков данное слово пока не может учитываться.

ВЫВОДЫ

Рассмотрение проанализированных выше 68 корневых меряnskих слов финно-угорского (и уральского) происхождения, к числу которых частично отнесены и наиболее древние возможные заимствования (субстратные включения), позволяет установить, что из них с прибалтийско-финскими языками связаны 52 слова, с мордовскими – 48, с марийским – 38, с пермскими – 36, с саамскими

и обско-угорскими – по 31, с венгерским – 28, с самодийскими – 21 слово. Следовательно, в процентном выражении реконструированная часть мерянской лексики обнаруживает соответствий в прибалтийско-финской лексике 76,5%, в мордовской – 70,6, в марийской – 55,9, в пермской – 51,5, в саамской – 44, в обско-угорской – 44, в венгерской – 41,2, в самодийской – 31%.

При всей предварительности приведенных соотношений обращает на себя внимание тесная связь мерянского с финно-пермскими языками. На основании указанных данных мерянский язык в лексическом отношении можно определить как финно-пермский, преимущественно финский, поскольку наибольшие связи у него обнаруживаются с прибалтийско-финскими и мордовскими языками.

С финно-пермскими языками мерянский объединяют не только исконные, но и частично древние заимствованные элементы, к которым наряду с лексикой предполагаемого балтийского (*käGa «кукушка») или германского (*βähê «мало», *koju «сарай») происхождения относятся отдельные индоевропейские слова, возможно, протославянского происхождения (*jähre «озеро», *s'eZ'um «семь», *toma(-ê) «дуб»). Как и прибалтийско-финские и мордовские языки, мерянский заимствовал, по-видимому, также древнеболгарское слово *laša «лошадь», образовав на его основе собственно ф. *lejma.

Наряду с этой наиболее древней частью заимствованной лексики, общей у мерянского с другими финно-угорскими, прежде всего финно-пермскими, языками, мерянский обнаруживает более своеобразные, преимущественно собственные, заимствования. Интенсивные связи мерянского с угорскими языками отразились не только в области исконной лексики, где доля общих элементов относительно высока (41,2-44%), но и в заимствованиях. Обнаруженное заимствование *hali-/э- «умирать» относится к числу наиболее важных понятий. Вместе со своеобразным семантическим развитием лексемы *lil' < ф.-уг. lewle «душа», общим для мери и угров (а также пермян) и чуждым остальным финно-уграм, оно может свидетельствовать о тесных связях мери и угров, в частности в области верований.

К другим, не финно-угорским языкам, явившимся источником заимствований и включений, относятся болгарский, балтийские, греческий, славяно-русский и индоевропейский (фатьяновский, — очевидно, протославянский).

Болгарский был для мерянского источником пополнения понятиями, относящи-

мися к хозяйственной деятельности. У болгар (вместе с прибалтийскими финнами и мордовцами) меряне, по-видимому, заимствовали основы молочного скотоводства, связанного с доением сначала кобыл, затем коров, на которых было перенесено гибридное болгаро-финское название лошади-самки. От них же меря переняла огородничество, которому болгары, в свою очередь, учились у иранцев (*raḥša «овощи (свекла, брюква, огурцы)»).

Связи с балтийцами могли осуществляться как с помощью прибалтийских финнов, так и непосредственно. У балтийцев заимствовались, в частности, названия ремесленных изделий (*kirβās «топор»). С ними меря вступала в непосредственные торговые и меновые контакты, при которых в качестве языка-посредника использовался балтийский (*kolBê(-a) «разговор, речь», *kolBa- «разговаривать»).

С греческим языком меря столкнулась в связи с христианизацией. Отсюда, видимо, первыми миссионерами-греками, заимствовались термины, связанные с христианской религией (*jōβlos «дьявол»).

Более сложные лексические связи были у мерянского со славянским языком. Их следует, по всей видимости, разделить на два основных периода. Начало первого относится к I тыс. до н.э., когда (прото)меря в своем движении на запад и расселении на исторически засвидетельствованном месте обитания в области Волго-Окского междуречья застала там индоевропейское население — носителей фатьяновской культуры. Часть этого населения, судя по словам, заимствованным у него мерей (отчасти и другими финнами и пермянами), могла быть связана с этносом, сформировавшимся впоследствии на другой территории в праславянский. Собственно меряньскими словами, включенными из этого субстратного языка протославянского типа, могли быть такие лексемы, как *βeñ (ед.ч.), *βänək (мн.ч.) < *dwäni «(деревянные) двурогие вилы» и *cölê < *cölŭ «здоров(ый)» (в частности, как компонент приветственной формулы). Заимствования из этого языка протославянского (или близкого к нему) характера, имевшего, возможно, своеобразный путь развития, не полностью совпадавший с линией

эволюции будущего праславянского, носили характер субстратных включений, так как он растворился в мерянском (и других смежных финно-угорских языках) задолго до того, как меряне вошли в контакт с подлинными славянами – носителями прото(велико)русских диалектов древнерусского языка. Поскольку ассимиляция произошла, очевидно, не сразу и могла длиться несколько веков, в мерянский, как и другие финские языки, слова этого языка могли включаться на разных стадиях его развития.

Ко второму периоду (X-XVIII вв. н.э.) относятся языковые связи мери со славяно-русским населением, где все больший перевес оказывался на стороне славян, в связи с чем меря постепенно полностью перешла на их язык. На первом этапе контактов с носителями славяно-русского языка, когда меряно-славянское двуязычие не стало еще массовым явлением, из славяно-русского языка заимствовались слова, обозначающие понятия, до того не известные мерянам. К ним, в частности, относится мер. *koroni (-ms) < друс. хоронити «хоронить», видимо, первоначально относившееся к новому (христианскому) похоронному обряду, заимствованное у славян. На позднем этапе контактов со славяно-русским > (велико)-русским населением при развившемся среди

мери двуязычии могли заимствоваться также слова, имевшие соответствия в мерянском и употреблявшиеся наряду с ними в качестве синонимов. К ним, видимо, относится (поздне)мер. *тама, засвидетельствованное (пережиточно) в мер. зват. *тамај – рус. (диал., яросл.) *мамай!* Случаи подобного рода заимствований, вызванных отчасти мотивами престижности языка-источника, известны и другим языкам, ср. нем. *Mamá* < фр. *тамап* при нем. *Mutti*, нем. *Рара* < фр. *рара* при нем. *Vati* (Kluge-Mitzka 457, 530).

Анализ реконструированной части мерянской лексики, свидетельствуя о несомненном финно-угорском (и уральском) происхождении большинства ее слов и о связях в древнейших заимствованиях с другими финно-угорскими языками, показывает в то же время ее своеобразие как в исконной части словаря, так и в заимствованиях и субстратных включениях. Обе эти части мерянской лексики выделяются на фоне лексики других финно-угорских языков формальным и семантическим своеобразием элементов, общих с другими финно-угорскими, а также их своеобразным сочетанием. Специфика мерянского словаря создается также наличием в нем лексических заимствований и субстратных включений, не известных другим финно-угорским языкам. Черты своеобразия и связи мерянского с

другими родственными и неродственными языками, достаточно заметные даже при анализе небольшой, поддающейся в настоящее время воссозданию части его лексики, должны еще более проясниться при дальнейшей реконструкции и углубленном этимологическом исследовании мерянского словаря.

Резные изделия из кости в могильниках. [22, стр. 136]